

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
STATE UNIVERSITY
BULLETIN

MOSCOW STATE UNIVERSITY BULLETIN

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER SIX

NOVEMBER – DECEMBER

This journal is a publication
prepared by the Philological Faculty
Editorial Board.

There are six issues a year

MOSCOW UNIVERSITY PRESS • 2015

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 года

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 6

НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Выходит

один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2015

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;
филологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. Л. Ремнёва, докт. филол. наук, проф., зав. кафедрой русского языка, декан филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова – *главный редактор*

О. А. Смирницкая, докт. филол. наук, проф. кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова – *зам. главного редактора по лингвистике*

Е. В. Клобуков, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка – *отв. секретарь по лингвистике*

Н. А. Соловьёва, докт. филол. наук, проф. кафедры истории зарубежной литературы – *отв. секретарь по литературоведению*

Е. Г. Домогацкая, научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире», зам. декана филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова по редакционно-издательской деятельности – *оргсекретарь*

Члены редколлегии:

Т. Д. Венедиктова, докт. филол. наук, проф. кафедры истории зарубежной литературы, зав. кафедрой теории словесности

М. В. Всеволодова, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов

И. М. Кобозева, докт. филол. наук, проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики

Т. А. Комова, докт. филол. наук, проф. кафедры английского языкознания

С. И. Кормилов, докт. филол. наук, проф. кафедры истории русской литературы XX–XXI веков

Перевод на английский язык *М. М. Филипповой*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет

Подписано в печать 01.08.2015. Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 12,75. Уч.-изд. л. 12,0. Тираж 390 экз. Изд. № 10327. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupublishing.ru

© Издательство Московского университета, 2015

© «Вестник Московского университета», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- О.Г.Ревзина*. Язык писателя и литературный язык в концепции В.В.Виноградова. 7
- М.Ю.Сидорова*. Коммуникативно-функциональная грамматика и традиционные синтаксические объекты (придаточное определительное с союзным словом «который») 24
- М.В.Всеволодова*. Язык: норма и узус (подходы к системе языка) 35
- Н.В.Николенкова*. Поприще vs Верста в церковнославянском тексте XVII в. 58
- А.В.Архангельская*. Проблема зачина, или Когда историю пишут писатели (к вопросу о начале «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина) 71
- А.Г.Машкова*. Слово о Людовите Штуре (200 лет со дня рождения и 160 лет с дня смерти). 80
- Е.М.Белавина*. Весь этот шум, Или некоторые аспекты фоностилистики современной французской поэзии. 87

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- О.В.Кукушкина, А.А.Варламов*. Язык Пушкина: лексикографические этюды. 110
- Е.И.Литневская, О.А.Литневская*. К определению текстообразующих признаков когезии и когерентности 116
- Г.В.Дуринова*. Когнитивные методы в исторической семантике 124
- А.И.Плотникова*. Выбор окончания родительного падежа единственного числа существительными мужского рода в истории русского языка. 134
- Ругангдам Ансана*. Наименования предметов и реалий повседневной жизни по отношению к времени в современном французском языке . . . 146
- А.Е.Петренко*. Оценочные прилагательные в старофранцузском языке (на материале романа «Вильгельм Английский»). 156
- О.А.Мальцева*. Амбивалентная символика в начальных стихотворениях цикла Б.Пастернака «Нескучный сад» 168
- К.Г.Мартиросян*. Синтетизм в романе И.А.Булнина «Жизнь Арсеньева». . . 179

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- А.С.Рыбакова*. Александровская Е.Б., Лосева Н.В., Читахова Л.Л., Манакина О.Е., Брагина Т.В. Учебник французского языка «Le français. ru». М.: Нестор Академик, 2006; 2007; 2009; 2014 189
- Т.Н.Белова*. Н.В.Гоголь как художественный и культурно-исторический феномен / Зденек Пехал, Олег Зырянов и др. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2015. 202с. 199
- С.И.Кормилов*. Еремин В.Н. 100 великих литературных героев. М.: Вече, 2015. 320 с. (Популярная коллекция «100 великих»). 206

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Э.Масловская, Д.Пазио-Влазловская*. Международная научная конференция «Мир глазами души, душа глазами мира». 215

ПАМЯТИ...

- О.Г.Ревзина*. Татьяна Михайловна Николаева (1933–2015) 221

CONTENTS

ARTICLES

<i>Revzina O.G.</i> A Writer's Language and the Literary (standard) Language in V.V.Vinogradov's Conception	7
<i>Sidorova M.Yu.</i> The Communicative-functional Grammar and Conventional Syntactic Objects (the attributive subordinate clause with a conjunction-like word «который»)	24
<i>Vsevolodova M.V.</i> Language: The Norm and the Usage (approaches to the language system).	35
<i>Nikolenkova N.V.</i> <i>Понрище vs верста</i> in a XVII Century Church Slavonic Text	58
<i>Arkhangel'skaya A.V.</i> The Issue of Beginning, or When History is Composed by Writers (towards 'The History of the State of Russia' as begun by N.M.Karamzin).	71
<i>Mashkova A.G.</i> A Word on Ľudovít Štúr (his bicentennial and 160 years since his death)	80
<i>Belavina E.M.</i> 'All This Noise', or Some Aspects of the Phonostylistics of Contemporary French Poetry	87

COMMUNICATIONS AND MATERIALS

<i>Kukushkina O.V., Varlamov A.A.</i> Pushkin's Language: Lexicographic Studies . . .	110
<i>Litnevskaya E.I., Litnevskaya O.A.</i> Towards Defining the Text-forming Features of Cohesion and Coherence	116
<i>Durinova G.V.</i> Cognitive Methods in Historical Semantics	124
<i>Plotnikova A.I.</i> The Choice of the Genitive Inflection for the Singular Masculine Noun in the History of the Russian Language	134
<i>Angsana R.</i> Names of Objects and Realia of Everyday Life as Related to Time in Modern Russian	146
<i>Petrenko A.E.</i> Evaluative Adjectives in Old French (on the basis of materials from the novel «Guillaume d'Angleterre»).	156
<i>Mal'tseva O.A.</i> Ambivalent Symbolism in the Opening Poems of B.Pasternak's Cycle 'Neskuchny Garden'	168
<i>Martirosyan K.G.</i> Synthetism in I.A. Bunin's Novel 'The Life of Arseniev' . . .	179

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

<i>Rybakova A.S.</i> Alexandrovskaya E.B., Loseva N.V., Chitakhova L.L., Manakina O.E., Bragina T.V. A Manual of the French Language «Le français.ru». M.: Nestor Akademik, 2006; 2007; 2009; 2014	189
<i>Belova T.N.</i> N.V.Gogol as the Artistic and Cultural-Historical Phenomenon / Zdeněk Pechal, Oleg Zyryanov, et al. Olomouc, 2015. 202 c.	199
<i>Kormilov S.I.</i> Eryomin V.N. 100 Great Literary Characters. M.: Veche, 2015. (A popular collection '100 great figures')	206

SCHOLARLY LIFE

<i>Maslovskaya E., Pazio-Vlazlovskaya D.</i> The International Conference 'The World through the Eyes of the Soul, the Soul through the Eyes of the World'	215
--	-----

IN MEMORIAM...

<i>Revzina O.G.</i> Tatiana Mikhailovna Nikolayeva	221
--	-----

СТАТЬИ

О.Г.Ревзина

ЯЗЫК ПИСАТЕЛЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В КОНЦЕПЦИИ В.В.ВИНОГРАДОВА¹

В статье рассматриваются взгляды В.В. Виноградова на соотношение между литературным языком и выразительными средствами языка писателя в конкретную эпоху. Концепцию В.В. Виноградова помогают раскрыть его статьи о языке И.И.Дмитриева и языке басен И.А.Крылова.

Ключевые слова: литературный язык, художественный язык, единица художественной речи, языковое сознание, творческая личность, выразительность поэтического языка И.И.Дмитриева, выразительность басен И.А.Крылова

V.V.Vinogradov's theoretical hypotheses that uncover the relationship between a writer's language and the literary language in their historical existence are treated in the article. Vinogradov's articles "From Observations on I.I.Dmitriev's Language and Style" and "The Language and Style of Krylov" demonstrate a practical realization of his conception.

Key words: literary language, language of fiction, unit of fiction discourse, language conscience, creative personality, expressivity of I.I. Dmitriev's poetic language, expressivity of I.A. Krylov's fables.

«Глубины мыслей». Язык писателя и литературный язык – две магистральные темы, которыми В.В. Виноградов занимался на протяжении всего своего творческого пути. Их сцепление дает ту фундаментальную проблему, над которой постоянно размышлял В.В. Виноградов. Литературный язык В.В. Виноградов определял очень конкретно. Это «общий язык письменности того или иного народа, а иногда нескольких народов – язык официально-деловых документов, школьного обучения, письменного-бытового общения, науки, публицистики, художественной литературы, всех проявлений культуры, выражающихся в словесной форме, чаще письменной, но иногда и устной» [Виноградов, 1978: 288]. Что касается языка художественной литературы, определение В.В. Виноградова по существу очень близко позднейшим семиотическим разделением первичной и вторичной моделирующих систем. «Когда говорят о языке художественной литературы, – писал В.В. Виноградов, – слово „язык“ употребляется в двух значениях: 1) в смысле „речи“ или „текста“, отражаю-

¹ В основу статьи положен одноименный доклад О.Г.Ревзиной на «Виноградовских чтениях – 2015».

щего систему того или иного национального языка <...>, 2) в смысле „языка искусства“, т.е. системы средств художественного выражения» [Виноградов, 1981: 184]. Искусство – это творчество, а творчество немислимо без творца – создателя произведений словесного искусства. Так художественный язык из общего понятия становится вполне конкретным, доступным восприятию и анализу явлением. Это язык Державина, Фонвизина, Радищева, Карамзина, И.И.Дмитриева, Крылова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого – В.В.Виноградов создал совершенно уникальную галерею, в которой выявляется «личность писателя как художника-творца» [Виноградов, 1978а: 162]. За ней встает личность самого В.В.Виноградова как ученого. Характеризуя особенности научного мышления В.В.Виноградова, А.П.Чудаков писал о том, что В.В.Виноградову была абсолютно чужда редукция сложного до простого – «в популярном изложении он видел насильственное упрощение и примитивизм» [Чудаков, 1990: 334]. «Глубины мыслей» В.В.Виноградова, подчеркивает А.П.Чудаков, становятся доступными лишь при проникновении в «его внутреннюю логику» и его язык. Научная мысль В.В.Виноградова многомерна. Его научный язык предполагает размещение смыслов на уровне текста и на уровне подтекста. «Глубины мыслей» В.В.Виноградова часто располагаются на уровне подтекста. Это относится и к его учению о языке писателя и литературном языке.

Теоретические постулаты. В.В.Виноградов принимает следующие положения: а) «понятие языковой системы не только не исключает понятия об индивидуальной речевой системе, но, наоборот, предполагает его, так как сравнительное изучение ряда индивидуально-речевых систем лишь содействует более глубокому и полному пониманию общей языковой системы в ее внутреннем движении и в ее внутренних противоречиях», б) «В индивидуальном творчестве нередко раскрываются полнее и острее общие свойства и процессы языкового развития»; «язык и литература – проявление одной и той же эстетической интуиции» [Виноградов, 1978а: 161–162].

Проблемы, стоявшие перед В.В.Виноградовым, были выдвинуты научной парадигмой первой половины XX в. Соссюр писал: «Все, что входит в язык, заранее испытывается в речи; это значит, что все явления эволюции коренятся в сфере деятельности индивида» [Соссюр, 1977: 203]. По мнению К.Фосслера, в языке остается то, что принимается социумом: «Языковое выражение возникает в результате индивидуальной

деятельности, но оно утверждается, если приходится по вкусу другим, если они его принимают и повторяют либо бессознательно, т. е. пассивно, либо точно так же творчески, т. е. модифицируя, исправляя, ослабляя или усиливая, короче говоря, принимая коллективное участие» [Фосслер, 1956: 299]. Р. Якобсон ставит вопрос: «Возможно ли, чтобы зачатком изменения был единичный ляпсус <...>?» [Якобсон, 1982: 61]. Он определяет ляпсус как «единичный уклон от существующей нормы» и дает ответ, в котором подчеркивается социальная востребованность инновации: «Если это было одной лишь нечаянной оговоркой, то не остается оснований для ее повторения самим обмолвившимся или же его окружающими. Если повторение происходит и множится, то налицо, вне всякого сомнения, должен быть, пусть бессознательный, спрос на его применение. Его дальнейший переход из одного стиля в другие и все более широкое обобщение его применимости в языке опять-таки предполагает факт спроса, заинтересованности, нужды в данном новшестве под углом зрения языковой системы и ее носителей» [Якобсон, 1982: 62–63]. Все же остается неясным, как именно происходит переход «из речи в язык». В. В. Виноградов сужает вопрос, но делает его более конкретным. Он обращается не к анонимной, а к творческой языковой личности. Хотя такие понятия, как «власть языка над человеком» и «власть человека над языком», не используются, фактически В. В. Виноградов исследовал значение творческой личности в судьбе как художественного, так и литературного языка. Для такой личности не существует «ляпсусов», поскольку во главу угла ставится адекватная реализация художественного замысла. Творческой личности присуща особая языковая интуиция. Гениальная творческая личность, каковой является Пушкин, безошибочно угадывает тот оптимальный «проект будущего», который содержится в самом языке.

Единицы языка и единицы художественной речи. В работах 1920-х гг. В. В. Виноградов выдвигает понятие символа как единицы художественной речи: «Символ – это эстетически оформленная и художественно локализованная единица речи в составе поэтического произведения» [Виноградов, 1976: 373–374]. Символы, по мысли В. В. Виноградова, могут совпадать с любыми единицами языка: «со словами, фразами, предложениями, с большими синтаксическими единствами, с комплексами синтаксических групп [Виноградов, 1980: 244]. Не отличаясь формально от соответствующих единиц языка, символы по существу им омонимичны, ибо значение символов определяется на основе их связей в тексте, вне

которого символ не существует [Ревзина, 2014]. Понятие символа на самом деле таит в себе некий вызов. Мы привыкли, обращаясь к художественному тексту, выделять в нем различного рода тропы (эпитеты, метафоры и под.) и фигуры речи, полагая именно их средствами художественной выразительности. Такая выразительность, идущая от риторики, известна со времен античности. Эти средства отнюдь не игнорируются В.В. Виноградовым, но все же главное, на что он обращает внимание – как при анализе конкретного текста, так и при анализе индивидуального стиля, – это единицы языка как символы. И особенное его внимание привлекают лексико-стилистические пласты. Таковы «церковно-книжные элементы» и «выканье» – разговорно-речевая стихия в «Житии протопопа Аввакума» [Виноградов, 1980], «два слоя повествовательного стиля – высокий и низкий» в «Двойнике» Ф.М. Достоевского [Виноградов, 1976: 114]. «Церковнославянская стихия», французские заимствования, «стили национально бытового просторечия» – три составляющих языка Пушкина, которые В.В. Виноградов подвергает скрупулезному исследованию [Виноградов, 2000]. В языке Гоголя В.В. Виноградов видит «художественный захват русского национального языка – во всем многообразии его диалектных и профессиональных делений, с включением разных классовых стилей просторечия, разных жаргонов и специальных диалектов» [Виноградов, 1990а: 309]. Анализируя язык Л.Н. Толстого, В.В. Виноградов отмечает прежде всего «многослойную структуру разных стилистических планов, колеблющихся между двумя сферами – стилями современного автору литературного языка 60-х годов и речевыми стилями начала XIX века» [Виноградов, 2003: 171]. И далее последовательно рассматриваются «стародворянская» русско-французская речь, повседневно-разговорная речь и бытовое просторечие, профессиональные идиолекты – охотничий диалект, «диалект пчеловодов», военный язык и военная терминология, деловой язык, канцеляризм и «канцелярские архаизмы», церковнославянизмы, «термины и фразеологические обороты из области физики, математики, механики и астрономии» в философско-публицистическом стиле «Войны и мира» [Виноградов, 2003: 189]. Прослеживая историю русского литературного языка на протяжении XVII–XIX вв., В.В. Виноградов оперирует, собственно говоря, теми же категориями, то есть речь идет о соотношении церковнославянского, обиходного русского (простого) языка и заимствований в процессе сменяющих друг друга языковых ситуаций [Виноградов, 1982]. Но почему же в одном случае речь идет о «естественном языке», а в другом – «о языке искусства»?

Для ответа на этот вопрос нужно тщательно проанализировать то, о чем В.В.Виноградов не говорит прямо, но что он помещает в подтекст. В работах о «Житии» и о поэзии Анны Ахматовой В.В.Виноградов пишет о языковом сознании и о поэтическом языковом сознании. Он не дает языковому сознанию специального определения, но возможна следующая реконструкция. Структура языкового сознания многослойна. Есть базовый уровень – это язык как система, в которой воплощается «способ концептуализации действительности», сочетающий в себе универсальные и национально-специфичные черты [Апресян, 1995: 350]. В единицах и категориях языка вербализуется мышление, и, таким образом они равно значимы как для нехудожественного, так и для художественного языка. Следующий слой языкового сознания соотносится с конкретным состоянием языка в определенную эпоху. Это для В.В.Виноградова принципиальный вопрос – нельзя говорить о выразительных средствах языка вообще, а только применительно к конкретному времени. Мысль В.В.Виноградова перекликается с тем, что писал Н.С.Трубецкой Р.О.Якобсону в 1921 г. по поводу книги Р.О.Якобсона «Новейшая русская поэзия». Критикуя Якобсона за пренебрежение эстетическим критерием, Н.С.Трубецкой, в связи с системами поэтического мышления, писал, что «если бы Пушкин прочел Хлебникова, он просто не счел бы его поэтом» [Трубецкой, 2004: 17]. Охарактеризованное во времени языковое сознание связано также с определенной группой текстов. На протяжении столетий коллективное языковое сознание православных русских включало в себя в обязательном порядке Часослов и Псалтырь. Начиная с XVII века – и по восходящей – все большее значение для образованной социальной элиты приобретает художественный дискурс. В актуальном (маркированном времени) языковом сознании художественный дискурс присутствует как интертекстуальная база и как воплощенное художественное мышление. В монографии «Стиль Пушкина» В.В.Виноградов пишет: «Художественное мышление Пушкина – это мышление литературными стилями, все многообразие которых было доступно поэту» [Виноградов, 1941: 484]. Но как возможно такое мышление? Любой стиль создается и реализуется в тексте, иначе говоря, мышление стилями возможно, если в языковом сознании стилевой облик текстов разных художественных школ и направлений запечатлевается как сложная смысловая единица, подобная в этом плане единице языка. Итак, язык, тексты – есть ли еще какой-то слой в языковом сознании? Чтобы его обозначить, надо снова обратиться к языку. В нем есть не только

«опыт прошлого», но и «горизонт ожидания» (если воспользоваться терминами Р. Козеллека). Языковые потенции выявляются в творческой языковой деятельности. В. П. Григорьев назвал предметом лингвистической поэтики «творческий аспект языка в любых его манифестациях» [Григорьев, 1979: 58]. В. В. Виноградов, в свою очередь, пишет о том, что «языковое творчество, его законы, методы, направления и возможности ярче всего выражаются в великих произведениях словесного искусства» [Виноградов, 1978а: 161]. Творческое сознание устроено таким образом, что в современной ему языковой среде обитания оно связывает наличествующие в ней «проблемные зоны», переносит их в художественный язык и тем самым раскрывает возможные «проекты будущего». В. В. Виноградов выделяет в качестве символов языковые единицы, маркированные в генетико-стилистическом отношении, поскольку именно они определяли во второй половине XVIII–XIX вв. становящийся облик русского литературного языка, в котором «стилистическая окраска слов становится сильным изобразительным средством» [Томашевский, 1959: 342]. Художественному тексту, как известно, приписывают эстетическую функцию. Эстетическое отношение к языку – это то, что сцепляет воедино разные слои творческого языкового сознания и определяет те выборы, которые совершает создатель художественного текста.

«Мы живем в языковой стихии и уносимся ее течением», – писал В. В. Виноградов [Виноградов, 1978а: 152]. Он исследовал вещество языковой субстанции, природу ее движения и вклад человека в те русла, по которым ее течение может направиться. В конечном счете соотношение языка писателя и литературного языка в концепции Виноградова можно представить в следующих положениях: 1) создатель художественного произведения принадлежит своему времени, в его языковом сознании присутствуют те коллизии и напряжения, которые характерны для языка его эпохи; 2) в сгущенном, выпуклом виде эти «напряжения» переносятся в создаваемый художественный текст; 3) становясь символами, единицы языка превращаются в средства языка художественного и обретают новый критерий – «эстетического использования»; 4) художественный язык насыщает литературный язык теми характеристиками и той степенью свободы, которые необходимы для успешного функционирования литературного языка в будущем.

Был ли художественным язык И.И. Дмитриева? Как действуют в практическом анализе постулаты В. В. Виноградова, можно показать, обра-

тившись к его работе «Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева». «...в 90-х годах XVIII века резко выделился и был поставлен почти на ту же высоту, что и Карамзин, его друг, последователь и сподвижник И. И. Дмитриев» [Виноградов, 1990: 24]. Н. М. Карамзин «стремился во всех литературных жанрах сблизить письменный язык с живой разговорной речью образованного общества» [Виноградов, 1982: 197]. Детальный анализ языковой программы Н. М. Карамзина и карамзинистов («новаторов») в сопоставлении с языковой программой А. С. Шишкова и шишковистов («архаистов») содержится в трудах Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского [Лотман, Успенский, 1974; Успенский, 2008]. Б. А. Успенский представляет суть развернувшейся языковой полемики следующим образом. Новаторы и архаисты были едины в требованиях, которые они предъявляли к литературному языку (чистота, ясность, естественность), однако в эти требования они вкладывали разное содержание. Poleмика велась вокруг вхождения в литературный язык церковнославянизмов и европеизмов, а также простонародной (просторечной) лексики. Для карамзинистов церковнославянский и русский – это разные языки, поэтому очищение языка должно состоять в отказе от церковнославянизмов как заимствований. Напротив, следует усваивать элементы разговорного языка и галлицизмы, ибо они позволяют передать тонкие оттенки мысли и эмоциональных переживаний. В свою очередь, А. С. Шишков исходил из того, что церковнославянский и русский языки едины по своей природе, и очищение языка – это прежде всего отказ от галлицизмов и опора на исконно русский язык. Нетрудно видеть, что каждая из сторон предлагала тот вариант «проекта будущего», который полагался ими оптимальным для русского языка.

И. И. Дмитриев был достаточно плодовитым автором. Его перу принадлежат оды, стихотворные сказки и стихотворные сатиры, стихи, песни, басни, так называемые «мелочи» (эпиграммы, мадригалы, надписи). В. В. Виноградов обращается к журнальным публикациям произведений И. И. Дмитриева, сборнику «И мои безделки», «Сочинениям и переводам» 1814 г. В статье, которую правильнее назвать монографией, В. В. Виноградов рассматривает множество вопросов. Он анализирует одический, повествовательный, романсный, басенный стиль И. И. Дмитриева. По мнению комментатора, подход В. В. Виноградова – это подход с позиции историко-литературного языка: «как в поэзии И. И. Дмитриева использовался и – что особенно важно – создавался, формировался русский литературный язык» [Виноградов, 1990: 361]. Но творчество есть творче-

ство: с трудом можно предположить, что И.И. Дмитриев пишет, например, стихотворение «Ермак», но думает при этом не об адекватном воплощении своего замысла, а о выработке норм литературного языка. Здесь явно пропущено какое-то звено.

Неоценимым достоинством исследования В.В. Виноградова является приводимая в нем авторская правка И.И. Дмитриева, правка произведений И.И. Дмитриева Н.М. Карамзиным и авторская правка Н.М. Карамзина. «В монографии о языке Дмитриева, – пишет А.П. Чудаков, – примеры работы поэта над языком при редактировании своих сочинений даются десятками, приближаясь по полноте к некоему тезаурусу движения и замены речевых форм» [Чудаков, 1990: 333]. Полнота материала легла в основу важнейших выводов В.В. Виноградова, относящихся к эволюции стихотворного языка И.И. Дмитриева. Авторская правка предоставляет возможность ответить на вопрос, что руководило И.И. Дмитриевым: языковая программа или творческий замысел? Рассмотрим некоторые примеры:

1. *Какой-то Государь, прогуливаясь в поле, Раздумался об царской доле (1802) – Какой-то Государь, прогуливаясь в поле, Раздумался о царской доле; А об столе уже ни слова (1803) – А о столе уже ни слова (1814); Лишь он с двора, как гость на двор (1792) – Но он лишь со двора, а гость к нему на двор (1803).*

Итак, речь идет о вариантах предлогов *о/об* (а еще и *обо*), *с/со*. Такие варианты есть и у других предлогов (*без/безо, из/изо, к/ко, над/надо, от/ото, перед/передо, под/подо*). Их употребление в современном языке регулируется правилами, которые прописываются для вариантов каждого из предлогов по отдельности. Можно ли представить себе, что И.И. Дмитриев, производя правку своих стихов, думал о выработке правил для русской грамматики? Без сомнения, его волновало иное – сам стих и его художественная выразительность. Конкретнее, речь идет о благозвучии (что и отмечает В.В. Виноградов). Благозвучие в эпоху И.И. Дмитриева и Н.М. Карамзина – это такое же выразительное средство, как, скажем, олицетворение или метафора. Но тем самым в коллективное представление о литературном языке вводится своя эстетика – учет фактора благозвучия при выработке кодифицированной нормы. Известно, что в языковой программе карамзинистов огромную роль играла категория вкуса. Многообразие смыслов, связанных с категорией вкуса в языковой ситуации конца XVIII – начала XIX в., раскрыто Б.А. Успенским. Главное сосредоточено в двух пунктах: а) Б.А. Успенский приво-

дит определение Н. М. Карамзина: вкус – «эстетическое чувство, нужное для любителей Литературы» [Успенский, 2008: 25]; б) «карамзинисты ориентируются не на реальную, а, так сказать, на идеальную разговорную речь, апробированную критерием вкуса <...>. Речь идет о модификации и совершенствовании разговорной речи, как средстве создания литературного языка» [Успенский, 2008: 24]. Легко видеть, что к своей правке И. И. Дмитриев подходил именно с эстетическим чувством.

Б. В. Томашевский видел в литературе «лабораторию, в которой вырабатываются нормы литературного языка» [Томашевский, 1959: 350]. Установление стабильной нормы не лишает художественный язык статуса «лаборатории». Новые выразительные средства выявляются на путях отступления от нормы литературного языка и от художественной нормы (можно вспомнить В. Маяковского: *Громоздите за звуком звук вы и вперед, поя и свища, есть еще хорошие буквы: Эр, Ша, Ща* [«Приказ по армии искусств», 1918]). Между литературным языком и художественным языком устанавливается отношение взаимобмена: художественный язык выступает как донор раскрытых в нем потенциалов языковой системы, литературный язык через свои функциональные стили является донором такого выразительного средства, как интертекстуальность.

2. *Осужден к несносной скуке / Грусть в самом себе хранить (1892) – Осужден к несносной скуке, / Грусть в самом себе таить (1895, 1909).*
3. *С какою завистью я вижу пару эту (1803) – С какою завистью смотрю на пару эту (1818)*
4. *Ах! Сколько я в мой век бумаги исписал! / Той песню, той сонет, той льстивый мадригал (1792) – Ах! Сколько я в мой век бумаги исписал! / Той песню, той сонет, той лестный мадригал (1803).*

В этих примерах речь идет о выборе слова: *хранить / таить грусть, смотрю / вижу, льстивый / лестный мадригал*. Оба варианта вполне нормативны, стилистически нейтральны, сходны по значению. И все же И. И. Дмитриев производит замену. Можно полагать, что в данном случае также имеет место художественная мотивация. И. И. Дмитриев заменяет *хранить* на *таить*, потому что в *хранить* нет того компонента «невывысказываемости», которая есть в *таить* (ср. *тайная грусть*); он предпочитает глаголу *видеть* («воспринимать зрением») глагол *смотреть* («направлять взгляд куда-л, чтобы увидеть»), поскольку *смотреть* гораздо в большей степени актуализирует смысл «здесь и сейчас», в конкретной ситуации; он отказывается от *льстивый* в пользу *лестный*, поскольку

лестный мадригал подчеркивает превосходные качества воспеваемой возлюбленной, а *льстивый* оставляет в сомнении, действительно ли эти качества у нее присутствуют. Итак, выразительный художественный язык – это язык семантически точный, адекватный выражаемой мысли. Но тем самым и в представление о литературном языке вносится представление о языке, характеризующемся тонкой семантической дифференциацией, располагающейся внутри языка нормы.

В. В. Виноградов отмечает, что «требование логической точности словоупотребления, стремление к ясности выражения мыслей – наследие эпохи классицизма» [Виноградов, 1990: 82]. Среди многочисленных суждений Н. М. Карамзина в языке И. И. Дмитриева В. В. Виноградов выделяет в специальную рубрику указания «на семантическую неточность, неясность или двусмысленность употребления» [Виноградов, 1990: 81]. Однако некоторые примеры заставляют думать об ином – поэтическом ощущении неуместности слова в контексте, что, очевидно, чувствовал Карамзин. Ему не понравилась строка И. И. Дмитриева *Смири свою ты наглость, время!* В самом деле, В. В. Виноградов приводит второе из значений слова *наглость* по «Словарю Академии Российской»: «В отношении к ветрам: ярость, сильное стремление, жестокий порыв» [Виноградов, 1990: 81]. Если *время* метафорически концептуализируется как стихия, то перенос качества одной стихии на другую кажется вполне оправданным. Как и Н. М. Карамзину, современному читателю строка И. И. Дмитриева также вряд ли понравится. И дело, здесь думается в основном значении существительного *наглость*: «бесчинство, дерзость, свойство наглого достигнуть чего-либо не трудами или заслугами, а свойством наглости». Слишком явным образом это значение соотнесено с человеком, его свойствами и такими социальными действиями, какие сложно помыслить применительно к времени. Здесь можно говорить об «упреждающей» семантической точности самого Карамзина, ибо впоследствии *наглость* как обозначение жестокого порыва ветра вышло из употребления в русском языке.

Отдельно В. В. Виноградов рассматривает замечания Н. М. Карамзина «о неровности стиля И. И. Дмитриева, о сочетании экспрессивно и стилистически диссоциирующих слов в том или ином жанре» [Виноградов, 1990: 82]. Например, о стихотворении И. И. Дмитриева одического стиля «Стихи на восшествие на престол императора Павла Первого» Н. М. Карамзин пишет: «Вместо тропой не лучше ли стезей? Вместо опускают – опускают?» [Виноградов, 1990: 83]. Правка Н. М. Карамзина ка-

жется настолько очевидной, что возникает, скорее, обратный вопрос: почему И.И. Дмитриев отступает от, казалось бы, непреложного для него правила и отказывается от *стеzi* в пользу *тропы*? Как мы знаем, Пушкин утвердил право каждого генетико-стилистического пласта войти в состав русского литературного языка и освободил слово от привязанности к жанру. В русском языке складывается стилистическая парадигма *сте-зя – путь – дорога – тропа (тропка, тропинка) – колея*. Рассматривая историю становления этой парадигмы, Е. С. Копорская пишет: «Для русской лексики типичными были процессы семантической аналогии, в результате которых русские слова получали отвлеченные значения, свойственные ранее славянизмам» [Копорская, 1988: 212]. Слова *тропка, тропинка* включаются в данный синонимический ряд с конца XVIII – начала XIX в. Е.С. Копорская приводит примеры из стихотворного дискурса этого времени (в том числе и из И.И. Дмитриева: *И к славе тропки не найду*), когда «высокое» содержание передается словом живой разговорной речи. «Слова *тропа, тропка, тропинка* в этих случаях употреблялись с целью оживить стершийся метафорический образ» [Копорская, 1988: 215]. Это, очевидно, и привлекло И. И. Дмитриева. Казалось бы, такая малость – одна поправка в одной строке, – а между тем каждый такой маленький шаг приближал то будущее, которому суждено было свершиться в языке Пушкина (напомним: *Я памятник себе воздвиг нерукотворный. К нему не зарастет народная тропа*).

С «неровностями стиля» связаны замечания Н.М. Карамзина, относящиеся к просторечию и «простонародным выражениям». В качестве примера такого стилистического разнобоя В.В. Виноградов приводит образцы творчества поэта докарамзинской поры князя И.М. Долгорукого: *Разиня рот, я любовался При Селимене там на все; По-русски молвить: жестко стелет, Да мягко, сказывают, спать; А то вить скажут все: какой-ста он дурак*. В.В. Виноградов пишет о стихах И. М. Долгорукого: «...в его среднем стиле замечается неорганическое сочетание простонародных выражений с славянизмами, канцеляризмами, отвлеченно-книжными фразами, французскими цитатами и светски-европейскими оборотами» [Виноградов, 1990: 40]. Лингвистический вкус карамзинистов требовал «приятности языка» и «приятности слога» [Успенский, 2008: 25]. В.В. Виноградов приводит знаменитое рассуждение Н.М. Карамзина: «То, что не сообщает нам дурной идеи, не есть низко. Один мужик говорит п и ч у ж е ч к а и п а р е н ь : первое приятно, второе отвратительно» [Виноградов, 1990: 83]. И дальше Н. М. Карамзин красочно

описывает тот образ, который возникает у него при слове *парень*: «дебелый мужик, который чешется неблагопристойным образом...» [Виноградов, 1990: 84]. Итак, слово вызывает образ, денотат которого не соответствует «приятности». На этом основании Н. М. Карамзин советует, например, заменить слово *пот* в стихотворной строке *С обоих сыплет пот как град*. Однако – редкий случай! – И. И. Дмитриев этому совету не последовал, – очевидно, выразительное сравнение не казалось ему погрешностью против вкуса (ср. общеупотребительное *Пот лил с него градом*). Этот пример позволяет показать те границы, за пределами которых критерий лингвистического вкуса утрачивал свое значение. В. В. Виноградов пишет: «Карамзин и его приверженцы, в том числе и И. И. Дмитриев, ставили перед собой задачи – разобраться в том сложном и разнородном, не имеющем и во всяком случае тогда не имевшем твердых границ потоке устной речи, который в ту пору обозначался именем „просторечия“. Тут были и общеразговорные слова, обороты и формы, лишенные книжного колорита, и те элементы бытовой речи, которые носили экспрессивный отпечаток демократической непринужденности, а иногда и грубости, даже вульгаризма, а также диалектные или жаргонные выражения. К просторечию подходила, отчасти с ним сливаясь, струя простонародной речи» [Виноградов, 1990: 31]. Действительно, просторечие как часть лексикона и как стилистическая категория – исключительно сложное явление. Попытки стилистического упорядочения просторечной и простонародной лексики происходили на протяжении всего XVII в., однако просторечие оставалось, вообще говоря, явлением непознанным. Просторечие – это богатство языка и это синкретизм смыслов, включая смыслы проблематичные. Будучи языком этноса, просторечная и простонародная лексика вербализует ту картину мира, которая не может быть передана ни церковнославянизмами, ни тем более заимствованиями. С просторечием связан национальный менталитет – особенно показателен в этом отношении поговорочный и пословичный фонд. «Синкретизм смыслов» состоит в том, что просторечие, как стилистический смысл, несет в себе информацию об устном канале связи, о говорящем (его профессиональная, социальная, локальная характеристика, образовательный ценз), о его эмоциях, его оценке, об отношении к отправителю [Ревзина, 2015]. «Проблематичные» смыслы – это то, что В. П. Ермаков называет «этически невыдержанным» содержанием слова [Ермаков, 2001]: вульгарность, грубость, брань. Чтобы оценить богатство просторечия (и даже его очарование), надо, что называется, ощущать его

изнутри. Этого, пожалуй, нельзя сказать ни о Н.М.Карамзине, ни о И.И.Дмитриеве. Но они сделали очень много, показав фактически, что грубость, вульгарность, резкая сниженность искажают художественный замысел. Рассудочно, ментально можно было обосновывать исключение грубого просторечия как программу (отнесенность к низкому стилю), а эмпирически получалось то, что грубый и фамильярный лексикон не был художественно выразителен: слишком однозначны, конечны, тупиковы были его оценочные смыслы. Тем самым был поставлен заслон для вхождения низкого просторечия в литературный язык. Агрессия низкого просторечия наблюдалась дважды в XX в.: после 1917 и после 1985 г. По существу были подтверждены интуиции Н.М.Карамзина и И.И.Дмитриева – *Не бывает, чтоб смолою плакал дуб!* (М.Цветаева).

Поэтический идиолект И.А.Крылова. Сопоставление басен И.И.Дмитриева и басен И.А.Крылова демонстрирует «одновременность разновременного» и «разновременность одновременного» в истории в целом и в истории языка. Одновременность – ибо хронологически оба автора принадлежат одному времени, разновременность – ибо подход к просторечию у И.А.Крылова относится к «горизонту ожидания». И.А.Крылов находится не вне, а внутри просторечия, в этом просторечии нет, собственно говоря, слов с «этически невыдержанным» содержанием. Просторечие – это лексика, и фразеология, синтаксис, морфология, и фонетика, и все они согласованы между собой, то есть это особая и по сути непознанная система. Неотделим от просторечия огромный фонд пословиц и поговорок. Здесь вступает в действие «словесное чутье» И.А.Крылова – его творческая интуиция. «...работа русского писателя над языком басни, – пишет В.В.Виноградов, – представляла собой одновременно и глубокие разведки в область сокровищ живого слова и напряженные поиски новых выразительных средств русского литературного языка в кругу однородных идей и образов» [Виноградов, 1990б: 153]. В статье «Язык и стиль басен Крылова» В.В.Виноградов по существу дает исчерпывающее описание поэтического идиолекта и поэтического идиостиля И.А.Крылова в том формате, который становится общепризнанным лишь во второй половине XX в. Виноградов, можно сказать, наслаждается, анализируя одну за другой басни Крылова. Оставив за порогом грубую и вульгарную лексику как малохудожественную, И.А.Крылов в остальном не ставил границ просторечной бытовой лексике – ее востребованность определялась соответствием замысла и воплощения. И этот

словарь легко сочетался с высокой и книжной лексикой, и лексикой ин-тертекстуально насыщенной – при этом не возникало никаких «неровностей стиля», равно как и погрешностей против лингвистического вкуса [Кимягарова, 1976]. Совершенно особое место в поэтическом языке И. А. Крылова занимают глагольные словоформы как единицы художественной речи (то есть как символы в понимании В. В. Виноградова). «В басенном строе Крылова использованы самые разнообразные формы выражения временных и модальных оттенков русского глагола и раскрыты заложенные в них экспрессивные возможности» [Виноградов, 1990б: 177]. Как всегда у В. В. Виноградова, соответствующие примеры следуют сериями (ср.: *И новые друзья ну обниматься, Ну целоваться; Случись тут мухе быть; Лишь он вспоет – старуха встала; Тихохонько медведя толк ногой; Нет, кумушка, я выдывал частенько, что рыльце у тебя в пуху* и др.). Эти явления рассматриваются наряду с традиционно понимаемым набором выразительных средств – олицетворением, метафорой, каламбуром, разного рода звуковыми сближениями (ср. паронимическое сближение омонимов в *Я Соловьем в лесу здесь названа;/ А моему сме-яться смеют пенью!*), звуковой изобразительностью (ср. в басне «Свинья: *Хавронья хрюкает: «Ну, право, порют вздор <...> А, кажется, уж, не жалея рыла, Я там изрыла Весь задний двор* – так рождается звуковой сюжет). Исследование В. В. Виноградова отличается такой насыщенностью и содержательностью, оно так нацелено на конечный результат, что в какой-то момент ловишь себя на мысли: а где же здесь связь с литературным языком и в чем проявляются «виноградовские постулаты», если говорить об индивидуально-авторском поэтическом языке И. А. Крылова? Здесь следует вспомнить, что многое у В. В. Виноградова не говорится прямо, а перемещается в подтекст. Виноградовский постулат гласит, что в художественном языке символами становятся те языковые явления, которые определяют выбор будущего для литературного языка. Н. М. Карамзин и И. И. Дмитриев, в соответствии с выдвинутой Н. М. Карамзиным языковой программой, «поверяют алгебру гармонией», то есть выразительность определенной части просторечия с позиции лингвистического вкуса. Движимый «словесным чутьем» И. А. Крылов устремлен к тому же просторечию, он вскрывает богатейшие выразительные возможности его системы. Отсюда следует, что русскому литературному языку и его стилистической дифференциации просторечие необходимо. Пожалуй, пресловутые формулировки «власть языка над человеком и «власть человека над языком», отступают, когда речь идет о творчестве. Язык и

творческая личность – благодатный и благодарный союз. Об этом и пишет В. В. Виноградов: «Язык басен Крылова оказал громадное формирующее влияние на новую стилистическую систему русского литературного языка не только потому, что в нем с необыкновенной глубиной и ясностью воплотились основные тенденции русского литературного языка в XIX веке, но и потому, что в нем с покоряющей силой и удивительной художественной полнотой раскрылось гениальное словесное мастерство самого Крылова, как великого народного поэта» [Виноградов, 1990б: 167].

В. В. Виноградов мог принимать решения и сомневаться в них. В «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков» [Виноградов, 1982] включены параграфы и отдельные главы, посвященные языку Державина и Радищева, Карамзина и Крылова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого. Однако в монографии «О языке художественной литературы» В. В. Виноградов выступил с критикой этого «смешанного» принципа [Виноградов, 1959: 79]. Так следует ли включать в историю русского литературного языка язык писателя? Если бы можно было теперь обратиться к В. В. Виноградову, я бы ответила: необходимо, и лучше всего это доказали Вы, Виктор Владимирович.

Список литературы

- Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка // *Апресян Ю. Д.* Избр. труды. Т. II. Интегральное описание системы языка и системная лексикография. М., 1995.
- Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М., 1941.
- Виноградов В. В.* К морфологии натурального стиля. Опыт лингвистического анализа петербургской поэмы «Двойник» // *Виноградов В. В.* Избр. труды. Поэтика русской литературы. М., 1976.
- Виноградов В. В.* Литературный язык // *Виноградов В. В.* Избр. труды. История русского литературного языка. М., 1978.
- Виноградов В. В.* О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII–XIX вв. // *Виноградов В. В.* Избр. труды. История русского литературного языка. М., 1978а.
- Виноградов В. В.* О задачах стилистики. Наблюдения над стилем жития протопопа Аввакума // *Виноградов В. В.* Избр. труды. О языке художественной прозы. М., 1980.
- Виноградов В. В.* Проблемы русской стилистики. М., 1981.
- Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. 3-е изд. М., 1982.

- Виноградов В. В.* Из наблюдений над языком и стилем И.И. Дмитриева // Виноградов В.В. Избр. труды. Язык и стиль русских писателей: От Карамзина до Гоголя. М., 1990. С. 24–147.
- Виноградов В. В.* Язык Гоголя// Виноградов В.В. Избр. труды. Язык и стиль русских писателей: От Карамзина до Гоголя. М., 1990а. С. 271–330.
- Виноградов В. В.* Язык и стиль басен Крылова // Виноградов В.В. Избр. труды. Язык и стиль русских писателей: От Карамзина до Гоголя. М., 1990б. С. 148–181.
- Виноградов В. В.* Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М., 2000.
- Виноградов В. В.* О языке Толстого (50–60-е годы) // Виноградов В.В. Избр. труды. Язык и стиль русских писателей: От Гоголя до Ахматовой. М., 2003.
- Григорьев В. П.* Поэтика слова. М., 1979.
- Ермаков В. Н.* Проблемы лексической семантики русского просторечия: Автореферат дисс. ... докт. филол. наук. М., 2001.
- Козеллек Р. = Гюнтер Х., Козеллек Р., Майер К., Одило Э.* История (Geschichte, Historie) // Словарь основных исторических понятий. Т. 2. М., 2014.
- Копорская Е. С.* Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. М., 1988.
- Кимягарова Р. С.* Словарь языка басен Крылова. М., 2006.
- Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. М., 2004.
- Ревзина О. Г.* Виноградовские ключи к анализу художественного текста // Structures and Functions Studies in Russian Linguistics. 2014. V.1. № 2. P. 68–101.
- Ревзина О. Г.* Стилистическая система русского языка в динамическом аспекте // Язык, литература, культура. Вып. 10. М., 2014. С. 23–36.
- Соссюр Ф. де.* Труды по общему языкознанию. М., 1977.
- Томашевский Б. В.* Язык и стиль // Томашевский Б.В. Стих и язык. Филологические очерки. М.; Л., 1959.
- Трубецкой Н. С.* Письма и заметки Н. С. Трубецкого. М., 2004.
- Успенский Б. А.* Вокруг Тредиаковского: Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008.
- Фосслер К.* Позитивизм и идеализм в языкознании (Извлечения) // Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX веков. М., 1956.
- Чудаков А. П.* Язык русской литературы в освещении В.В. Виноградова //

Виноградов В.В. Избр. труды. Язык и стиль русских писателей: От Карамзина до Гоголя. М., 1990.

Якобсон Р., Поморска К. Беседы // Bibliotheca Slavica Hierosolymitana.1982.

Сведения об авторе: Ревзина Ольга Григорьевна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: orevzina@gmail.com

М.Ю. Сидорова

КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА И ТРАДИЦИОННЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ (ПРИДАТОЧНОЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЕ С СОЮЗНЫМ СЛОВОМ «КОТОРЫЙ»)

В статье с позиций коммуникативно-функциональной грамматики Г.А.Золотовой рассматриваются текстовые функции придаточных определительных с союзным словом «который». Обосновывается необходимость учета типа текста, коммуникативной ситуации и намерений говорящего для выявления роли придаточных определительных с «который» в переключении коммуникативных регистров и формировании субъектной перспективы текста. Материалом анализа служат тексты русскоязычной фантастической литературы.

Ключевые слова: русский язык, коммуникативно-функциональная грамматика, коммуникативный регистр, художественный текст, придаточное определительное.

The article considers, from the viewpoint of G.A. Zolotova's communicative-functional grammar, textual functions of attributive subordinate clauses with the conjunction-like word "который" (=which, that, who). The author makes the case for taking into account the type of text, the communicative situation and the speaker's intentions in order to determine the role of subordinate clauses with "который" in switching communicative registers and forming a subjective text perspective. Science fiction texts in Russian serve as materials for analysis.

Key words: Russian language, communicative-functional grammar, communicative register, text of fiction, attributive clause.

Методологическая основа коммуникативно-грамматического подхода, предложенного Г. А. Золотовой и развиваемого ее последователями в разных странах мира, – взаимонаправленное движение от грамматики к тексту и от текста к грамматике. Основы этого подхода были заложены акад. В. В. Виноградовым, показавшим, в частности, в работах «Стиль „Пиковой дамы“» и «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума», как наблюдения над использованием видов-временных форм глаголов в тексте дают новое знание и о композиции текста, и о взаимодействии системы персонажей и сюжетной линии, и о принципах управления динамикой действия и точками зрения со стороны автора,

и о функциональных возможностях несовершенного и совершенного вида глаголов разных семантических классов в системе языка.

Пять взаимообусловленных принципов современных коммуникативных грамматик (интегральность, текстоцентричность, антропоцентричность, функциональность и коммуникативность) демонстрируют преодоление разрыва между грамматическим анализом конкретного текста как отдельного речевого произведения (экземпляра), т.е. грамматикой текста (*the grammar of the text*), и изучением принципов, правил реализации системы языка посредством коммуникативной деятельности говорящего в связной речи, что видится сейчас как основная задача синтаксиса. Одно немыслимо без другого.

Не случайно Г. А. Золотова заключает «Коммуникативную грамматику русского языка» утверждением, что «коммуникативная грамматика не противопоставляет язык-систему и язык-текст: система выстраивается по результатам анализа конкретных текстов, а текст понимается как конкретная реализация языковой системы. Область взаимодействия системы и текста – субъектная сфера мыслящей и говорящей личности. Исследователь, как бы помещая себя в эту субъектную сферу, и рассматривает языковые явления в единстве их системных и речевых свойств» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998: 477]. Но перечисленные пять принципов лингвистического анализа не только «позволили, показав возможности изучения текстовых структур на основе грамматического знания, увидеть новые связи между языковыми явлениями, скорректировать прежние представления» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998: 477]. Они придают грамматике когнитивный смысл: «Общий критерий взаимной обусловленности значения, формы и функции грамматических единиц и категорий соотносит языковые факты с явлениями действительности и с характером соответствующих мыслительных процессов, вместе с тем уточняя их системную мотивированность» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998: 470]. Таким образом, в единую стереоскопическую систему соединяются коммуникативное и когнитивное видение традиционных объектов синтаксиса. В указанной коллективной монографии Н. К. Онипенко дала образец такого переосмысления сложного предложения с позиций субъектной перспективы [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998: 360–372].

В данной статье рассматриваться объект, с одной стороны, более частный, а с другой – открывающий путь к объяснению реального функционирования языковых структур в зависимости от типа текста. Такой под-

ход был уже нами применен к анализу неопределенно-личных конструкций в художественной прозе [Сидорова, 2011]. На этот раз рассмотрим придаточные определительные с союзным словом *который*.

Традиционные грамматики русского языка и словари (справочники) лингвистических терминов не дают представления о том, какие функции эти придаточные («отвечающие на вопрос *какой?* и относящиеся к члену главного предложения, выраженному именем существительным или субстантивированным словом» [Розенталь, Теленкова, 1976]), выполняют в тексте, в связной речи. Нам известны только отдельные работы, в которых рассматривается эта проблема, причем, как правило, сопоставительные и имеющие своим предметом не текст как таковой, не определенный тип текста, а конкретный текст (см., например, [Клепацкий, 2009]). В целом в русистике освещение интересующего нас синтаксического объекта недалеко ушло от грамматик А. Х. Востокова и Ф. И. Буслаева. Основной проблемой, которая занимала лингвистов при описании сложного предложения, была классификация. Академическая грамматика русского языка [Русская грамматика, 1980] сосредоточена на средствах связи между главным и придаточным и не дает ответа на главный вопрос: а зачем в принципе говорящий то или иное придаточное использует? И дефиниции типов сложноподчиненного предложения, в том числе с придаточными определительными, даются через характеристику связи (§ 2880). Обсуждение функций придаточных предложений сводится к вопросу о степени их сходства с функциями словоформ – компонентов простого предложения (§ 2767). Даже ограничительная и распространительная разновидность придаточных с *который* трактуются как ограничительная и распространительная **связь**. Вопрос «как выражено?» почти полностью вытесняет из грамматического анализа вопросы «что?», «почему?» и «зачем?»

На первых же подступах к проблеме текстового функционирования определительных придаточных с *который* становится ясно, что отвечать на эти вопросы следует дифференцированно – в зависимости от того типа текста, в котором такие придаточные используются. Ср., например, художественный нарратив (1) и экспозиционный юридический текст (2):

(1) *В двадцать лет он догнал ростом Отца, которого за глаза и в глаза называли Корабельной Сосной* (М. Далин); *Ведь серебристое тело, неясный контур которого сохранили кристаллики видеопленки, так похоже на звездолет...* (С. Лукьяненко);

(2) *Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь*

и свободное развитие человека (Конституция РФ); Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя... (Там же).

Примеры типа (2) представляют монорегистровый текст с единым уровнем абстракции и ментальным способом познания мира. В нем отсутствуют актуальный хронотоп, событийная линия, переключение субъектных позиций. По отношению к подобным текстам целесообразно анализировать придаточные с *который* прежде всего в логическом плане – с точки зрения их рестриктивной (сужение множества объектов, названных определяемым словом) или характеризующей (добавление признаков к множеству объектов, названных определяемых словом) роли.

Примеры типа (1) извлечены из текстов, главная цель авторов которых – довести сюжет из точки А в точку Б, одновременно организуя систему персонажей (диктумных и модусных субъектов – действующих и испытывающих воздействие, наблюдающих, оценивающих, переживающих, мыслящих) и наращивая на «костяк» сюжета фикциональный мир. О сюжете мы говорим как об отправной точке потому, что перед нами именно сюжетный прозаический текст: «герой эпоса», как известно, «происшествие». Примеры берутся целенаправленно из той области художественного нарратива, в которой требования к динамике сюжета, осязаемости и достоверности фикционального мира (причем с ослабленной опорой на фоновые знания адресата) и к позиции персонажа обострены – это фантастическая литература, а конкретно – фэнтези (об особой роли внутритекстового субъекта в таких текстах см. [Сидорова, 2014]). Движение сюжета из точки А в точку Б в современной художественной литературе осуществляется через сферы сознания персонажей, сменяющих свои субъектные роли – модусные и диктумные, и путем чередования «сцен» и «отвлеченных сообщений» (Б. Томашевский), т.е. фрагментов текста, представляющих разный уровень обобщения, разный способ познания мира (сенсорный или ментальный) и разную пространственно-временную позицию говорящего: соприсутствие в актуальном хронотопе событиям, которые он наблюдает и / или в которых участвует, либо пространственно-временную дистанцию, приподнятость говорящего над линией событийного времени – обобщающая, хроникальная позиция.

Если эту типологию текстовых фрагментов, значимость которой для литературоведения подтверждается использованием ее в разной термино-

логии в отечественной и зарубежной традиции (*scene and summary, show vs tell*), соединить с традиционной оппозицией описания и повествования, то получится не что иное, как фрагмент системы коммуникативных регистров речи в грамматике Г. А. Золотовой: репродуктивно-описательный и репродуктивно-повествовательный регистр – «сцены», информативно-описательный и информативно-повествовательный – «отвлеченные сообщения».

В примерах типа (1) каждое сложное предложение реализует а) взаимодействие коммуникативных регистров; б) сочетание разных субъектных планов. Первый пример представляет собой сообщение о событии в информативно-повествовательном регистре в главном предложении (*В двадцать лет он догнал ростом Отца...*) плюс информативно-описательное придаточное, вводящее точку зрения неопределенно-личных субъектов на одного из лиц, упомянутых в главном (*...которого за глаза и в глаза называли Корабельной Сосной*). Во втором примере обе части сложного предложения объединены сферой сознания персонажа (показателями служат слова *ведь, неясный, похоже*), главная часть представляет собой информативно-описательный регистр (*Ведь серебристое тело... так похоже на звездолет...*) – осмысление говорящим наблюдения, которое передается в репродуктивно-описательном придаточном (*...неясный контур которого сохранили кристаллики видеопленки...*). В обоих примерах авторы в пределах одного предложения дают сообщение о некотором факте фикционального мира (событии или наблюдении) и его оценке, осмыслении, соединяя тем самым диктумный и модусный план.

На основе регистрового и модусно-диктумного анализа возможна типизация текстовых функций придаточных с *который* в сюжетной художественной прозе. Далее описываются четыре типа регистрового соотношения придаточного с *который* и главного предложения, составляющие основу такой классификации (в качестве иллюстраций использованы опять же примеры из фантастической литературы). Следует заметить, что в англоязычной классификации текстов, выполненной на компьютерно обеспеченных лингвистических основаниях, фантастика – так же, как и любовный роман и некоторые другие жанры художественной литературы, выделяется в отдельный «регистр» – в том смысле термина, в котором его использует системно-функциональная грамматика М. А. К. Холлидея, то есть мы не можем с полной определенностью говорить об экстраполяции предлагаемой классификации на все жанры художественного нарратива. О том, насколько велики могут быть грамматические

межрегистровые (опять же в том смысле термина «регистр», в каком он употребляется у Холлидея) различия между текстами, в том числе в сфере сложного предложения, можно судить по работам Д. Байбера, например [Biber, 1993, 2011, 2012, 2013].

В рамках предлагаемой нами классификации выделяются четыре типа сложных предложений: в двух из них происходит смена коммуникативного регистра на границе между главной и придаточной частью, а в двух других придаточное с *который* сохраняет ту же регистровую принадлежность, что и главное предложение. При переключении регистра (с репродуктивного на информативный или наоборот) меняется уровень обобщения, пространственно-временная позиция носителя точки зрения и способ познания мира (сенсорный / ментальный). Кроме того, и в предложениях с переключением регистра, и в монорегистровых предложениях между главным и придаточным возможно несовпадение по другому признаку типологии коммуникативных регистров Г. А. Золотовой – динамике / статике, что отражается в переключении подрегистров: описательная $\leftarrow \rightarrow$ повествовательная разновидность репродуктивного или информативного регистров.

1) Из репродуктивного регистра – в информативный

Преобладание композиционных блоков репродуктивного регистра, в целом характерное для сюжетной прозы, в фантастике – неременное условие, ведь автору, с одной стороны, нужно создать для читателя «дивный, новый мир», существенно отличающийся от привычной реальности, с другой – динамично и увлекательно раскрутить маховик сюжетного действия, что гораздо эффективнее достигается в «сценах», чем в «отвлеченных сообщениях».

Но в репродуктивные блоки, содержащие описание или повествование в хронотопе рассказчика, как бы съемку видеокамерой, установленной в том «здесь и сейчас», которое приглашается наблюдать читатель, можно вписывать информацию, выходящую за пределы этого наблюдаемого «здесь и сейчас», раздвигая таким образом пространственные и временные границы изображаемого и углубляя субъектную перспективу. Накопление знаний читателя о вымышленном мире идет, таким образом, и через перцептивный, и через ментальный модус – и по линии наблюдения, и по линии знания, которым ненавязчиво делятся с ним автор и внутритекстовые субъекты, населяющие этот мир.

Так, придаточное с *который* может создавать выход из репродуктивного регистра в информативно-описательный, добавляя к действию или

другой наблюдаемой характеристике персонажа или предмета указание на его постоянное качество:

*Он прошел всю анфиладу, залитую закатным светом, и остановился перед маленьким домашним алтарем из черноты, **внутри которого хранилась ониксовая фигурка священного круга*** (О. Ларионова) – репродуктивно-повествовательный и репродуктивно-описательный регистры в главном предложении → информативно-описательный в придаточном; *Рядом, на камне, сидел горбатый Юноша К-Ви, старый дядька детей Семьи Л-Та, **который, будучи калекой, никогда ни с кем не сражался и не был в браке*** – репродуктивно-описательный регистр в главном → информативно-описательный в придаточном.

Этот тактический прием позволяет «рассыпать» по событийной линии информацию из плана прошлого или узуального настоящего, обогащая представление читателя о вымышленном мире, населяющих его субъектах и мотивациях их поступков. Так, например, придаточное с *который* в следующем предложении из романа О. Ларионовой «Чакра Кентавра» позволяет включить в событийную линию описание боевой чешуи фантастического коня с тем, чтобы тут же «использовать» указанное свойство в повествовании: *Бесконечно длинным, грациозным прыжком преодолел он расстояние от конюшенной башни до порога замка и опустился перед своим господином, подогнув передние ноги и одновременно складывая боевую чешую, **которая не позволила бы никому постороннему не то что оседлать его, а даже приблизиться к нему**. Краем глаза Асмур отметил, что при этом движении конь-таки ухитрился зажать отточенными, как бритва, защитными чешуйками левое крыло круга. Получается динамичнее и живописнее, чем если бы автор предпочла сделать отступление в информативном регистре о свойствах боевой чешуи и других повадках вымышленных коней.*

Придаточным с *который* можно осуществить и другой тип выходов из репродуктивного регистра в информативный – автор не удаляется при этом от событийной сцены и не поднимается над ней по линии времени, он вводит субъектную сферу одного из персонажей, интерпретацию, оценку: *По его лицу текли слезы, **которых он, кажется, не замечал*** (С. Плэт); *Лицо владетельного эрла приобрело то внешне безмятежное выражение, **которое не соответствовало мучительному состоянию его души, обуреваемой горестными заботами – от мелких житейских неурядиц до скорбных и безнадежных дум о судьбах всего Джаспера*** (О. Ларионова).

2) В пределах репродуктивного регистра

Придаточные с *который* служат не только для «инкрустации» репродуктивного регистра информативным. Они обеспечивают насыщенность репродуктивного поля визуальными, слуховыми и другими стимулами, его детализованность, осязаемость, зримость. С этой целью репродуктивно-описательные придаточные с *который* присоединяются как к репродуктивно-описательным, так и к репродуктивно-повествовательным главным предложениям.

Репродуктивно-повествовательный → репродуктивно-описательный регистр: *Кори покачался на крайней плите космодрома, которая наполовину нависала над дренажной канавой, перепрыгнул через струящийся по канаве грязный поток, так же, не оглядываясь на Хьелля, двинулся по дороге к городу (С.Плэт); Ра хотелось прохлады, и он спрятался от горячих лучей за расписной ширмой, на которой в голубых тростниках сражались дикие коты (М.Далин)*. Подобные построения позволяют не прерывать линию действия описанием «декорации» так очевидно, как это было бы при вынесении репродуктивно-описательных блоков в отдельное предложение, не «отвлекать» героя, выполняющего действие, не включать эксплицитно наблюдательную позицию, не переводить фокус на «проходные» описательные детали. Ср.: *Кори покачался на крайней плите космодрома. Она наполовину нависала над дренажной канавой. Кори перепрыгнул через струящийся по канаве грязный поток, так же, не оглядываясь на Хьелля, двинулся по дороге к городу; Ра хотелось прохлады, и он спрятался от горячих лучей за расписной ширмой. На ней в голубых тростниках сражались дикие коты*. Из первой трансформации очевидно, что вынесение описательной предикативной единицы в отдельное предложение создает другую «логику повествовательных возможностей» [Бремон, 1972] по сравнению с той, которую выбрал автор.

Репродуктивно-описательный + репродуктивно-описательный: *Белые, словно обсыпанные мукой лица, из которых торчат между безжизненных глаз костяные крюки вместо носов, похожие на амулеты-подвески из храма Лулуллы (С.Плэт); Сверчки звенели громче, чем обычно, а розовая акация благоухала тяжелым, сладким, хмельным ароматом, который висел над кустами в ярких гроздьях цветов неподвижно, как туман (М.Далин)*.

Репродуктивно-повествовательный + репродуктивно-повествовательный: *Айки схватился рукой за подоконник, с которого уже успел прыгнуть (С.Плэт)*. Пример демонстрирует способность придаточных с *который* обслуживать ретроспективу в репродуктивном регистре (несов-

падение порядка рассказывания с порядком рассказываемого или идентификацию персонажа по ранее совершившемуся действию).

3) Из информативного регистра – в репродуктивный

В главном предложении содержится размышление персонажа по поводу его наблюдения, описываемого в придаточном: *Дело даже не в словах, а в тоне, которым он задан. Спокойно-дружелюбном, будто человек, который сейчас стоит перед ним, не может разнести весь Хаярос одним движением кисти* (С. Плэт); *...Если Гарик начнет навещать всех, кто покалечился на «его» миссиях, ему времени на работу не хватит. Как и командору Разумовскому, который сейчас нарисовался в дверях и таранит на меня со странным выражением. С ума можно сойти, меня в больнице навещает сам Гетман* (С. Плэт). То, что событийная линия в репродуктивном регистре, «убирается» в таких предложениях в придаточное, помогает автору держать читателя в модусной сфере персонажа и демонстрирует нам, что тот находится в рефлексивном состоянии сознания [Сидорова, 2000].

4) В пределах информативного регистра

Так же, как с главными предложениями репродуктивного регистра, придаточные предложения с *который* могут обслуживать временную ретроспективу, обобщение или прогноз (событийная, диктумная линия) или / и выражать точку зрения внутритекстового субъекта либо автора (модусный план), когда присоединяются к главным предложениями информативного регистра. *Историю мятежа, в результате которого погиб один его дед, а второй потерял крылья, Кори выучил назубок* (С. Плэт) – и главное, и придаточное – информативно-повествовательный регистр, в придаточном предложении с внутритекстовой точки зрения содержится характеристика события, обуславливающая отношение к нему персонажа, выраженное в главном предложении. В то же время придаточное обслуживает коммуникативную рамку текста «автор – читатель», напоминая последнему о том, чем завершился мятеж. Эта функция напоминания весьма важна в серийной и эпической фантастике, где читатель к концу третьего тома забывает о событиях первого. Авторы имеют в своем распоряжении целый арсенал тактических приемов построения текста, позволяющих воскрешать в памяти читателя произошедшие события, избегая при этом простого пересказа. Придаточные с *который* – одно из средств в этом арсенале.

Дополнительную характеристику в информативном регистре могут получать не только события, но и предметы, и персонажи: *Слишком об-*

ширны были ленные владения Муров; случись что с Асмуром — управление всеми заводами легло бы на принцев, которые и без того, как поддано королевской семье, осуществляли координацию экономики всего Джаспера (О. Ларионова).

Еще примеры: *Снова сидеть на той же террасе, где мы с Лисс проводили в молчании целые дни после смерти твоего отца... ходить по лесу, где мы рвали с ней землянику... лежать на дюне, на которой я впервые прикоснулся к ней по-настоящему...* (С. Плэт) – и главное, и придаточное – информативно-описательный регистр, но относятся к разным модально-временным планам; *Но он желал проститься с Джаспером, прекрасным и пустеющим Джаспером, который он не променял бы и на все семь сказочных созвездий Материнского Сада...* (О. Ларионова) – и главное, и придаточное – информативно-описательный регистр, внутренняя сфера персонажа.

Исследование придаточных определительных с *который* подтверждает зависимость текстовых функций языковых средств от типа текста, коммуникативной ситуации и коммуникативного намерения (цели, стратегии, интенции) автора. В модусно-диктумном единстве художественного нарратива придаточные с *который* служат осуществлению когнитивных и коммуникативных (по О. Г. Ревзиной) стратегий автора: с помощью их, с одной стороны, событийная линия, система персонажей и фикциональный мир компактно и динамично «упаковываются» в линейную вербальную последовательность, с другой – автор руководит фокусом внимания читателя, позволяя эту линейность преодолевать – обеспечивая пространственно-временные выходы в прошлое, будущее, узуальное и гномическое настоящее, проникновение во внутреннюю сферу текстовых субъектов.

Список литературы

- Бремон К.* Логика повествовательных возможностей // Семиотика и искусствоведение: Сб. переводов под ред. Ю. М. Лотмана и В. М. Петрова. М., 1972.
- Виноградов В. В.* Избр. труды. О языке художественной прозы. М., 1980.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Клепацкий В. В.* Синтаксическая вариативность русских переводов последней трети XVIII в.: на материале переводов трактата И.-Г. Циммермана «Vom Nationalstolze». Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд. М., 1976.
- Сидорова М. Ю.* Грамматика художественного текста. М., 2000.
- Сидорова М. Ю.* Неопределенно-личность в поэтике Чехова // *Gramatyka a tekst / Pod red. Henryka Fontańskiego i Jolanty Lubochy-Kruglik*. Т. 3. Katowice, 2011.
- Сидорова М. Ю.* К развитию четырехступенчатой модели анализа текста // *Gramatyka a tekst / Red. Henryk Fontański, Jolanta Lubocha-Kruglik*. Т. 4. Katowice, 2014.
- Biber D.* Representativeness in corpus design // *Literary and Linguistic Computing*. 8. 1993.
- Biber D.* Corpus linguistics and the study of literature: Back to the future? *Scientific Study of Literature*. 1. 2011.
- Biber D.* Register as a predictor of linguistic variation // *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 8. 2012.
- Biber D., Gray B.* Being specific about historical change: The influence of sub-register // *Journal of English Linguistics*. 41. 2013.

Сведения об авторе: Сидорова Марина Юрьевна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова. E-mail: sidorovadoma@mail.ru

М.В.Всеволодова

ЯЗЫК: НОРМА И УЗУС (ПОДХОДЫ К СИСТЕМЕ ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются отношения понятий «норма», «узус» (язык речи естественного общения) и их отношение к понятию «система», которое в данной статье пока не рассматривается. Ставится вопрос о необходимости создания по крайней мере двух специальных направлений в русистике: 1) изучающего и прогнозирующего изменения в норме, с одной стороны, и 2) объективной грамматики (термин А.М.Пешковского), с другой. Именно последняя и выводит нас на систему языка, которой мы пока еще не знаем и часто ассоциируем с нормой.

Ключевые слова: норма, речь естественного общения, функциональный стиль.

The paper focuses on studying the relation between the notions 'norm' and 'usage' (the language of speech in natural communication) as well as their relation to the concept 'system', which as yet lies outside the framework of this paper. A question is raised concerning the need to create at least two specific directions in Russian linguistic studies: on the one hand, the study and prediction of the changes in the norm and, on the other hand, the study of objective grammar (A.M.Peshkovsky's term). It is the latter that brings us to the study of the system of the language, which we do not yet know and frequently associate with the norm.

Key words: norm, the speech of natural communication, functional style.

1. Наличие нормы в языке – обязательное условие существования кодифицированного языка. В то же время в русистике нет специального направления (назовем его нормативистикой), занимающегося вопросами нормативности языковых единиц. Нормативность той или иной единицы, то есть ее «правильность» / «неправильность» на данный день, определяется научной авторитетностью (для человека, имеющего дело с оценкой «правильности» употребления языковых единиц в своей речи) авторов словарей и грамматик, и, значит, фактически эти оценки субъективны. Вместе с тем любая норма временна. Так, в современных словарях и грамматиках указывается, что предлог **согласно** управляет дательным падежом имени, но в книге 1891 г., посвященной правильности речи и вышедшей под редакцией Российской академии наук, категорически запрещалось такое употребление, а единственно возможным

считалась реализация **согласно с чем**, очевидно, потому, что в этом случае сохраняется сингармонизм приставки и предлога, что указывает на первичность этой формы относительно всех других реализаций, которых в настоящее время четыре: *Может ли выдаваться земельный участок в пожизненно-наследуемое пользование согласно распоряжения Главы Администрации?*¹ **Согласно распоряжению** декана вход на факультет производится только при предъявлении студенческого билета. *Изъять для государственных нужд Приморского края земельный участок общей площадью 34081 кв. м, <...> согласно к распоряжению* управления муниципального имущества, градостроительства и архитектуры администрации города Владивостока от 11.03. 2009г. №561; **Согласно с распоряжением** городского головы была создана специальная комиссия, которая должна была рассматривать предложения, поступившие от граждан... (ср.: *согласиться / согласие с кем / с чем*). Ср. также: *Выделить средства, согласно к данному приказу* (Приказ Министерства образования и науки РФ. Интернет) [Всеволодова, 2012б; Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов, 2013]

Однако как происходит смена нормы и как она распространяется не только в самом литературном языке, но и на всей территории России, нигде не фиксируется. Наш практический материал показывает, что язык речи естественного общения (узус) гораздо шире и много богаче языкового материала, на котором строятся самые авторитетные словари и грамматики, и, помимо того, в настоящее время имеет свою стилевую структуру, которая принципиально отличается от общепринятого взгляда на понятие стиля и требует своего изучения, которое в практических целях ведется, пожалуй, только в рамках функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка [Амиантова и др., 2001], то есть в рамках преподавания русского языка как иностранного (неродного, РКИ). Кроме того, думается, что наша грамматика не описала еще большую часть собственно грамматики русского языка (некоторые не описанные в грамматике фрагменты мы приводили в статьях, некоторые повторим и здесь). О правильности / неправильности таких не описанных единиц пока нельзя судить, – это дело самого носителя языка.

Норма меняется уже на протяжении жизни одного человека. Пока мы можем увидеть, как менялась и меняется норма на языковом материале людей среднего и старшего поколения. Представим ниже наши наблю-

¹ Примеры, источники которых не указаны в скобках, взяты из поисковых систем Интернета.

дения над некоторыми явлениями нормы за время с середины 1940-х гг. до наших дней и некоторые выводы.

1.1 Наш материал показал, что можно выделить два типа изменения нормы: 1) своего рода чередование синонимов; 2) изменение фонетических, акцентуационных, лексических, грамматических единиц, меняющее самое систему: орфоэпию, лексикон, грамматические категории и правила грамматики русского языка. Возможно, есть и другие типы, но мы пока обнаружили только эти два. Представим их.

1.1.1. В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой 1991 г. (далее – СОШ) приводится предлог *касательно* *кого / чего*. Однако в последнее десятилетие многие стали употреблять вместо него предлог *касаясь* *кого / чего*, и такое употребление распространяется. Вместе с тем в словаре Д. Н. Ушакова 1935–1940 гг., в создании которого участвовали и Л. В. Щерба, и В. В. Виноградов, представлен именно предлог *касаясь* и нет предлога *касательно*. И, значит, для них нормативным был как раз *касаясь*. Очевидно, сейчас он возвращается. В каких источниках прошлого века указано на изменение нормы?

Для всех владеющих так называемым «литературным» языком в течение по крайней мере последних ста лет нормативным было употребление предлога *по* в значении *после* с предложным падежом существительного: *по приезде, по приходе, по окончании, по предъявлении* (паспорта). Специфика этого предлога в том, что его, как правило, не употребляли в то время малообразованные люди.

Впервые словоформу *по приходу* я услышала из уст кассирши автобусной станции в 1964 г. в гор. Нальчике: *Билеты будут продаваться по приходу автобуса*. Вернувшись в Москву, я проверила и на факультете, и среди людей, с которыми общалась, возможность такого употребления: среди студентов-филологов никто не употреблял словоформу с Дат. п., не слышала я таких форм и в так называемом просторечии. Но и ни от одной тогдашней кассирши автобусной станции или других подобных мест я не слышала словоформы *по приходе, по приезде*. Вместо них употреблялись обычные *после прихода автобуса, когда придет автобус*. В 1970-е гг. на окошечках наших касс, где выдавали зарплату сотрудникам университета, появились объявления: *Деньги выдаются только по предъявлению паспорта*. В настоящее время большинство студентов-москвичей – исконных носителей русского языка – на филологическом факультете МГУ употребляет этот предлог с Дат. п. Но в коллективной монографии под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой «Изменения

в словосочетаниях XIX века», вышедшей в 1964 г., В. А. Белошাপкова в своем разделе отмечала, что в XVIII в. словоформы типа *по приходе* / *по приходу* были синонимами. И, возможно, это тоже смена синонимов. Но возможно, что в некоторых районах словоформы типа *по приходе* вообще не функционировали, и там с XVIII в. постоянно работали словоформы типа *по приходу*. Мои несколько более молодые коллеги-филологи, профессора, говорят, что словоформа *по возвращению* для них нормативна. Думается, что нормативистика, если она будет создана, должна обратиться и к истории, и к географии нормативных единиц.

В настоящее время степень образованности всего российского населения, несомненно, выше, и можно говорить не о литературном языке и просторечии, а о некоторых уровнях, в том числе и в пределах нормы. Даже самые образованные филологи не скажут: *Я сейчас *вне кухни и не могу зажечь плиту*; а только: *Я сейчас не в кухне и не могу зажечь плиту*. Но ср.: *Вне кухни этот прибор употреблять нельзя*. Это не собственно норма, а то, что пока не было объектом изучения в русистике, – иерархизация разных форм существования языка (термин О. А. Смирницкой, личная беседа). В рамках нормы тоже существует своя иерархия. И именно нормативистика должна разрабатывать эту проблему, чтобы увидеть и понять механизмы формирования нормы.

В свое время в нашей литературе была приведена формула такого типа смены нормы, когда наряду с существующей реализацией языковой единицы *A* появляется ее менее употребляемый вариант *б* и их соотношение можно представить как *Ab*. Постепенно частотность варианта *б* возрастает, и их употребительность в языке уравнивается, что можно представить как *AB*. Частотность *B* продолжает расти, снижая статус первой единицы до отношений типа *aB*. И наконец единственно возможной остается единица *B*. Но относится это и к вариативности синонимов или только ко второму типу изменений нормы, и должна бы выявить нормативистика.

1.1.2. Примером второго типа изменения нормы может служить пространство формы Им. п. мн. ч. с ударным *-á* у существительных м. р. на согласный типа *домá, городá*. Напомним, что в грамматике М. В. Ломоносова порядка 15 таких слов. Как единственно возможные с *-á* он называет *глазá* и *бокá*, не имеющие обычной формы на *-и, -ы*. (Ср. поговорку *стоять руки в бóки*). С распадом категории дв. ч. в этих случаях форма дв. ч. стала восприниматься как форма Род. п. ед. ч. (поскольку в некоторых словах эти формы совпадали), что заставило даже названия

парных предметов «перейти» в Род. п. ед. ч.: *глаза́ – два гла́за, бока́ – оба бо́ка*. В традиционной русистике преобладает мнение, что распространение форм на *-á* у существительных м. р. на согласный связано именно с дв. ч.

Речь идет о соотношенности форм *два до́ма – дома́*. Происхождение этой формы из старого дв. ч. подробно рассматривается в кн. [Обнорский, 1941, 1946; Аксаков, 2011; Потебня, 1941; Богородицкий, 1935; Соболевский, 1907; Пешковский, 1938; Селищев, 1941; Флоринский, 1897; и др.]. Но есть и другая, тоже обоснованная точка зрения, например у А. А. Зализняка [Зализняк, 2002: 547].

Не будем обсуждать здесь эту проблему, но изменения такого типа идут пословно, независимо от уровня языковых единиц (фонетический, акцентуационный, лексический, грамматический) и постепенно меняют соответствующую категорию языка. Отметим, что в настоящее время у нас осталось только одно слово, сохранившее старую форму двойственного числа, это слово **час** в квантитативах с **два, три, четыре**: *два / три / четыре часа́* (счетная форма у И. Г. Милославского, см. [Белошапкина, 1989]). В падежной парадигме слова **час** нет формы с таким ударением. Но при наличии определения в норме более употребительна форма Род. п. ед. ч.: *два долгих часа́*, хотя нередко слышится и *два долгих часá*. Частично сохраняется пока такая же форма у слова **шаг**, но уже употребительна и форма собственно Род. п. ед. ч.: *два шага́ – два ша́га*.

Вторым примером такого изменения грамматической системы, как представляется, служат числительные, которые, как известно, в основной своей массе (кроме *один, два, три, четыре*) раньше входили в состав существительных, чем объясняется специфика их сочетаемости с существительными в славянских языках. Сейчас это самостоятельная часть речи, хотя наши грамматисты относятся к составу этой части по-разному. Но их частеречное оформление не закончилось. Многочисленные «неправильности» системно встречаются в речи высоко образованных людей. Доктор филологических наук, ведущий работник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в докладе на одном из международных съездов употребил в своей речи выражение *в двух тысяча первом году*; Аналогичные употребления *в двух тысяча девятом году, в двух тысяча одиннадцатом году* и под. на одной из международных конференций не менее пяти раз были произнесены в докладе доктора филологических наук, профессора филологического факультета МГУ. В передаче научного профиля прозвучала фраза *Всего около шестьсот изображений Мар-*

са. Один из известных ведущих ТВ, говоря в своей еженедельной программе о событиях на Украине, произнес: *Он говорит о пятисот танков.* Чиновник высокого ранга, выступая по ТВ, сообщил, что *Эти трагедии унесли жизни шестьсот пятидесяти человек*, а другой употребил фразу: *Они приносили по тысячу, по пятьсот рублей.* Высокие военные чины в своей речи дали такие выражения: *на удалении пятидесяти один километр, в сто шестидесяти километрах* (ТВ). Частотность употребления словоформ типа *шестиста, семиста* в позиции Род.п. и числительных *двести, триста, четыреста* в той же позиции в форме Им.п. в квантитативах в речи образованных людей, в том числе математиков, говорит об активности этого процесса в современном русском языке, см.: *Известное всем растение авокадо иногда называют персеей американской. Встречается около шестиста видов этого фрукта. За два десятилетия с конвейера сошло более восьмиста пятидесяти тысяч автомобилей. Эти дела не должны превышать более двести пятидесяти листов. Более двести пятидесяти издательств, представленных на выставке, – доказательство того, что книга продолжает жить, возможно, несколько изменась². Один из четыреста двадцать пять тысяч убитых евреев. Проценты доходят до четыреста пятидесяти* (НТВ). Ср. в интернет-пособии по русскому языку: *И.п. четыре тысячи триста двадцать пять. Р.п. четырех тысяч триста двадцати пяти.*

Вернемся к этой проблеме в разделах о речи естественного общения и системе.

1.1.3. Но есть случаи, в грамматике не проработанные, когда решить вопрос о степени нормативности вряд ли возможно. Приведем несколько примеров.

1) В СОШ и в других словарях предлог **в бытность** дается в двух реализациях: **в бытность кого кем:** *в бытность Ивана старостой нашей группы...;* и **в бытность кого где:** *в бытность Чехова на Сахалине... .* Лет десять назад в одном из ток-шоу по ТВ актер, исполнявший роль прокурора на суде, произнес предложение **В бытность моей учебы в университете** *молодожены ездили в ЗАГС на трамвае.* И ведущие профессора-морфологи филологического факультета МГУ, сомневаясь в уровне языковой культуры которых нет никаких оснований, реализацию предлога **в бытность** с событийным существительным считают абсолютно нормативной. Поисковые системы Интернета показали систем-

² К этой словоформе, вызвавшей сомнения у моих коллег – профессоров филологического факультета МГУ, вернемся ниже.

ность употребления данной и других реализаций этого предлога, не отмеченных ни в одном словаре или грамматике [Всеволодова, 2010, 2012в; Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов, 2013], с одной стороны, и просто не существовавших в моем личном языковом сознании, с другой. Как нам решать вопрос об их нормативности?

2) Работа над предложными единицами в межславянском проекте вывела нас на сочетания предложных единиц с числительными, в частности на квантитативы – слово-сочетания числительных с существительными типа *три руки, сто пять домов*. А сам языковой материал показал наличие в рамках категории количественности оппозиции точного и приблизительного множеств [Судзуки, 2008]. Этот материал подробно представлен в работах [Всеволодова, 2013 б, в; Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов, 2013], и мы не будем здесь повторяться. Выделим лишь некоторые наиболее интересные моменты.

Показателями приблизительности выступают наречия: *примерно, приблизительно*, предлоги: *около, порядка, свыше* – и компаративы типа: *больше, более, не больше, не более, меньше, менее, не меньше, не менее*. Наречия, предлоги *порядка, свыше* и *около*, а также компаративы выступают здесь в функции конкретизатора. Мы нашли два интересных случая, не представленных в нашей грамматике.

Это, во-первых, разряд комплексных числительных (наш термин; этот разряд вообще не представлен в РГ-80) и, во-вторых, употребление предлогов-конкретизаторов с первичными предлогами. Ни в одной грамматике правил употребления этих предлогов с конкретизаторами нет. Языковой материал показал, что с одинаковой частотностью употребительны три варианта таких словосочетаний:

1) квантитативом во всем его составе управляет базовый предлог, в данном случае предлог **с** + **Тв. п.**: *Поговорил с порядка десять студентами*;

2) всем составом квантитатива управляет предлог-конкретизатор, в данном случае **порядка** + **Род. п.**: *Поговорил с порядка десяти студентов*;

3) базовый предлог (**с** + **Тв. п.**), управляет существительным, конкретизатор (**порядка** + **Род. п.**) – числительным: *Поговорил с порядка десяти студентами*.

Соответственно, говорить о степени нормативности той или иной реализации можно только после анализа всех первичных и вторичных предлогов на возможность употребления их в соответствующих структу-

рах с предложениями-конкретизаторами этого типа и с числительными во всем языке, с одной стороны, и степени регулярности каждой из этих реализаций в речи – с другой.

Примечание. Для людей старшего и среднего возраста единица **порядка** в сочетании с числительным была и остается предложом, управляющим Род.п.: *заплатил **порядка** двух тысяч рублей*. Но некоторые студенты-русисты филологического факультета МГУ, коренные москвичи и русские по национальности, утверждают, что для них словоформа **порядка** – это наречие типа **примерно**, и падеж квантитатива от него не зависит, как, например: *заплатил **порядка** две тысячи рублей*. Пока таких студентов меньшинство. Но ср. пример из Интернета: *В Москве неизвестные ограбили квартиру столичного бизнесмена, общий ущерб составил **порядка** десять миллионов рублей*. Вероятно, это начало перехода предлога в наречие.

Как видим, говорить о грамматике нормы или о нормативной грамматике мы объективно пока не можем. И хотя у нас есть целые школы, как, например, прекрасная школа Саратовского университета, работающая под научным руководством О.Б. Сиротининой (их критерии отождествляют норму с системой [Сиротинина, 2014]), они в основном фиксируют «правильность» / «неправильность единицы со своей точки зрения. У нас нет специального направления в русистике, которое занималось бы этой проблемой не на основе субъективных определений правильности / неправильности, а определяло бы степень нормативности данной единицы, исходя из объективных данных. Думаю, что для развития этого направления необходимы также исторический (временной) и географический (пространственный) аспекты. Интересен также вопрос, в каком возрасте носитель языка формирует свою «норму». В практике преподавания мы встречаемся с большим числом явлений в языке, в нашей официальной грамматике не отраженных, но системно функционирующих в нашей повседневной речи на всех ее уровнях.

Примечание. Мы не касаемся здесь вопросов орфографии, слитного или раздельного написания и т. п. В словаре Ушакова 1935–1940 гг. предлог **впик** (там назван наречием, хотя представлен как управляющий Дат.п.) пишется слитно. Сейчас этот предлог пишется раздельно. Ср. современное написание наречий **например** и **к примеру**.

2. Речь естественного общения (термин Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева; «спонтанная речь» у Т.М. Николаевой, «узус» у О.Б. Сиротининой) количественно гораздо богаче во всех аспектах того, что мы называем литературной речью. К примеру, и в спонтанной речи, и в языке литературы форму сравнительной степени (компаратива) свободно получают

притяжательные местоимения, ср.: «Нет никого **своее**»: *Сборник нежных и жутких рассказов удивительной актрисы и кинорежиссера Миранды Джулай. Другое дело – захотят ли они встать на твое (место), и кто будет вместо тебя? И, закрыв глаза, понимаешь, что кроме тебя нет никого **своее**. Чужой и еще **чужее**. Ну, скажем так – мое, но есть еще **моее**. Рест авто **твоее** игры* (Интернет) Это не кодифицированные в норме и не отмеченные в грамматике, но узуально, думается, вполне нормальные и по смыслу, и по употреблению формы.

Именно в речи естественного общения начинаются и происходят те изменения нормы, которые приводят к изменению грамматики. На последнем международном конгрессе филологического факультета МГУ «Русский язык: исторические судьбы и современность» коллега С.И. Холод на большом языковом материале показала, что в русском языке начинают системно употребляться действительные причастия будущего времени, то есть образованные от глаголов совершенного вида. Вот несколько ее примеров: *Если найдется человек, **пожелающий** под это спеть, будет совсем замечательно. От коммерческих банков ожидают-ся кредиты, **покроющие** около 4% потребностей программы. Отсюда и наш лозунг, никогда не **потеряющий** своей актуальности. Нужен человек, **сделающий** небольшой сайт для компании за разумные деньги. Человек, **купающий** такой CD, скорее всего ограбит его и сожмет еще раз в МПЗ. Возможно, это вообще самый важный аспект гонки, **повлияющий** на грядущее финансирование команды*³.

Разумеется, это не норма. Но это удовлетворение языковой потребности в соответствующей грамматической единице, очевидно ощущаемое носителями языка. И сами высказывания, и лексика свидетельствуют о полном владении авторов этих предложений русским языком. И, возможно, это начало соответствующего изменения в составе русских причастий и, соответственно, в составе морфологических реализаций такой части речи, как глагол.

Практика РКИ уже давно, в середине прошлого века, показала, что:

2.1. В настоящее время принципиально изменилась стилевая структура языка. М.В. Ломоносов выделял низкий, средний и высокий стили, после Пушкина стали говорить о литературном (собственно художественной литературы) языке, на материале которого и определялась норма, несмотря на то что на языке литературных произведений никто не гово-

³ Я благодарю С.И. Холод за предоставленный мне список примеров, разумеется, далеко не полный, но убедительный. Каждый пример документирован.

рит хотя бы потому, что основной формой времени глагола там является прошедшее время, ср.: *В настоящее время этим домом владел МАССО-ЛИТ* (Булгаков); и разговорном языке. Позднее понятие литературного языка было распространено В. В. Виноградовым на более широкие сферы речевого общения, к примеру на научную речь, и разделялись литературный язык и просторечие. Как видим, в настоящее время русисты предпочитают говорить об узусе, спонтанной речи или речи естественного общения, что можно объяснить и более высоким общим уровнем образования населения.

2.2. Уже в 1950–1960 гг. в рамках РКИ была отмечена специфика языка разных научных специальностей (язык математиков, язык химиков, биологов, географов и т. п.), что потребовало создания отдельных учебников и учебных пособий по русскому языку для студентов-иностранцев разных специальностей. Формирование собственно научного стиля завершилось в середине 1980-х гг., что было отмечено и в мировой лингвистике: возникли новые требования со стороны издательств к структуре научных текстов. Основным и кардинальным отличием современного научного текста от текста прошлых времен является отсутствие избыточной информации, то есть разного рода повторов, извлекать которые при реферировании научного текста мы учили в свое время наших иностранных учащихся, и четкая структуризация. Отметим, что первая работа о специфике научного стиля (в первую очередь естественных и точных наук) была написана именно на материале РКИ [Лариохина, 1964, 1965, 1979]. Такого типа стили мы называем функциональными, хотя, возможно, более точным было бы назвать их профессиональными. Но вполне вероятно, что в рамках понятия «стиль» есть и своя более сложная система⁴.

Состав функциональных (профессиональных) стилей полностью пока не выявлен. Но важно, что человек, постоянно работающий в определенном профессиональном стиле, употребляет характерные для этого стиля единицы и в речи естественного общения. Так, в церковном стиле все обряды «совершаются»: *совершить молебен, совершить крещение, совершить погребение*. Священники жалуются, что их прихожане в таких случаях говорят «неправильно»: *провести молебен, провести крещение*. Прихожане – представители других профессий, пусть и глубоко верующие люди, живут вне рамок церковного стиля и соответственно

⁴ См., например, название сборника статей О. А. Крыловой «Система. Норма. Стиль». М., 2012.

этим стилем не владеют. А в речи естественного общения описательные предикаты с девербативами – названиями общественных действий образуются с помощью глаголов *провести / проводить*: *провести беседу, провести осмотр, провести разбор*: *Как я провожу анализ баланса: часть 1; Как провести собеседование эффективно*. Отсюда и «неправильное» с точки зрения профессионалов-носителей церковного стиля употребление глагола: все церковные обряды по своей сути – общественные действия. Вот пример из речи корреспондента «Вестей» ТВ: *По этому случаю в церкви провели молебен*.

Примечание. Это не значит, что в речи естественного общения нет общеупотребительных реализаций описательных предикатов (коллокатов в терминах Ю. Д. Апресяна) с глаголом *совершить*. Именно с ним мы употребляем все названия перемещения в пространстве: *совершить полет / побег / прогулку / восхождение / пробежку / подъем / погружение / экскурсию*; а также девербативы, называющие этически оцениваемое действие: *совершить преступление / подвиг / ошибку / хищение*. [Всеволодова, 2000; Всеволодова, Кузьменкова, 2003].

Поэтому бесполезно исправлять нашего офицера или полицейского или учить иностранца-слушателя военной академии, равно как и медика, употреблению предлога согласно с «нормативным» Дат. п., ср. из реплики главврача одной из крупнейших московских клиник в передаче по ТВ: *Мы взяли больного на обследование, и согласно выявленного заболевания ему будет назначено лечение*. В каждой российской больнице пациент перед операцией подписывает документ, подтверждающий, что «операция проведена согласно моей воли». Более того, мы не можем выпустить иностранного студента-медика на первом курсе в анатомический практикум без предлогов **кнутри от, кнаружи от, кпереди от, кзади от**, практически не представленных в словарях и грамматиках, но системных в языке медиков: *Кнаружи от эндотелия лежит трехслойная ГБМ, имеющая lamina gaга interna и externa и средний слой – lamina densa; Кнутри от фасциальной оболочки находится еще капсула, состоящая из мышечной и соединительной ткани; Перерезают седалищное сплетение кпереди от подходящих соединительных веточек; Пяточная кость, calcaneus (os calcis), располагается книзу и кзади от таранной кости*. В одной из радиопередач, где я отвечала на вопросы слушателей о русском языке, мой собеседник сказал, что нужно запретить юристам и другим служителям права говорить *осужденный* вместо *осуждённый*. Запретить официально нельзя. Такого закона нет. И как называть юристов и полицейских за неправильное ударение?

Именно по профессиональным стилям идет расширение употребления форм слов муж. р. в Им. п. мн. ч. на **-á**: В речи моряков и летчиков системна форма *штурманá*⁵, в речи астрофизиков, ботаников, кулиняров – *слоя*: *Есть кремá (точнее, вещества в них), которые могут увлажнять верхние слоя кожи, за счет впитывания воды из внутренних слоев кожи; Поднявшись в верхние слоя атмосферы, фреоны выделяют хлор, который раскладывает озон на обычный и атомарный кислород; Красно-черный полурыл – *Nomorhamphus ebrardtii*... занимает верхние слоя аквариума. Хром сияет сквозь верхние слоя краски, тем самым подчеркивая их красоту. Поверхностные слоя наделены избыточной энергией, поскольку молекулы и атомы этих слоев имеют свободные связи. В процесс вовлечены не только глубокие, но и поверхностные слоя роговицы.* Некоторые студенты-филологи воспринимают формы *кáтеры* и *катерá* как равноценные, другие употребляют уже только последнюю⁶. В речи «технарей» употребительны словоформы *инженерá, токаря́, слесаря́*, см. примеры: *Наши инженера самые инженеристые инженера в мире; Молодые специалисты (слесаря, механики, электрики, операторы); Куда все токаря с термичками уехали из мск?* (Интернет). Но еще употребительны *инженэры, тóкари, слéсари*; ср. нормативное *мастерá*. См. вопрос из Интернета: *Как правильно: инженеры или инженера, токари или токаря?* В словаре под редакцией С. А. Кузнецова приводятся формы *тОкари и токаря́, слЕсари и слесарЯ* как равнозначные. (Интернет). Судя по языковому материалу, пока не образуются формы на **-á** от имен типа *ученик, проводник, сторонник*. Думается, что это одна из проблем нормативистики.

2.3. Преподавание РКИ в рамках функционирования языка – в свое время в СССР, а теперь в России – изначально показало необходимость обучения не только языку специальности, но и речи естественного общения. Выходя из аудитории, иностранец оказывается в самых разных ситу-

⁵ Однажды около МГУ я «подхватила» машину, и водитель, узнав, что я филолог, сказал, что в бассейне, куда он ходит со своим внуком, все спортсмены говорят *тренерá*, что, по его мнению, неправильно. А начав рассказывать о своей работе в летном училище, сказал *Вот у нас все штурманá*...

⁶ О. А. Смирницкая рассказала мне, что, когда по военно-морскому флоту вслух зачитывали приказ Генштаба из Москвы, словосочетание *все кáтеры* читающие произносили с ударным окончанием *все катеры́*, что вызывало реплики матросов типа *«В Москве говорят „катер'ы“»*. Очевидно, в этом профессиональном стиле ударение в этом слове уже перешло на окончание и соответственно основной формой является *катерá*.

ациях: в столовой, в магазине, на общественном транспорте и т. д., общается с представителями разных профессий и должен говорить на разные темы. В рамках этого направления оказалось необходимым изучение, во-первых, такого уровня языка, как его содержательный уровень, или национальная языковая картина мира, что было в свое время в русистике сформулировано А. В. Бондарко [Бондарко, 1967; 1986–1996] в его теории функционально-семантических полей и чем теперь занимается концептология, но в наших грамматиках данный уровень до сих пор по-настоящему не представлен; во-вторых, уровень языковых механизмов, с которым в настоящее время тесно связаны актуальное членение (АЧ), интонация, в том числе – и в первую очередь – интонационные конструкции (ИК Е. А. Брызгуновой, выявленные именно в нашей модели языка), о чем см. ниже.

В наших грамматиках недостаточно описан ряд грамматических категорий, например полные и краткие формы прилагательных, которые мы как категорию представили уже в 1968 г. [Всеволодова, Спиридонова, 1968; Всеволодова, 2013а], неопределенные и отрицательные местоимения. В частности, оказалось, что такая единица, как **друг друга**, – это возвратное местоимение, которому в других славянских языках соответствуют **себя** или даже коррелият нашего **-ся**, ср. польск.: *сидеть близко друг к другу* – *siedeć blisko siebie*, *любить друг друга* – *kochać się*; ср. русск.: *Эти проблемы они решают друг с другом / решают между собой*. Не говорим уже о глагольном виде (ГВ) – неграмматикализованной грамматической категории, грамматики которого у нас до сих пор нет, и способах глагольного действия (только формализованных [Авилова, 1976]). Судя по всему, ГВ несет и еще какие-то смыслы, не выражаемые в не видовых языках. Так, нашим *стукнул три раза* – *постучал три раза* – *стучал (ему вчера) три раза*, называющим для нас три разных внеязыковых ситуации, в датском языке, например, соответствует одна временная форма одного глагола.

Кроме того, видовременные формы славянского глагола должны быть представлены в грамматике не просто в виде перечисления тех или иных значений, а в первую очередь как система в прямом и переносном употреблении. И время, и вид сохраняют свое грамматическое значение только в прямом употреблении, ср.: *Он завтра придет ко мне, сядет и будет сидеть до вечера*. Но уже в составе сложного предложения с главной изъяснительной частью наряду с прямым употреблением: *Представляю себе, как он придет ко мне завтра, сядет и будет сидеть до вечера*, – возможно и переносное: *Представляю себе, как он завтра при-*

ходит ко мне, садится и сидит до вечера. Слова **бывало, бывает**, которые наши словари дают как вводные, на самом деле являются перенесенными в эту позицию сказуемыми главной части сложного предложения, которые и в позиции вводного слова определяют время придаточного предложения, что обуславливает возможность переносного употребления видовременных форм глагола: **Бывает так, что он *приходит* ко мне, *садится* и *сидит* до вечера / *Бывает так, что он *придет* ко мне, *сядет* и *сидит* до вечера; *Бывало так, что он *приходил* / *приходит* / *придет* ко мне, *садился* / *садится* / *сядет* и *сидел* / *сидит* до вечера.* То же при переносе этих словоформ в позицию вводного слова с целью поднять статус придаточной части до самостоятельного предложения (как видим, это решение коммуникативных задач говорящего): *Он, **бывает, *приходит* / *придет* ко мне, *садится* / *сядет* и *сидит* до вечера; Он, **бывало, *приходил* / *приходит* / *придет* ко мне, *садился* / *садится* / *сядет* и *сидел* / *сидит* до вечера.***** В прямом и переносном употреблении у нас пока описано только настоящее время [Всеволодова, Ким Тэ Чжин, 2015]. И материал показал, что это соответствующая функционально-грамматическая категория, представленная оппозитивной дихотомической системой, а не перечисление через запятую отдельных значений и употреблений. В частности, выявилось, что в одной из наших академических грамматик настоящее процессное иллюстрируется переносным употреблением настоящего со значением прошедшего времени, поскольку, например, высказывание типа *Наконец я слышу речь не мальчика, но мужа* не может быть переведено формой настоящего времени на корейский язык. Там возможно только прошедшее. И мы можем сказать: *Наконец я **услышала** речь не мальчика, но мужа.* И, значит, в рамках прошедшего времени нам следует выделить прошедшее, кончившееся в момент речи, которое в наших грамматиках пока не выделяется, а настоящее время в данном случае употреблено в переносном значении.***

Традиционная грамматика до 1990-х гг. не понимала и не принимала наших работ в области синонимических трансформаций предложения, то есть выявления трансформационных (интерпретационных – в позднейшей терминологии В. А. Белошапковой) парадигм предложения, без чего обучение русскому языку не может быть успешным, поскольку выбор той или иной реализации одного и того же содержания в простом или сложном предложении, с тем или иным составом членов предложения (ЧП) и с тем или иным составом словоформ и, главное, с тем или иным словопорядком зависит не от желания говорящего, а определяется текс-

том (см. также [Москальская, 1981; Золотова, 1983], что, в свою очередь, во-первых, позволило рассматривать и текст как единицу собственно грамматическую (а не просто как объект синтаксиса), то есть говорить о грамматике текста; во-вторых, показало теснейшую связь лексики и грамматики и необходимость синтаксических классификаций лексики [Кацнельсон, 1971; Арутюнова, 1976; Золотова, 1983; Всеволодова, 2000], которых пока нет в нашей лексикологии; и введение в рамки синтаксиса уровня формы слова – синтаксемы [Мухин, 1964; Ломтев, 1972; Золотова, 1973], что в определенной форме (без термина «синтаксема») было принято уже в Русской грамматике 1980 г.; и, в-третьих, продемонстрировало принципиальное отличие механизмов, определяющих порядок словоформ в предложении для русского и других славянских языков от языков с грамматикализованным порядком членов предложения. Покажем это на двух примерах. В тексте о России предложения: **В России** живет много национальностей. – **Россию** населяет много национальностей; – **Россия** многонациональна. – **Российское** население многонационально. – **Россия** – страна многонациональная. – **Россия** – это множество национальностей. – **В России** живет множество национальностей, – передают одно и то же содержание, и каждое из них может быть употреблено в одном и том же контексте о России. Так же равно употребительны реализации, в которых подлежащее выражено именами разных участников денотативной структуры предложения, стоит в начале, в середине и в конце предложения. Модели предложений могут быть различны, а сами имена участников ситуации представлены разными частями речи: **Юра** бегло читает. – **У Юры** беглость чтения. – **У Юры** беглое чтение. – **Юрино** чтение отличается беглостью. – **Юрино** чтение отличает беглость. Информация во всех трансформах абсолютно идентична, а выбор конкретной реализации определяется другими коммуникативными установками говорящего. Мы можем поставить в позицию подлежащего или сказуемого даже вводное слово: **Моя собака** питается, **в основном**, мясом. – **Основное** в питании моей собаки приходится на мясо. – **Основным** в питании моей собаки является мясо.

В речи естественного общения трансформационная парадигма предложения может включать более ста трансформов (с разным словопорядком) без использования лексических синонимов, но с возможным включением строевых полнозначительных слов, необходимость выделения которых в рамках синтаксической классификации лексики была в свое время отмечена Н. Д. Арутюновой, Т. М. Николаевой, Г. А. Золотовой; см.

одно из таких предложений: *Девушки на Украине поют удивительно мелодично. – Украинские девушки отличаются удивительно мелодичным пением. – Украина – это удивительно мелодичные девичьи песни. – Украина – это удивительная мелодичность девичьих песен. – Песни украинских девушек отличаются удивительной мелодичностью. – Пение украинских девушек удивляет своей мелодичностью. – Для пения украинских девушек характерна удивительная мелодичность. – Мелодичность пения девушек Украины вызывает удивление* и т.д.

2.3. Обучение инофонон и языку функциональных стилей, и речи естественного общения выявило очень большую синонимичность в рамках единиц каждого и разных уровней Языка. Говорить о невозможности синонимии в Языке нелогично уже потому, что Язык в первую очередь система информативная и должен иметь большой запас прочности, что и обеспечивается, как показывает наш материал, по крайней мере двумя категориями: синонимией и парадигматикой. Ни один носитель языка, в особенности большого, как русский, не может знать всего языка, всех единиц, что было показано выше на примере предлога *в бытность кого/чего*. Уже этот факт может объяснить во многих случаях субъективность оценок степени правильности конкретных высказываний. Но синонимичными могут быть и морфологические словоформы, как приведенное выше *изменясь и изменившись* (см. ниже в **2.5.3**).

2.4. Язык нельзя адекватно понять и объяснить без выявления механизмов его функционирования. В рамках синтаксиса основной предложения-высказывания является не модель предложения, а его денотативная структура; а если говорить о модели предложения, то исходной для его трансформационной парадигмы является не абстрактная модель предложения, а выявленная Г. А. Золотовой изосемическая и к тому же изоморфная модель [Всеволодова, 2000], где денотативные роли и ЧП, как правило, совпадают, а сама модель имеет типовое значение (ТЗ), отражающее ее денотативную, а не формальную структуру. В приведенном выше (далеко не полном) списке членов трансформационной парадигмы предложений о России такой моделью является первая *В России живет много национальностей* с ТЗ ‘место и его характеристика по наличествующему в нем предмету или событию’. Как известно, смыслов больше, чем значений, а значений больше, чем форм. Поэтому каждая форма и каждый ЧП многозначны. В некоторых случаях в русском языке в качестве базовой модели трансформационной парадигмы закрепилась изосемичная, но не изоморфная модель, как, например, модель с выявленным Н. Д. Ару-

тьюновой **у-локализатором** [Арутюнова, 1976] **У Маши голубые глаза**. Отметим, что ни в одном славянском языке нет такой модели с ТЗ ‘субъект и его неотгормжимый признак’, ср. укр. *Мария мае блакитне очи*; и синтаксема **у + Род. п.** не выступает как грамматикализованный выразитель субъекта ситуации. В сербском и хорватском **у-локализатор** оправдывает название, данное этой форме Н.Д.Арутюновой; см. надпись на блокноте, выданном участникам одного из симпозиумов: *Филолошки факултет универзитета у Београду* (в Белграде). Одним из механизмов трансформации и является использование модели с одним ТЗ для выражения другого содержания, ср.: **У Юры беглое чтение**. **У Юры беглость в чтении** < *Юра бегло читает*; **У этого писателя интересные книги** < *Этот писатель пишет интересные книги*. Практически **у-локализатор** выступает со всеми типами семантических предикатов: **У меня завтра зачет** < *Я завтра буду сдавать зачет*; **У мамы ангина** < *Мама больна / болеет ангиной*; **У Пети есть брат** < *Петя имеет брата*; ср.: **У меня младшая сестра есть, я бы хотела иметь еще старшего брата**. Но, увы. **Пусть я сестры по крови не имею**. *Тебя считаю я сестрой своей* (Интернет). И не только в роли денотативного субъекта: **Петя гостит у бабушки** = *в доме бабушки*.

2.5. Как показывает речь естественного общения, и в первую очередь материал Интернета, значительно расширивший возможности в плане наблюдения за языком естественного общения, в современном языке много языковых единиц, давно считающихся исчезнувшими. Некоторые из них уже не нормативны, другие отнюдь не нарушают норму. Покажем некоторые из них.

2.5.1. В грамматиках при описании категории причастий, в частности страдательных настоящего времени, обычно называются причастия *ведомый, влекомый, везомый, искомый, несомый*. Иногда указывается, что в грамматике Востокова 1831 г. их было гораздо больше. Но фактически все причастия, названные Востоковым, свободно употребляются и сейчас, а поскольку само употребление причастий (кроме страдательных прош. вр. типа *каша сварена, пол помыт*) собственно разговорной речи не свойственно, не стоит говорить о просторечии, нелитературном языке и пр. Достаточно полное их представление дано в работе [Всеволодова, 2013а]. Здесь же приведем некоторые примеры: *При въезде каменный сельский храм и прямое насаждение стригомых лип, ведущее к каменному едва приметному дому*; *У врача я спросить не догадалась, за что теперь грызома мамой*; *Она была несомы ветром*; *Чада были секомы за эти*

вымышленные вины (Ф. К. Сологуб); *Секущестъ **секомых***; По аннотации непонятно, но я так понимаю, что это книга, **зовомая** «Князь света»? В той же первой лиге есть за уши **тяномый** Динамо СПб, – и: **Якорь, тягомый** вбок канатом, оборачивается (ср.: *тяга*, польск. *ciągnąć* – тянуть); Президент с железной палкой матом крыл, эмоцией **трясомый**; Человек, **метомый** страстью, все-таки не вполне имеет возможность потакать своему пороку. См. также: Заметим, что с момента переезда в СССР прекращается дневник, подробно **пíшемый** с ранних лет; и: Оной (премии) не сподобился, зато за роман, **писб́мый** под домашним арестом, в 2013 оторвал белорусского «Букера». Уже само содержание высказываний и употребляемая в них лексика свидетельствуют об уровне речи говорящих.

2.5.2. В рамках категории именной локативности есть пропорциональная (актуальная для нескольких фрагментов системы и этим подтверждающая грамматический характер системы) [Маркус, 1963] оппозиция значений ‘статика’ (где?) vs. ‘движение’. Последнее реализуется в оппозиции ‘направление’ vs. ‘трасса’, а значение ‘направление’ дает оппозицию ‘финиш’ (куда?) vs. ‘старт’ (откуда?) [Всеволодова, Владимирский, 2014]. Эти отношения в подавляющем большинстве случаев определяют выбор предлога для словоформы со значением ‘старт’: если для двух первых словоформ в рамках сопостранственности выступает предлог **в**: *в лесу – в лес, в доме – в дом*, то для значения ‘старт’ обязателен предлог **из**: *из леса, из дома*; предлог **на** коррелирует с предлогом **с**: *на лугу – на луг – с луга, на стол – на столе – со стола*.

Примечание. Примером редкого исключения являются слова *небо, небеса*: **на** небе / **на** небесах могут быть только Бог, ангелы, небесные тела и облака, тучи: *Солнышко на небе Раньше всех встает; На небе две звезды, зажгутся для двоих; Какая ночь! Мороз трескучий, На небе ни единой тучи* (Пушкин). Все постороннее – **в** небе: *В небе птицы щебечут; Авиарадар FlightRadar24 позволяет отслеживать самолеты в небе онлайн*. Но в обоих случаях для значения ‘старт’ употребляется только предлог **с**: *С неба ангел к нам спустился и сказал: «Христос родился»; С неба просится в руки любая звезда; С неба падали камни; Огонь, упавший с неба*.

Но в рамках значения несопостранственности типа *под домом, перед домом, над домом, за домом, между домами* значения ‘финиш’ и ‘старт’ в норме и, вероятно, для многих носителей языка сохранились только для исходных предлогов **под** и **за**, причем для значения ‘старт’ это полилексемные (где каждый предлог сохраняет свое значение, ср. монолексемный **против** – **напротив дома**) составные предлоги: *под дом – из-под*

дома, за дом – из-за дома; но таких реализаций нет для предлогов **перед** и **над**. Вместе с тем наш материал показал, что в естественном общении и в некоторых профессиональных стилях предлоги **из-перед**, **из-над**, **из-между** встречаются довольно часто, см.: *В это же время ноздри перемещаются из перед небоковой позиции в медиальном направлении; Подскажите, из-за чего при торможении идет стук из перед колеса и бьет руль ваз 21099; К нему и перекочевал в Замостье на Игуменщине сундук с рукописями Наума Приговорки, в том числе и поэма «Из-над Ислочи...»;* *Разгрузочный золотник, закрывая отверстие в основном золотнике предотвращает сброс среды из над мембранной полости; Из меж спиц колеса торчит что то похожее на спину; Когда... количество пчел в семье начнет увеличиваться, из между корпусов забирают... нижний корпус, в котором зимовала семья.*

В данном случае нам представляется интересным не только сам факт их наличия, а и сопоставление их с коррелятами в других славянских языках. В западнославянских языках есть все три формы со своими значениями, ср. польск.: *stać przed domem* (стоять перед домом) – *zajechać przed dom* (подъехать перед дом) – *odjechać sprzed domu* (отъехать спереди дома). В южнославянских все двойные предлоги (как и в западнославянских, они пишутся слитно) сохранились, но управляют (где сохранилось управление) родительным падежом во всех трех значениях; приведем кальку с сербского: *картина висит изнад стола – повесить картину изнад стола – снять картину изнад стола*. Как показывает наш материал, в русском языке такие «двойные» предлоги встречаются в значении ‘старт’: *Убрать образ из-над изголовья; История поэмы «Из-над Ислочи, или Лекарство на сон»;* *При температуре 60°C и выше... управляющее разрежение из над дроссельного пространства карбюратора воздействует на клапан*. Встречаются они уже и в значении ‘место’, но, в отличие от южнославянских реализаций, здесь возможны варианты управления: *Своими руками как сделать навес из над крыльцом? Слова из над Лондона, обозначающие имена парков и улиц, и станций метро...* Как показали выше примеры с конкретизаторами, там тоже возможен такой вариант. И не исключено, что способность в двупредложных образованиях каждого из составляющих его предлогов управлять либо всей именной группой, либо ее составляющими – это специфика русского языка. Конечно, этот материал не для школьных грамматик и справочных словарей. Но лингвистика должна знать о языке все.

2.5.3. В приведенном выше примере из Интернета выступает деепричастие **изменясь**, что для многих из нас представляется ошибочным. Однако вспомним пушкинское: *Царь Салтан с женой **протяся**, на добра коня коня садясь, ей наказывал себя побережь, его любя; **Решась** кокетку ненавидеть, Кипящий Ленский не хотел Пред поединком Ольгу видеть.* В некоторых справочниках и словарях такая форма оценивается как архаизм. Но, вероятно, этот архаизм еще употребителен и в речи естественного общения, и в литературе, ср.: ***Решась** играть с судьбою в дурака, абстрактно представляя неизбежный исход игры, она взяла быка с улыбкой за рога, и в мир безбрежный амурных бедствий вышла...* (А. Воронин. Интернет); *Если б знать, что этот самолет, **Пронесясь** по жизни ураганом, Сделал заключительный полет, Навсегда исчезнув над Афганом* (К. Елавцев. Интернет); *Я просто реалии добавил. Вы упорствуєте в невежестве, **заблудясь** в американских цифрах. Вот видишь, так на деле, вроде просто, но суть ведь мы постигнем, только **пройдясь** по розам.... а, они с шипами.* (Интернет). И, очевидно, далеко не все «архаизмы» исчезли из нашей речи.

Это далеко не все случаи функционирования единиц разных уровней, расширяющие наше представление о норме. Их наличие и анализ их функционирования позволит нам выйти в собственно систему нашего языка и, возможно, скорректировать некоторые положения и подходы, принятые в современной грамматике. Но вопрос о системе языка и его соотношении с нормой и узусом требует самостоятельного представления.

Список литературы

- Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976
- Аксаков К. С. Опыт русской грамматики. Имя. М., 2011.
- Амиантова Э. И., Битехтина Г. А., Всеволодова М. В., Клобукова Л. П. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестник Моск. ун-та. Сер.9. Филология. 2001. № 6.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Белошапкина В. А. Соавтор и редактор. Современный русский язык: Учебник. М., 1989.
- Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. 5-е изд. М., 1935.
- Бондарко А. В. К проблеме функционально-семантических категорий

- (Глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке) // Вопросы языкознания. 1967. № 2.
- Бондарко А. В.* (соавт., ред.). Теория функциональной грамматики. Т.1–6. Л. (СПб.), 1986–1996.
- Брызгунова Е. А.* Звуки и интонация русской речи. М., 1969
- Бухарин В. И.* Коммуникативный синтаксис в преподавании русского языка как иностранного. М., 1986.
- Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И.* Современный русский язык: Учебник / Под ред. Н. С. Валгиной. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2002.
- Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1972.
- Всеволодова М. В.* Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975.
- Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000.
- Всеволодова М. В.* Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010. № 4.
- Всеволодова М. В.* К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 3.
- Всеволодова М. В.* Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Статья 1. Фрагмент системы – немотивированные (первичные) предлоги // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012 (а). № 5.
- Всеволодова М. В.* Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Статья 2. Фрагмент системы – мотивированные (вторичные) предлоги // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012 (б). № 6.
- Всеволодова М. В.* О грамматике полных и кратких форм прилагательных и причастий в русском языке // Вопросы языкознания. 2013 (а). № 6.
- Всеволодова М. В.* Категория количественности в славянских языках: числительные и квантитативы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013 (б). № 6.
- Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. 4-е изд., доп. М., 2014.
- Всеволодова М. В., Ким Тэ Чжин.* Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка). Фрагмент фундаментальной прикладной грамматики. М., 2015.

- Всеволодова, М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А.* Русские предлоги и средства предложного типа: Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1. Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. М., 2013.
- Всеволодова М. В., Спиридонова Л. Н.* Употребление полных и кратких прилагательных: (Сб. упражнений). М., 1968.
- Зализняк А. А.* «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002.
- Золотова Г. А.* Очерки функционального синтаксиса. М., 1973.
- Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Лариохина Н. М.* Особенности изучения синтаксиса научного стиля речи // В помощь преподавателю русского языка как иностранного. М., 1964.
- Лариохина Н. М.* и др. Сборник упражнений по синтаксису научной речи / Под ред. Н. М. Лариохиной. М., 1965.
- Лариохина Н. М.* Вопросы синтаксиса научного стиля речи. М., 1979.
- Ломтев Т. П.* Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
- Маркус С.* Лингвистический аспект логических оппозиций // Проблемы структурной лингвистики. М., 1963.
- Москальская О. И.* Грамматика текста. М., 1981.
- Мухин А. М.* Функциональный анализ синтаксических элементов. М.; Л., 1964.
- Обнорский А. В.* Именное склонение в русском языке. Т. II. М., 1941.
- Обнорский А. В.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- Панов М. В.* Позиционная морфология русского языка. М. 1999.
- Сиротинина О. Б.* Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов, 2013.
- Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. 1-е изд.: 1907; 5-е изд.: 2005.
- Судзуки Р.* Русские атрибутивные конструкции со значением «параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (в зеркале японского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Флоринский Т. Д.* Лекции по славянскому языкознанию. Т. 1. Болгарский,

сербо-хорватский, словинский. Киев, 1895; Т.2. Северо-западные славянские языки (чешский, словацкий, польский, кашубский, серболужицкий и полабский). Киев, 1897.

Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. М., 1998.

Сведения об авторе: Всеволодова Майя Владимировна, доктор филол. наук, профессор кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: mayya133@mail.ru

Н.В.Николенкова

ПОПРИЩЕ VS ВЕРСТА В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ ТЕКСТЕ XVII В.

В статье речь идет о функционировании двух лексем в церковнославянском переводе географического сочинения второй половины XVII в. в сравнении с выполняемыми ими в течение более раннего периода истории литературного языка функциями. Интерес к исследуемым словам оформился в исторической лексикологии достаточно рано, а наши наблюдения над мало исследованным памятником дают возможность дополнить и уточнить сведения, содержащиеся в исторических словарях.

Ключевые слова: церковнославянский язык, терминология, историческая лексикология.

The article deals with the functioning of two lexemes in the Slavonic translation of geographical compositions of the second half of the 17th century as compared to the functions fulfilled by them during an earlier period of the history of literary language. The interest in the words under investigation was expressed in Historical Lexicology quite early, and our observations on the insufficiently studied heritage work provide an opportunity to supplement and clarify the information contained in the historical dictionaries.

Key words: Church Slavonic language, terminology, Historical Lexicology.

Изучение лексики церковнославянского и древнерусского языка прошло путь от систематизации и перечисления разнообразия лексем определенных тематических групп до анализа характера их функционирования в отдельных памятниках, переводческих школах и т.д. В идеале необходимо системное и комплексное изучение и описание лексики отдельных памятников письменности, но еще И. И. Срезневский понял, что задача интенсивной лексикографической обработки материала, то есть создания особенно полного и подробного словаря каждого из старых памятников языка, невыполнима; см. подробнее [Крысько, 2005: 3]. В результате в XX в. в исследованиях лексики преобладает экстенсивный подход, а в исторических словарях дается лексика как можно большего круга текстов, но без предварительного серьезного изучения самих памятников [Крысько, 2005: 4].

Однако за последнее время экстенсивный характер описания лексики вновь меняется на интенсивный, исследование количественного состава лексики уступает место более внимательному изучению отдельных эле-

ментов системы. Такая смена научной парадигмы влияет и на изменение описания лексики в словаре: в качестве источников подбираются тексты, прошедшие уже предварительный этап систематизации хотя бы на уровне публикации их словариков [Крысько, 2005: 15–16].

Подробному описанию разнообразия лексем в выделенных тематических группах посвящены исследования середины 1970-х гг., когда в основном завершена была работа по формированию картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. Так, интересующая нас метрологическая лексика, традиционные и «народные» меры длины подробно проанализированы Г. Я. Романовой, параллельно выполняющей работу по составлению словарных статей для [СлРЯ XI–XVII]. Главным достоинством своей работы автор называет анализ 205 метрологических наименований, среди которых оказываются как известные «верста», «поприще», «миля», «пядь», «аршин», так и диалектное «гон», «волок», «чум» и даже единичное «выпряжай» [Романова, 1975]¹.

Особый интерес представляет для нас соотношение между словами «верста» и «поприще», так как они на протяжении многих веков образуют «устойчивую основу лексико-семантической группы наименований крупных путевых мер» [Романова, 1975: 16]. Менее распространены «миля» и «стадия», обозначающие «генетически чуждые восточным славянам меры длины» [Романова, 1975: 16]. Систематизировав некоторые наблюдения над указанной группой слов, мы хотим дополнить уже сделанными учеными наблюдения данными из исследуемого нами материала.

Этимологические наблюдения. Этимологию «верста» обычно связывают с глаголом «вертеть» [Преображенский, 1910–1914: I, 76]; первоначальное значение «оборот плуга». Для древнерусского **вьрста** отмечаются значения «возраст; пара; ровесник; мера длины» [Фасмер, 2004: I, 300]. При этом последнее значение отмечено только в древнерусском, в других славянских языках есть значения «возраст» (болг. и словенск.), «ряд, вид» (сербохорв., словенск.) и «слой» (чеш., польск.). Таким образом, значение «мера длины» оказывается специфическим русизмом.

В словаре П. Я. Черных значение «верста» определено так: «до введения метрической системы мер – путевая мера длины, равная 1,0669 км». Для др.-рус. автор указывает те же значения, что и М. Фасмер. Так же, как и Фасмер, возводя происхождение к индоевропейской базе *ver-t-, Чер-

¹ Заметим, что в [СлРЯ XI–XVII: 2,3] отмечено, что Г. Я. Романова не составила словарную статью к лексеме «верста»; указанная и используемая нами далее работа была выполнена параллельно работе над словарем.

ных отмечает развитие значения: от ‘поворот’ через ‘пройденная часть пути’ и далее до ‘одинаковый с другими отрезок расстояния, времени’, ‘равная часть’. В результате возникают значения, с одной стороны, ‘мера длины, верста’, а с другой – ‘возраст’ [Черных, 1999: I, 143]. О развитии этого значения писал также А. А. Потебня [Потебня, 1958: 13–14].

Этимология слова «поприще» более противоречива. Преображенский выводит из глаголов «прать», «пърати» со значениями ‘давить, топтать’ и предлагает первичное значение ‘место, где топчут, ходят’, а значение ‘путевая мера’ предлагает рассматривать как вторичное. Для древнерусского употребление он дает эквиваленты «стадий», «верста», а также предлагает более конкретное значение ‘день пути’ [Преображенский, 1910–1914: II, 105]. Фасмер связывает происхождение лексемы с «переть, пруть» в значении ‘идти’, при этом находит соответствующее употребление только в древнерусском и старославянском языках [Фасмер, 2004: 3, 327]. Черных не разбирает происхождения слова. В современных словарях его происхождение выводится из церковнославянского «поприще», производное с корнем «пър-», связанное с глаголом «пърати, попрати» [Шведова, 2007: 698].

Словарь русских говоров дефинирует **поприще** как книжно-литературную лексему, встречающуюся в былинах, сказках со значением ‘мера длины, равная версте’ («да отъехал-де ведь старый за три поприща, да по-русски-то сказать да за три верстоньки» [СРНГ: 13, 5]). В качестве народно-разговорной приводится лексема «попрыск», также мало отмеченная в говорах; Фасмер вслед за Далем предлагает вариант «попры» [Фасмер, 2004: 3, 327].

Практическое отсутствие слова в живой русской и славянской речи вызвало в конце XIX в. предположение об искусственном образовании слова в период перевода первых греческих богослужебных книг на старославянский язык в поисках эквивалента для греческого слова с общим значением ‘расстояние, протяженность, длина вообще’ [Романова, 1975: 21]. Образцом для калькирования можно считать греческие *διάστημα*, *διάστασις* от глагола *ἵστημι*, круг значений которого частично совпадает со значениями славянского глагольного корня «пър-» [Романова, 1975: 21]. Романова предлагает признать употребление «поприща» для перевода греческого *στάδιον* вторичным, «связанным с дальнейшим распространением старославянского языка на северно-славянских территориях, где греческая мера *στάδιον* была неизвестна» [Романова, 1975: 22].

Грецизм «стадие / стадий / стадия» от греческого *στάδιον* употребим в переводных, а под их влиянием и в некоторых оригинальных памятниках

разного периода. «Миля» появляется в русской письменности позже, начиная с XIV в. «для обозначения западноевропейских путевых мер длины» [Романова, 1975: 33]; восходит к усеченному названию римской меры *milia passum* ‘тысяча шагов’ [Фасмер, 2004: 2, 622].

Употребление лексем в памятниках XI–XIV вв. В [Романова, 1975: 16–17] лексемы «верста» и «поприще» рассматриваются как синонимы, обозначающие одну и ту же меру длины. Она отмечает, что в оригинальных русских памятниках оба слова часто взаимозаменяемы: «**Отъ Пачеры до Миръ... естъ верстѣ** (вар. **поприць**) 40» («Житие и хоженье Даниила игумена»); «**Начаше и [кн. Ростислава] срѣтати смолянне лѣтшнии люди за 300 поприць**» (Воскресенская летопись; в Ипатьевской летописи в том же рассказе «за 300 верст»). Словарь русского языка XI–XVII вв. этих примеров не включает, на значение ‘мера длины’ приведены в основном иллюстрации из текстов XVII в. [СлРЯ XI–XVII: 2, 93]. Есть в переводных памятниках этого времени употребления грецизма «стадий»: «**Мѣра же его [озера] нмаше стадии 40, глѣбина же его сяжень 40**» в Хронике Георгия Амартола [Романова, 1975: 32]; «**сѣзда етерѹ стѣнѹ за ̅ днѣи**» там же [СлРЯ XI–XVII: 27, 189]. Грецизм проникает и в оригинальные русские произведения, например в Житие Бориса и Глеба (из Сильв. сб. [СлРЯ XI–XVII: 27, 189]).

Изменение отношения к паре лексем «верста» и «поприща» стали возможны, когда выдвинутые в конце XIX в. А.И.Соболевским положения о необходимости использования лексических данных для определения происхождения перевода были дополнены и уточнены исследователями конца XX – начала XXI вв. (А.М.Молдован, А.А.Пичхадзе, Т.В.Пентковская и др.). Лексема «верста» устойчиво занимает место в ряду тех регионализмов, которые указывают на русское происхождение перевода. К примеру, Пентковская отмечает в Чудовской редакции Нового Завета чтение **і а̅ кто тл понѣди іті верстѣ единѣ** (μίλιον ἓν) **іди с нѣ двѣ** (Мф. 5:41), тогда как другие списки содержат в этом стихе «поприще» [Пентковская, 2009: 44]. Тот же русизм «верста» есть в ряде статей Нестишного Пролога русской редакции: **врѣстѣ двѣ**, **верѣсты двѣ** (μέχρι δύο μιλίων ἐβάδισε) в разных списках, тогда как в других статьях употребляется **пыприць кд̅** (ἐλαύνεται μίλια κδ̅), **ѣ пыприць къ морю** (μίλια πέντε πρὸς θάλασσαν) и т.д. [Пентковская, 2003: 132]. То, что русизмы Пролога восходят к архетипу, предполагал еще А.И.Соболевский [Соболевский, 1980: 146].

Отмечен русизм «верста» в значении ‘мера длины’ в переводе Толкового Евангелия, в Хронике Георгия Амартола, Житии Андрея Юродиво-

го, Христианской топографии Козьмы Индикоплова, Пандектах Никона Черногорца и т. д. [Пичхадзе, 2011: 109]. При этом исследовательницей подчеркивается, что в переводах подгруппы, главным представителем которой является Хроника Георгия Амартола, и переводов восточнославянской подгруппы рассматриваемая пара слов употребляется неодинаково. «В текстах восточнославянской группы... для обозначения соответствующего расстояния используется исключительно **вьрста**, церковнославянский синоним **попърице** отсутствует» [Пичхадзе, 2011: 109]. В переводах группы Хроники Георгия Амартола «решительно преобладает церковнославянскизм **попърице**, в Повести о Варлааме и Иоасафе встречается только этот термин, а прилагательное **вьрстънын** имеет значение ‘равный по возрасту’, в том же значении слово **вьрста** употреблено в Житии Андрея Юродивого [СлРЯ XI–XVII: 2, 93].

Интерес представляет употребление обоих слов в Христианской топографии Козьмы Индикоплова. В трех случаях **вьрста** имеет значение ‘мера длины’: по три версты (24.5); **яко врьстъ шестѣ** (42 об.4); **имать^{жк} вьстровъ великын яко^{жк} рѣша домашнинн, поприць, т̄, в долготоу, тако^{жк} и вширотоу, еже е^с врьстъ двѣ стѣ** (127.12) [Гольщенко, Дубровина, 1997]. В последнем примере «**вьрста** переводит греч. *μίλον*, а **попърице** – *στάδιον*» [Пичхадзе, 2011: 110]. Отмечено в Христианской топографии и еще одно употребление церковнославянизма: **яко поприца двою** (13.13).

Таким образом, для старшего периода истории русского языка функционирование пары «верста / поприще» является диагностическим для локализации перевода памятника.

Что касается термина «миля», то Словарь древнерусского языка фиксирует единственное его употребление в Грамоте жалованной опольского кн. Владислава Ладомиру Волошину 1378 г., южнорусской по происхождению и отражающей польско-латинское влияние: «**поле што лежить в(т) бохурѣ волше милѣ**» [СДРЯ XI–XIV: 4, 534].

Употребление лексем в памятниках XV–XVII вв. В течение следующего периода русской письменности «поприще» и «верста» употребляются как синонимы, отмечается лишь их функциональное распределение в разных стилях языка: «поприще» употребляется как книжное церковнославянское, «верста» – как народное собственно русское [Романова, 1975: 23]. Уделяя основное внимание не функционированию лексемы в текстах, а ее метрологическому содержанию, Романова делает вывод, что «поприще» получает значение ‘крупная путевая мера, содержащая несколько стадий’, выражается расстояние в 1,48 км, то есть размер римской мили

[Романова, 1975: 24–25], «целостность и определенность (такого значения. – *Н.Н.*) охранялась церковью и монастырями» [Романова, 1975: 24–25]. Точный размер «версты» известен в меньшей степени, так как с XVI в. употребимы оказываются словосочетания «большая верста», «небольшая верста», определяющие разные меры длины. В исследовании Романовой отмечается и то, что в XVI–XVII в. происходит некоторая активизация в употреблении термина «поприще», «что отражает, видимо, процесс некоторой архаизации лексики того периода» [Романова, 1975: 26].

Исторические словари приводят примеры употребления рассматриваемой пары в значении ‘мера длины’ в памятниках разного содержания. Так, «верста» отмечена, к примеру, в лексиконах, в Уложении 1649 г. («**верстѣ ѹчинити по тысячи саженьѣ**») [СлРЯ XI–XVII: 2, 93]. Пример из Алфавита (по списку БАН) есть и в [СлРЯ XI–XVII: 17, 100]: «**Поприще – верста, яже имать сажений 750**»². Увидеть исходя из словарных данных, какая из лексем больше распространена в тот или иной период письменности, оказывается невозможно.

Непосредственное обращение к русским источникам XV–XVI вв. показывает большее распространение лексемы «поприще». Так, в Санкт-Петербургском корпусе агиографических текстов на 6 примеров употребления «верста» представлен 51 случай использования «поприще» [URL: <http://project.phil.spbu.ru/scat/search.php>]. Так, в Житии Кирилла Новозерского есть только один пример употребления «верста»: по три версты (79 об.) на 7 случаев использования «поприще»: **осмьдеса^т поприць**; **ѣї поприць** (28 об.); **л̄ поприць** (52 об.; 63); **тридеса^ть поприць** (77; 78); **ѣї поприць** (86 об.) [Герд, 2003].

Лексемы «стадие / стадий / стадия» и «миля» фиксируются в первую очередь в переводных памятниках данного периода [СлРЯ XI–XVII: 9, 157; 27, 189]. Однако зафиксирован один оригинальный текст, где употребляется как заимствование «миля», так и русизм «верста». В «Книге Большому чертежу» расстояния определены именно в этих величинах. Масштаб чертежа учитывает расстояние в милях (каждая миля по 5 верст: «в том чертеже и мера верстами, и мильми, конскою ездою, сколько ехать днем станичною ездою на день, написано, и мера верстам положена» [Сербина, 1950: 49]³).

² Обращает на себя внимание, что для лексемы «верста» приведено больше примеров из памятников XVII в., а для «поприще» большее число примеров относятся к XI–XIV вв.

³ В [Романова, 1975: 34] приведена та же цитата, но несколько неточно.

«Верста» в указанном тексте использована при определении расстояний в центральной части Московии: «а до Тулы от Серпухова 70 верст; до Воронежа 130 верст» [Сербина, 1950: 59–60]; в Крыму: «а Бакчисарай от моря верст с 13» [Сербина, 1950: 65]; на Дону: «а на усть ее, на Дону, город Лебедянь, от Донкова до Лебедяни 20 верст» [Сербина, 1950: 78]; на Кавказе: «пала в Кур река Лариша, протоку Лариша реки 90 верст; а ниже Шамахи 50 верст, на устье реки Кура, город Сальян» [Сербина, 1950: 88–89] и т. д. Милями «обозначены расстояния по южной России, входившей в состав Польско-Литовского государства: «А ниже Самары реки 6 миль пала в Днепр речка Вороная вода» [Романова, 1975: 34]. Однако это наблюдение оказывается не вполне верным: многие южнорусские расстояния также отмечены в верстах: «А ниже Ворскла 4 мили пала в Днепр река Орель; А протоку Орели реки 400 верст; а ниже Волчьих Вод верст з 10 пала в Самар река Бык» [Сербина, 1950: 110]. Так что появление «милей» в описании южнорусских территорий оказывается лишь вариантом использования русизма «верста».

Мы хотим предложить рассмотреть характер употребления лексем, обозначающих расстояния, в переводе географического атласа второй половины XVII в., введенном нами в лингвистический оборот [Николенкова, 2010; Николенкова, 2013].

Перевод Атласа Блау XVII в. Латинский оригинал «Theatrum orbis terrarum sive Atlas novus» составлялся Вильгельмом и Иоанном Блау (отцом и сыном) в Амстердаме в период с 1631 по 1665 гг., в России оказалось издание 1645 г. [Влаец, 1645]. Тома латинского издания в конце 1650-х гг. были разделены между Епифанием Славинецким, Арсением Сатановским и Исаей Чудовским, которые сделали черновики перевода (рукописи Син. 779, 781, 780, 41), а потом московскими писцами были подготовлены беловики (Син. 19, Син. 112 и Син. 204). Московский перевод носит название **Поזורище всеа вселенныа, или атласъ новый**⁴.

Основной текст Атласа Блау представляет собой описание отдельных стран и частей света, построенное по одной схеме: границы, главные города и водные артерии, религия, форма правления, основные сведения из истории, природные ресурсы. При описании территории обязательно используется метрологическая терминология.

⁴ Все примеры даны по рукописи Син. 19 с максимальным соблюдением орфографии рукописи. Однако мы позволили себе опустить диакритику рукописи Син. 19 как несущественную для разбираемой темы.

Особое положение в тексте занимает вступление – «Введение в Космографию», в котором содержатся общие сведения астрономического характера, основы общей географии и рассказ об освоении различных частей земли. В Вождении есть глава «**В различныѣхъ земли мѣрахъ**», которая оказывается актуальной в контексте рассматриваемой темы.

В начале этой главы повествуется о самом названии «миля»:

Romani olim distantias
locorum mensurarunt per
mille passus, unde nomen
milliari. Singula mille
passuum intervalla juxta
vias publicas distinguebant
lapidibus, aut aliis indicibus,
unde lapides quoq; *milliaria*
dicti; ut ad decimum
lapidem, quasi ad decies
millenarium passum⁵.

**Римляне древле мѣстѣ растоуіа
размѣрахъ тысящеи степенен,
ѡнюдѣже и ²миля има¹ содержитъ⁶.
[аки реци, милле, сіе въ знаменѣтъ,
тисаща]. Всакоже тисащи степенен
растоуіе, поболшѣ дорогахъ
раздѣла каменіемъ, или иными
знаменіи, ѡкѣдѣ и Каменн званн
вахъ миан. Глахъ бо пѣтшестѣюціи
къдеса томѣ каменю приходити, аки
къдеса том миан (7 об).**

Далее, объясняя, сколько «миль» составляют разные национальные меры расчета расстояний, автор дает определения им: **скажем, четыре таковыа миан, чинатъ едины милю немецкѣю** (*milliare Germanicum*); **и таку степень, едины в великомъ кръзѣ земномъ содержитъ милен Римскихъ $\frac{3}{4}$, немецкихъ же еѣ обычныхъ (7 об.)**. Греки мерят расстояния в стадиях, **и осмь стадіи** (*octo stadia*) **чинатъ милю Римскѣю**. Персы измеряют расстояния в мере **перазангъ** (*Parasangas*), **ѡ нихъ же всакаа содержаше $\frac{1}{3}$ стадіи** (*stadia 30*). Египтяне имеют «схени» (*Schaenos*), французы и испанцы «левки» (*Leucis*), на Руси (в Московии) **растоуіа мѣстѣ числатъ верстами** (*Russi aut Moscovitae distantias numerant per spatia quae lingua vernacula dicunt Vorest aut Worest*) (7 об.).

Кроме того, в этой главе дана таблица расчета «единого степени» великого круга земли, что позволяет наглядно увидеть различия между разными мерами расстояний в европейских землях:

⁵ В разделе *Introductio* нет пагинации.

⁶ В остальных списках порядок «**има миля**». Вероятнее всего, так было в черновом экземпляре перевода.

ѣї		Немецкихъ	
ѡї и поль		Гіспанскихъ	
к		Францѡзскихъ	
н	МИЛЬ	Скотскихъ	Чинатъ единъ Степень
аѡ		Аггліанскихъ	великаго Кръга на земан (8)
аѡ		Італіанскихъ	
п		Рѡскихъ	

Автор текста отмечает, что наиболее употребительны по всей Европе именно «мили»: **воупотребленіи естъ едва невоксен Европѣ**, даже у народов, говорящих на славянских языках (**оуполаквѣ и Венгровѣ и Чехвѣ**). Под влиянием этого замечания в других частях Вводения («**Кръгъ Земной**»), используется лексема «миля»:

Si viator singulis diebus
tantum conficiat 4 miliaria
germanica, posse eum spacio
annorum trium, & dierum 260,
totum terrenum globum
circumire. Ambitus siquidem
terræ milliariorum est germ.
5400 (2a–b).

Ащебы пѣтникъ онъ навсакъ день
точно четыре мили оуходилъ
общихъ, могла бы временемъ трѣ^х
лѣтъ и дней сѣ^х, весь вѣтеши кръгъ
земной. **Вкрѡженіе бѡ земан миль**
есть ѡ V (11).

Однако, переходя к переводу основной части Атласа, Славинецкий и его соратники полностью меняют установку и во всех случаях употребления «milliarium», в том числе с уточнением «germ.» (наиболее частотное измерение расстояния в европейских главах Атласа), используют стандартную церковнославянскую лексему **поприще**, подчеркивая тем самым характер лингвистической ориентации перевода на стандартный регистр церковнославянского языка [Николенкова, 2013: 605–606]: **до Овіи рѣки входу поприщъ Германскі^х** (milliarium Germanicorum) **вѣтъ девать сотъ** (21 об); **такъ едва малаго поприща** (parvi milliaris) **междѡ собою вставляють** (31); **на врезѣ Днѣпрномъ положенными, поприщъ Германскихъ сѣ** (64)⁷; **седми поприщи общими Германскими** (milliatibus

⁷ В данном случае нельзя не привести латинский текст: & Czyrkassy in ripa Borysthenis situm, miliaria Germanica C C (31), замена названия реки не привела к замене метрологической лексемы.

communibus Germanicis)... **вы́лбы к̄а попришь** (XXI milliarium) (103 об) и т. д.

Ни одного случая употребления лексемы «верста» нами в основном переводе не обнаружено. Один раз был использован термин «стадия»: *Ambitus est stadiorum 38 (41b) = **овходъ естъ стадинъ*** (142 об.).

Особое место занимает в Атласе раздел, описывающий территорию Московского государства (это главы *Moscovia sive Russia alba; Moscoviae pars sept. & orient.; Moscoviae pars australior* (17a-22d) [Blaeu, 1645]). В белом экземпляре Син. 19 данного фрагмента нет, в рукописи пропущены листы, а сам текст перевода помещен в черновике, рукописи Син. 779, причем почерк на этих листах принадлежит писцу рукописи Син. 19, а не Славинецкому [Соболевский, 1903: 61]. Мы предполагаем, что перевод глав о Москве сделан раньше, чем основной текст Атласа. Вероятно, перевод был осуществлен сразу после перевода Вводжения в Космографию, на что указывает и отсутствие черновиков для этих частей. Косвенным образом гипотезу подтверждает и функционирование лексемы для обозначения расстояний: в главах о Москве используется по преимуществу **миль**: *ми^А немецкихъ т̄п* (mill. German. 380)⁸ (44об. Син. 779); *двадесатъ патю (!) милми* (25 mill.) *Ѡстонъ Ѡ Москвы* (45 Син. 779); *Ѡстонитъ Ѡ перваго иѣ Ѡ втораго же дѣ миль* (54 об. Син. 779); *Ѡстонитъ Ѡ Москвы т̄т миль полскихъ* (55 Син. 779); *разтопаніемъ вѣ миль немецкихъ* (milliar. Germ.) *плаваема естъ* (101 Син. 779).

Последний пример, однако, отмечен на листе, где переводчику пришлось осуществить крайне сложный выбор. На протяжении небольшого фрагмента текста ему пришлось столкнуться не только с «милями немецкими», но и с латинским «CLXXV milliarum Russica» и «CCC mill. Russ.» (21d). Именно в этом фрагменте переводчик решает не следовать за обозначениями расстояний абсолютно точно, а выбрать нейтральное церковнославянское слово. В первом случае он переводит «milliarum Russica» как *р̄ ѵ ѣ верстѣ миль же немецкихъ л̄ ѡ* (100 об. Син. 779), а при втором употреблении «mill. Russ.» использует *ѣ попришь рѣскихъ* (101 Син. 779), повторяемое дважды: *истѣкающи сто попришь рѣскихъ* (milliar. Russic.) *ниже новъ города вволгѣ* (101 Син. 779).

Епифанию Славинецкому ясно, что «верста» и «миля» оказываются в переводимом тексте терминологическими понятиями. Использовать «верста» как русизм вместо иного по обозначению величины термина «миля» невозможно. В своих лексиконах, составленных до перевода Атласа Блау,

⁸ О различии в переводе German. см. [Николенкова, 2010: 95–96].

он также подчеркивал неравенство величин: «Верста. Quinta pars mi[lliaris]» [Німчук, 1973: 432]. Естественно, что в латино-славянской части для перевода «milliarium(m), milliare» выбраны только лексемы «миля» и «поприще» [Німчук, 1973: 269].

Исследуемый нами перевод дает существенные дополнения к характеру функционирования метрологических лексем в книжных текстах XVII в., формирующих научный стиль. Русизм **верста** используется именно в случае определения расстояний в русских измерениях, такие контексты отмечены в [СлРЯ XI–XVII: 2, 93]: «105 миль немецких а русских 525 верст», «Италийских 24 мили а московских 35 верст» (Царство Кит.). При описании чужих земель «верста» с соответствующим уточнением обозначает меру длины, неизвестную носителям русского языка: «Всякая верста китайская есть по 360 сажень, а русская верста 1000 сажень» (Опис. гос. Китай) [СлРЯ XI–XVII: 2, 93]⁹.

Миля воспринимается как заимствование и активно используется в переводных текстах при описании западных земель. [СлРЯ XI–XVII: 9, 157] не дает широкого круга примеров, однако в переводах «Вестей-Курантов» второй половины XVII в. на 44 употребления для передачи расстояния лексемы «миля» отмечено только 8 случаев «верста» [Вести-Куранты, 2009: 604, 682]¹⁰. Для текстов, не отражающих ориентацию на церковнославянский язык, термин «миля» становится наиболее нейтральным.

Фактически гиперонимом для метрологической лексики в церковнославянских текстах позднего периода становится лексема «поприще», выражающая значение расстояния без привязки к определенной длине. Вероятно, данное значение ‘расстояние, мера пути’ без попыток определить реальное выражение этой длины с точностью до полуметра [СлРЯ XI–XVII: 17, 100] и должно стать центральным для исторического слова XVII в.

⁹ Перевод второго тома Атласа Блау, сделанный Арсением Сатановским, содержит перевод описаний ряда азиатских стран. Проанализированные на сегодняшний день фрагменты в латинском источнике содержат только употребления «mill.», переводимое как «поприще». Местных названий расстояний нами пока не отмечено.

¹⁰ Для подробного изучения темы необходимо провести более серьезное исследование, в том числе сопоставить переводы и оригинальные тексты; в рамках данной работы мы пока не можем сослаться на полученные результаты.

Словари

- СДРЯ XI–XIV – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т.1–9. М., 1988– .
- СЛРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып.1–30. М., 1975– .
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып.1–46. М.; Л. (СПб.), 1965– .
- Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–3. М., 1910–1914.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. 4-е изд. М., 2004.
- Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. 3-е изд. М., 1999.
- Шведова Н. Ю.* (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2007.

Список литературы

- Вести-Куранты. 1656; 1660–1662; 1664–1670: Русские тексты. Ч. 1. М., 2009.
- [*Герд А. С.*] Житие Кирилла Новоезерского. СПб., 2003.
- [*Гольшенико В. С., Дубровина В. Ф.*] Книга нарицаема Козьма Индикоплов. М., 1997.
- Крысько В. Б.* Русская историческая лексикография (XI–XVII вв.): проблемы и перспективы // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. СПб., 2005. С. 3–19.
- Крысько В. Б.* Русская историческая лексикография (XI–XVII вв.): проблемы и перспективы // Вопросы языкознания. 2007. № 1. С. 103–118.
- Николенкова Н. В.* Церковнославянский перевод Атласа Влаеу: нерешенные вопросы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2010. № 6. С. 86–98.
- Николенкова Н. В.* Стратегии формирования церковнославянского языка как языка науки в XVII в. (на примере перевода Атласа Влаеу) // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 590–609.
- [*Німчук В. В.*] «Лексіконъ латинский» Є. Славинецького. «Лексикон словено-латинський» Є. Славинецького та А. Корецького. Сатановського. Київ, 1973.

- Пентковская Т. В.* К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета. М., 2009.
- Пентковская Т. В.* Лексический критерий в изучении древнеславянских переводов: проблемы локализации и группировки // Русский язык в научном освещении. № 1 (5). 2003. С. 124–140.
- Пичхадзе А. А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси. М., 2011.
- Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.
- Романова Г. Я.* Наименования мер длины в русском языке. М., 1975.
- [*Сербина К. Н.*] Книга Большому Чертежу. М.: Л., 1950.
- Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903.
- Соболевский А. И.* Особенности русских переводов домонгольского периода // История русского литературного языка. Л., 1980. С. 134–147.
- Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum. Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu. Amsterdami. Anno 1645.

Сведения об авторе: Николенкова Наталья Владимировна, кандидат филол. наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: natanik2004@mail.ru

А.В.Архангельская

ПРОБЛЕМА ЗАЧИНА, ИЛИ КОГДА ИСТОРИЮ ПИШУТ ПИСАТЕЛИ (К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н.М.КАРАМЗИНА)¹

В статье рассматривается проблема начала исторического сочинения применительно к трудам первых русских историков от В.Н.Татищева до Н.М.Карамзина.

Ключевые слова: история России, XVIII век, историография, литература, летописи.

The article deals with the problem of the beginning of historical writings in the works of the first Russian historians, from V.Tatishchev to N.Karamzin.

Key words: history of Russia, XVIII century, historiography, literature, annals.

На протяжении последних трех веков в России периодически возникает интерес к истории, характеризующий в гораздо большей степени современное состояние общества, актуальные и насущные проблемы, перед ним стоящие, а также степень потребности в осознании своего места в мире. Судить «о времени и о себе» было естественно и для древнерусского периода, недаром летописи не только были одним из самых распространенных типов текстов в древнерусской литературе, но и формировали общественное сознание, принципы исторического мышления и политические представления. Немаловажно и то, что в XVI столетии среди масштабных идеологических мероприятий по регламентации различных сфер жизни и деятельности гражданина нового централизованного государства возникла и идея регламентации истории – так появилась «Степенная книга царского родословия», представляющая русскую правящую династию как ведущую на небо лестницу, ступеньками («степенями») которой оказываются последовательно сменяющие друг друга «в благочестии просиявшие богоутвержденные скипетродержатели»². Еще более важным становится процесс осмысления собственной истории в новое и новейшее время.

Одной из актуальных проблем композиции исторического сочинения является вопрос о том, с чего следует начинать повествование. То, с чего

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 15-04-00494.

² Библиотека литературы Древней Руси: В 20 т. Т.12. СПб., 2003. С. 322.

именно начинается разговор об истории народа, страны, государства, значимо в разных отношениях и позволяет судить о системе приоритетов историософского и геополитического плана, а также задает определенный вектор читательского восприятия описываемых далее событий. Позиция начала текста – по определению сильная, и выбор темы для зачина представляет интерес и в собственно научном сочинении, и особенно в том случае, когда автором исторического труда является писатель, что заставляет его использовать в научном дискурсе во многом те же принципы и приемы, которые характерны для дискурса литературного, художественного.

Как известно, проблема начала неоднократно обсуждалась учеными в связи с самым ранним древнерусским историческим памятником – «Повестью временных лет». При том, что в первой русской летописи – в полном соответствии с принципами, по которым строятся всемирно-исторические хроники, – повествование начинается со священной – библейской – истории, отмечается, что, используя в качестве образца и источника византийскую «Хронику Георгия Амартола» (IX век), которая многократно цитируется в ПВЛ, русские авторы проявляют творческий подход именно к вопросу о том, с какого события надо начинать рассказ о том, «откуда есть пошла Руская земля <...> и хто в ней почал первее княжити, и откуда Руская земля стала есть»³. И именно этим объясняется тот факт, что точкой отсчета в ПВЛ становится не сотворение мира – абсолютное «начало с начала», как у Амартола, а разделение земли между сыновьями Ноя после всемирного потопа. Результатом этого сознательного выбора стала актуализация темы справедливого распределения уделов, уже, к сожалению, трагически актуальная в период создания ПВЛ: авторитет сыновей Ноя, которые «разделивше землю, и жребии метавше, не переступати никомуже в жребий братень, и живяху кождо в своей части»⁴, должен был освятить этот принцип для современных князей, придать этому событию статус нравственно-политического урока, на который должны были ориентироваться современники и потомки составителей летописи.

В еще большей степени эта проблема становится актуальной в связи с появлением обобщающих исторических трудов нового времени, пытающихся – как и летописи, только на новом уровне развития общественного, гражданского, политического самосознания и исторического мировоззрения – охватить целиком всю историю России от древнейших вре-

³ Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 62.

⁴ Там же. С. 64.

мен до современности. Попробуем взглянуть на то, как именно начинают свои сочинения первые российские историки.

«История Российская» В.Н. Татищева⁵, с которой – несмотря на целый ряд вопросов, вызванных и самим текстом, и использованными автором источниками, – принято начинать российскую историографию, открывается достаточно пространством «Предъизвещением о истории общественной и собственно русской». Показательно, что в этом разделе историк разделяет историю божественную, церковную, светскую (политическую и гражданскую) и историю науки, а также рассуждает о пользе исторического знания как такового («О пользе Истории не потребно бы толковать, которую всяк видеть и ощущать может»⁶), о методах и принципах исторической науки, перечисляет источники, а также описывает хронику своей собственной работы над историческим сочинением. Первая же глава – собственно, начало изложения истории – называется «О древности письма славянов» и посвящена истории и предъистории славянской письменности⁷. Таким образом, в этом случае история начинается с темы письма (Логоса, Слова), которое трактуется многозначно и дает автору основания разместить в этой главе и обзор письменных источников, сообщающих нам подробности о расселении славянских племен и занятиях древних славян, и историю приобщения славян к христианской традиции через переводы Библии, и рассуждения об источниках, которыми

⁵ Работа над «Историей Российской» была прервана смертью В. Н. Татищева в 1750 г., впервые «История» была издана в 1768 г. Повествование доведено до 1558 г., также сохранились отдельные выписки, охватывающие исторический период вплоть до Смутного времени.

⁶ [Татищев В. И.] История Российская с самых древнейших времен, неусыпными трудами через 30 лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. Кн.1. Ч.1. М., 1768. С. II.

⁷ «<...> ...многие иноземцы от неведения пишут, якобы Славяне позд[н]о и не все, но един по другом письмо получали, и якобы Руссы до пятагонадесят ста по Христе никаких Историй не писали... <...> Сказуют, якобы в Руси до Владимира никакого письма не имели, следственно древних дел писати не могли, доводя тем, что Нестор более сто пятьдесят лет по Владимире писал, но никоего прежняго писателя Историй не воспоминает; обаче сие мнение, мнится, от таких произошло, которые не токмо других Славянских и Русских Историй в Руси, но ниже оную Несторову когда видели, или читая понять и разсудить могли... подлинно же Славяне задолго до Христа и Славяноруссы собственно до Владимира письмо имели, в чем нам многие древние писатели свидетельствуют, и во-первых что обще о всех Славянах сказуется» ([Татищев В. И.] Указ. соч. С. 2).

пользовался или мог пользоваться Нестор при составлении своей летописи. Такое расширительное понимание письма и письменности органично вводит следующую тему, связанную с вероисповеданием славян и переходом от язычества к христианству. Таким образом, можно отметить, что для В. Н. Татищева ключевыми понятиями, категориями, которые он мыслит основополагающими и без которых невозможно осмыслять историческое прошлое, оказываются слово и письмо.

Написанная позже, но изданная ранее «Древняя Российская история» М. В. Ломоносова⁸ представляет собой новый тип исторического сочинения. Этот труд (несмотря на то что его, как правило, невысоко ставят профессиональные историки) чрезвычайно интересен в контексте ломоносовского творчества в целом, в частности в плане реализации в нем патриотического дискурса и междисциплинарного подхода. О первом однозначно свидетельствует первая же фраза Вступления: «Народ Российский от времен глубокою древностию сокровенных до нынешняго веку толь многия видел в счастья своем перемены, что ежели кто междуусобныя и отвне нанесенныя войны рассудит, в великое удивление придет, что по толь многих разделениях, угнетениях и нестроениях не токмо не расточился, но и на высочайший степень величества, могущества и славы достигнул»⁹. Иллюстрацией этого тезиса и становится дальнейший текст, из которого очевидно, что главную задачу истории М. В. Ломоно-

⁸ Первый исторический труд М. В. Ломоносова – «Краткий российский летописец с родословием» (СПб., 1760), в котором содержится краткое описание происхождения Руси, основную же часть составляет родословие русских правителей от Рюрика до Петра I. «Древняя Российская история» (СПб., 1766) была издана уже после смерти Ломоносова, оборвавшей работу над этим сочинением, хронологические границы которого в результате заканчиваются 1054 г. – смертью Ярослава Мудрого. Тем не менее мы рассмотрим этот труд, поскольку, несмотря на то что его масштаб оказался нереализованным, с точки зрения интересующих нас вопросов он может быть показателен: авторский замысел очевидно подразумевает охват всей русской истории и о принципах композиции начальной части этого труда можно недвусмысленно судить по именуемому тексту.

⁹ [Ломоносов М. В.] Древняя Российская история от начала Российскаго народа до кончины великаго князя Ярослава Перваго или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым, статским Советником, Профессором Химии и Членом Санктпетербургской Императорской и Королевской Шведской Академий наук. СПб., 1766. С. 1. Развивая эту тему, следует сказать, что большая часть Вступления посвящена разоблачению мифов о русском варварстве и невежестве, рассуждениям о том, что у каждого народа свой путь, так что русские герои не затмевают героев греческих и римских и не являются им конкурентами в читательском восприятии, параллелям между государственным устройством в разных странах и т. д.

сов видит в том, чтобы давать «Государям примеры правления, подданным повиновения, воинам мужества, судиям правосудия, младым старых разум, престарелым сугубую твердость в советах, каждому незлобивое увеселение с несказанною пользой соединенное»¹⁰. Подобные перечисления в качестве аргумента, демонстрирующего всеохватность того или иного явления, его важность для самых разных категорий – гендерных, социальных, интеллектуальных и т.д. – знакомы читателям и по литературному творчеству Ломоносова, и по его научным сочинениям. Собственно изложение истории начинается с описания «старобытных» обитателей России – славян и чуди, – от которого автор переходит к утверждению о том, что «множество разных земель Славенскаго племени есть не ложное доказательство величества и древности. Одна Россия, главнейшее онаго поколение, довольна к сравнению с каждым иным Европейским народом»¹¹. Таким образом, начало ломоносовской истории органично вписывается в принципы его научного и литературного творчества и имеет целью поднять престиж русского народа и русской государственности, вписать русскую историю в европейский контекст и – по аналогии с тем, как это делалось в то время в литературе, – показать, что происходящие в ней события не уступают ни по масштабу, ни по значению тому, что происходит в Европе.

«История Российская» М.М.Щербатова¹² начинается с довольно обширного предисловия, в котором ведется рассуждение о способах, к которым прибегают разные народы для того, чтобы сохранить память о своем прошлом. Обращается внимание на то, что древнерусская письменная история сохраняется как история христианская, что налагает отпечаток на отражение в ней древних – дохристианских – пластов¹³. Кос-

¹⁰ [Ломоносов М. В.] Указ. соч. С. 4.

¹¹ [Ломоносов М. В.] Указ. соч. С. 7.

¹² Работа над историческим сочинением велась по распоряжению Екатерины II, М.М.Щербатов ввел в научный оборот новые источники и неизвестные ранее архивные материалы. В 1770–1791 гг. вышло 7 томов, охватывающих историю России с древнейших времен до 1610 г. «Историю» Щербатова считают «нравоописательной», поскольку под влиянием французского Просвещения он стремился излагать не только факты, но и их причины, которые видел в господствовавших в обществе в те или иные времена взглядах, идеях, нравах и т.д.

¹³ «<...> ...Россия не так, как другия страны, которая по степеням из грубейшаго невежества выходили; но можно сказать, что вдруг сделала один шаг из самой грубости, каковую кочевой народ может иметь, гораздо к великому просвещению, то есть, что принявши вдруг Христианской закон, обще с ним приобрел смягчение своих суровых нравов и письмены, которых конечно прежде не имел;

венно эта тема уже оказывается связанной с проблемой начала: отмечается, что русская история начинается существенно позже, чем история многих других народов. Именно это побуждает М. М. Щербатова к тому, чтобы открыть свой труд «повествованием о старобытном состоянии обладателей России, когда еще они под именем Скифов, Сарматов и других под общими семи именами разумеемых народов знаемы были»¹⁴. Собственно, именно так и строится дальше изложение: предметом почти 90-страничного Введения является обзор истории Скифии и Сарматии, далее следует «Разсмотрение о разных древних прежде населяющих Россию народах», после чего, собственно, начинается 1-я глава 1-й книги, «История Российская по Швецким, Польским и Дацким писателям, до пришествия Кия»¹⁵. Таким образом, очевидно, что здесь мы имеем дело с попыткой привести русскую историографию в соответствие с международными нормами того времени: перед нами труд, опирающийся прежде всего на традиции западной исторической науки, в то время развивавшейся преимущественно в русле источниковедения.

Начало XIX в. связано с появлением исторического сочинения особого типа – «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина¹⁶. Б. М. Эйхенбаум справедливо писал, что это «не столько история, сколько героический эпос»¹⁷. Своему труду Карамзин предпосылает предисловие, в котором выражает свое понимание сути предмета собственного исследования: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности, скрижаль откровений и правил, завет предков к потомству; дополнение, изъяснение на-

и тогда вставшие писатели, яко первой у нас был преподобной Нестор, не токмо не тщались сохранить баснословныя древния идолопоклонническая преложении, но паче у неутвержденнаго в Христианском законе народа старались их со всем из памяти изгнать. Вот причина, чего ради оных со всем у нас в памяти не осталось, и Российская История, хотя позд[н]о, но уже освобожденная от всех баснословей начинается» ([Щербатов М. М.] История Российская от древнейших времен. Сочинена Князь Михайлом Щербатовым. Т. I. От начала до кончины великаго Князя Ярослава Владимировича. СПб., 1770. С. II–III.)

¹⁴ [Щербатов М. М.] Указ. соч. С. III.

¹⁵ [Щербатов М. М.] Указ. соч. С. 107.

¹⁶ 31 октября 1803 г. указом Александра I Н. М. Карамзин был назначен историографом; первые 8 томов «Истории государства Российского» вышли в свет в 1818 г., 9-й том – в 1821 г., 10-й и 11-й тома – в 1824 г., смерть Карамзина в 1826 г. прервала работу над 12-м томом, доведенным до 1611 г. и опубликованным только в начале 1829 г.

¹⁷ Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии. Л., 1986. С. 19.

стоящего и пример будущего»¹⁸. Эта ключевая фраза часто цитируется в связи с различными рассуждениями о специфике карамзинского восприятия истории; нам она важна сейчас как яркий показатель того, что история воспринималась Карамзиным на стыке времен, на перекрестье прошлого, настоящего и будущего, а также осознавалась как важнейший фактор, на котором базируется связь между поколениями.

Общепризнано, что причина успеха Карамзина во многом заключается в том, что его «История» написана новым языком: «... часто в книгах и статьях его (Карамзина. – А. А.) языковое и историческое дело рассматриваются порознь: первое – по ведомству филологов, второе – историков... Мы же не устаем соединять: новый литературный язык – новая историография; живой язык письма – существенная причина тому, что Карамзин был обречен на успех!»¹⁹ Не реже обращается внимание и на то, что «в 1800-х годах ощутима (да не в одной России – у десятка народов, и в этом смысле Карамзин гражданин мира!) та общественная национальная потребность, которая конечно, не в один день развилась: потребность исторически осмыслить самих себя, свое место в родной и мировой истории, свое будущее, которое существует уже сегодня и требует, чтобы его разглядели»²⁰. Но не менее способствовало популярности и широкому успеху карамзинского сочинения то, что оно представляло собой некий синтез научного и художественного (литературного) дискурса. Автор «Истории государства Российского» в равной мере историк (ученый) и писатель (художник), что приводит к уникальному сочетанию рационального и эмоционального в его сочинении. Характеризуя своеобразие историзма Карамзина, Т. А. Алпатова справедливо отмечает, что для него принципиальна «своеобразная готовность повествователя погрузиться в дела и события минувших времен, и тем самым пропустить их сквозь сферу собственного „я“, насытить субъективными смыслами, оживив и сделав эмоционально и эстетически значимыми для современников»²¹. Сказано это преимущественно об исторических повестях, но на главное историческое сочинение, несомненно, тоже может быть распространено.

При этом обращает на себя внимание и тот факт, что структурно, композиционно начало труда в большей степени тяготеет к научному стилю:

¹⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского: В 6 кн. Кн. 1 (Т. I–II). М., 1993. С. 18.

¹⁹ Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М., 1983. С. 48.

²⁰ Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 49.

²¹ Алпатова Т. А. Проза Н. М. Карамзина: Поэтика повествования. М., 2012. С. 536.

подобно трудам Ломоносова и Щербатова, Карамзин начинает с повествования «о народах, издревле обитавших в России» и «о славянах вообще», структура книги предполагает в начале каждой главы краткий перечень основных тем, которые окажутся в ней предметом обсуждения. Но сам текст, идущий далее, представляется чрезвычайно показательным.

«Сия великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россиею, в умеренных ее климатах была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погруженными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками. Только в повествованиях Греков и Римлян сохранились известия о нашем древнем отечестве. Первые весьма рано открыли путь через Геллеспонт и Воспор Фракийский в Черное море, если верить славному путешествию Аргонавтов в Колхиду, воспетому будто бы самим Орфеем, участником оногo, веков за XII до Рождества Христова. В сем любопытном стихотворении, основанном, по крайней мере, на древнем предании, названы Кавказ (славный баснословными муками несчастного Прометея), река Фазис (ныне Рион), Миотисское или Азовское море, Воспор, народ Каспийский, Тавры и Киммериане, обитатели южной России»²².

Очевидно, что, начиная рассказ об истории, Карамзин во многом остается во власти литературы: приводит легенду о том, что плавание аргонавтов за золотым руном впервые было описано Орфеем, одним из участников этой экспедиции, а в дальнейшем упоминает Гомера – «певца Одиссеи»²³, басни о «мраках Киммерийских»²⁴, миф о Гипербореях²⁵ и др. Этот экскурс заканчивается знаменательной фразой: «Наконец сие приятное баснословие уступило место действительным историческим познаниям»²⁶.

Важно, однако, иметь в виду, что основной источник «действительных исторических познаний», на материале данных которого Карамзин выстраивает свой труд в основной его части, – древнерусские летописи – к собственно «баснословию», конечно, отнесены быть не могут, но в то же время формируются в рамках особой сверхзадачи, не свойственной историческому мышлению Нового времени. А. А. Пауткин определил свое время специфику особенностей летописного повествования, назвав

²² Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 31.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 32.

²⁶ Там же.

ее «поэтикой символического правдоподобия»²⁷. Летописям, представляющим собой воплощение христианской концепции истории под определенным идеолого-политическим углом, порождению того времени, когда наука еще не выделилась из литературы и, шире, словесности, отошедшим в прошлое к XVII – переходному – столетию и давшим жизнь историческому повествованию уже собственно в литературе, предстояло еще раз зазвучать с той особенной силой, казалось бы, уже невозможной в Новое время, только лишь потому, что заговорили они по воле Карамзина – писателя и историка, чье синтетическое мировоззрение в последний раз соединило литературную и научную ветви исторической словесности.

Список литературы:

Алпатова Т. А. Проза Н.М. Карамзина: Поэтика повествования. М., 2012. Библиотека литературы Древней Руси: В 20 т. Т. 12. СПб., 2003; Т. 1. СПб., 2004.

Карамзин Н. М. История государства Российского: В 6 кн. Кн. 1 (Т. I–II). М., 1993.

[*Ломоносов М. В.*] Древняя Российская история от начала Российского народа до кончины великаго князя Ярослава Перваго или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым, статским Советником, Профессором Химии и Членом Санктпетербургской Императорской и Королевской Шведской Академий наук. СПб., 1766.

[*Татищев В. И.*] История Российская с самых древнейших времен, несъпынными трудами через 30 лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. Кн. 1. Ч. 1. М., 1768.

[*Щербатов М. М.*] История Российская от древнейших времен. Сочинена Князь Михайлом Щербатовым. Т. 1. От начала до кончины великаго Князя Ярослава Владимировича. СПб., 1770.

Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М., 1983.

Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии. Л., 1986.

Сведения об авторе: Архангельская Анна Валерьевна, кандидат филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: arhanna@mail.ru

²⁷ *Пауткин А. А.* Беседы с летописцем: Поэтика раннего русского летописания. М., 2002. С. 241.

А.Г.Машкова

СЛОВО О ЛЮДОВИТЕ ШТУРЕ

(200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И 160 ЛЕТ С ДНЯ СМЕРТИ)

2015 год объявлен в Словакии Годом Людовита Штура.

Одновременно этот юбилей стал памятной датой культуры ЮНЕСКО – 2015.

В статье речь идет о жизни и деятельности выдающегося деятеля культуры Словакии XIX в., писателя, журналиста, кодификатора словацкого языка Людовита Штура, два юбилея которого отмечает в 2015 г. словацкая общественность. Особое внимание обращено на его трактат «Славянство и мир будущего», который в 1867 г. был опубликован в России (в переводе В. Ламанского) и только в 1993 г. в Словакии.

Ключевые слова: словацкий писатель, кодификатор языка, политик, трактат, словацко-русские литературные связи.

The article is concerned with the life and activity of an outstanding XIX century cultural luminary from Slovakia – a writer and journalist who codified the standard Slovak language – Ľudovít Štúr whose two jubilees are celebrated by the Slovak public. Special attention is paid to his treatise ‘Slavdom and the Future World’ which was published in Russia in V. Lamansky’s translation in 1867 and in Slovakia only in 1993.

Key words: Slovak writer, language codifier, politician, treatise, Slovak-Russian literary connections.

Как известно, у каждого народа есть свои герои, свои выдающиеся личности, которые оказали решающее воздействие на формирование культурного кода нации. Есть такие люди и у словацкого народа. Среди них Ян Коллар, Павол Йозеф Шафарик, Андрей Сладкович, Павол Орсаг Гведзослав и многие другие. Особое место в этом ряду занимает страстный патриот, кодификатор языка, философ, поэт, педагог, журналист, депутат Людовит Штур. Своим авторитетом, организационным талантом, харизматичностью он сумел объединить вокруг себя молодежь, целое поколение романтиков, которых стали называть штуровцами.

Как и все выдающиеся личности, Л. Штур прожил как бы две жизни: одну жизнь – реальную, земную, повседневную, другую – жизнь после смерти, жизнь тех достижений, которые он оставил после себя, жизнь, воплощенную и реализованную в других поколениях. При этом каждое поколение пытается по-своему оценить его творческое наследие, вклад в историю и национальную культуру. Таким образом, Штур не принад-

лежит ни истории, ни современности. Он живет вне времени и пространства.

Реальная, земная жизнь Штура такова: он родился 28 октября 1815 г. в местечке Угровец в семье учителя. Начальное образование получил под руководством отца, затем учился в гимназии в г. Дьёре, а в 1829 г. поступил в самое престижное учебное заведение тогдашней Словакии – Братиславский лицей. При лицее функционировало «Чешско-славянское общество». Штур стал членом этого общества, позже – его секретарем и заместителем председателя. Целью общества, по его выражению, было «блага и прославление народа своего», воспитание его национального самосознания. Члены общества разделяли идею единения славян. Одной из наиболее значительных акций, предпринятой ими, была знаменитая прогулка к развалинам старинной крепости Девин в апреле 1836 г., которая вошла в историю как «национальное крещение». Молодежь пела там патриотические песни, читала стихи, клялась, что будет жить и умрет за правду и за свой народ. Именно там члены общества, вслед за Штуром, который за два года до этого стал *Людовитом Велиславом Штуром*, к своим именами добавили имена славянские.

По воспоминаниям современников, преподаватели Братиславского лицея любили Штура за его одаренность, трудолюбие и добрый нрав. А один из его друзей вспоминал, что он был красивый, стройный, с горящими глазами, голос имел звонкий, мощный, способный и на пение, и на речи, и на угрозы, походку стремительную, а его облик был настолько гармоничен, привлекателен, что никого не оставлял равнодушным.

Завершив свое образование в Братиславском лицее, Штур в 1838 г. отправился на учебу в Германию, в университет города Галле, где он не только изучал языковедческие дисциплины, историю, философию, право, но и расширил свои познания о славянском мире. Он посетил места, которые прежде населял онемеченный народ серболужичан, познакомился с его представителями, помог им организовать свое общество и установить контакты с другими славянскими народами. Историческую судьбу лужицких сербов он воспринял сквозь призму судьбы собственного народа. Именно в Галле сформировались его взгляды, произошло окончательное становление личности.

После возвращения на родину Штур активно включается в общественную и культурную жизнь Братиславы, преподает в Братиславском лицее. У него были большие планы, связанные с работой в лицее, изданием газеты, участием в работе венгерского сейма. Однако на пути осуществ-

ления этих планов его ожидало немало трудностей, связанных с политической венгерских властей, которые стремились осуществить мадьяризацию словацкого населения. Действия Штура расценивались ими как панславистские, а сама кафедра – как рассадник панславизма. В итоге ему было запрещено преподавать. Студенты, относившиеся к своему учителю с глубоким уважением, любившие и почитавшие его, в знак протеста покинули стены лица, перейдя учиться в Левочу.

Одной из главных проблем, которые волновали Штура, была проблема национального языка. Именно язык Штур считал важнейшим атрибутом нации, решающим фактором для ее дальнейшего развития. До этого времени католическая интеллигенция, главным образом священнослужители, в качестве литературного языка использовала язык, который по имени ее создателя Антона Бернолака получил название бернолачина. В то же время евангелическая интеллигенция в качестве литературного языка пользовалась чешским языком, малопонятным для простого люда. Поэтому необходимо было создать язык, который бы объединил всех словаков, стал понятен и доступен всему населению. И Штур вместе со своими единомышленниками – Йозефом Милославом Гурбаном и Михалом Годжей – в 1843 г. осуществил эту реформу, взяв за основу кодификации диалекты центральной части Словакии и закрепив ее в соответствующих трудах. В основу новой реформы был положен принцип естественности: «как слышим, так и пишем». Отныне вся словацкая литература, все книги и периодические издания стали выходить на новом литературном языке. Однако дискуссии по вопросу новой реформы продолжались еще очень долго, в 1840-е, в 1850-е гг., а противниками Штура по этому вопросу были такие маститые писатели, как Ян Коллар и Йонаш Заборский. Тем не менее это была большая победа Штура и огромный успех национально ориентированной интеллигенции.

Вскоре Людовит Штур получил разрешение на издание своей газеты. Она стала выходить под названием «Словенске народне новинь» («Словацкая национальная газета»). У нее было литературное приложение – «Орол татранский» («Орел татранский»). Штуру удалось объединить вокруг газеты увлеченных, талантливых людей. Это было чрезвычайно прогрессивное по тем временам издание, которое имело большое значение для развития национальной и социальной жизни словаков. Это издание стало ценнейшим памятником в истории национальной журналистики. Поэтому по праву можно считать Штура основателем современной словацкой журналистики, которая создавалась уже на новом литературном языке.

Велика заслуга Штура и в деле обновления художественного творчества. Считая фольклор важнейшей частью национальной культуры, фундаментом, на котором должно возводиться здание словацкой литературы, он призывал взять за образец народное творчество, ратовал за создание искусства, которое было бы основано на словацких темах, на народной поэтической образности, на стихотворных размерах, характерных для строя народной песни. По сути, он сформулировал программу художественного творчества молодых писателей, стал создателем концепции романтизма на словацкой почве. Именно этим путем шел он в своих поэтических произведениях – поэмах, думах, в лирике, проложив пути от классицизма к романтизму. Объединенные программой Штура молодые писатели-романтики создали немало высоко художественных произведений, которые позволяют соотнести словацкую литературу тех лет с европейским романтизмом.

Заслуживает внимания и страница биографии Штура, связанная с его деятельностью как политика. Избранный депутатом в октябре 1847 г. в венгерский сейм от г. Зволена, он выполнял эти функции вплоть до начала революционных событий 1848 г. У Штура были все основания для получения депутатского мандата: он прекрасно ориентировался в политике и вопросах права, был блестящим оратором, умел смело и точно формулировать свои мысли. Как депутат Штур выступал в защиту прав словацкого народа, против его насильственной мадьяризации. В своих речах он говорит о свободе и образовании простого люда, обличает дворянство, ратует за развитие национальной промышленности, отстаивает право народа на свой язык. Выступая в Вене и на Славянском съезде в Праге (1848), он разоблачает политику венгерских властей, направленную на разъединение славянских народов, отстаивает мысль о славянской общности, о путях радикального изменения положения славян в австрийской империи.

После революционных событий в Пеште в марте 1848 г. Штур принимает самое активное участие в составлении и принятии документа под названием «Требования словацкого народа», который был адресован Императору и венгерскому правительству и в котором излагались основные социальные и национальные требования словацкого народа. Ответом на эти «Требования» стало решение венгерских властей об аресте Штура и его ближайших друзей.

После подавления революции всеми представителями штуровского поколения овладевает настроение разочарования и подавленности, ощу-

щение крушения всех надежд. Не избежал этих настроений и сам Штур. В своем письме к И. Д. Срезневскому от 23 января 1851 г. он писал: «Чем дальше, тем более тяжелые времена наступают для нас. До сих пор, хоть и под венгерским ярмом, у нас все-таки какая-никакая была жизнь и какие-никакие связи, а теперь... у нас нет ничего... Печально, но факт. Немцы после победы обещали нам национальное равноправие, венгры потерпели поражение, однако равноправие получилось курам на смех. Вместо господствующего ранее венгерского языка у нас теперь все языки равны, но только не словацкий, который остается достоянием лишь низших слоев общества...»¹

Однако надежды не покидают Штура. Он верит в наступление лучших времен. Верит в победу правды и справедливости. Именно эта вера побуждает его к созданию его последнего произведения – философского трактата «Славянство и мир будущего», который он пишет в середине 1850-х гг., буквально в последние дни своей жизни. Известный русский славист Ламанский назвал его «завещанием славянскому миру».

О чем идет речь в этом произведении? Штур выражает в нем мысли, которые и прежде он неоднократно высказывал и которые по сей день не утратили своей актуальности. Сетуя на разобщенность славянских народов, он призывает их заключить «взаимное соглашение». В этом видит он основную задачу своего труда. Он анализирует причины тогдашнего трагического положения славян, которые, по его выражению, «страдают от своих злосчастных разделений и раздоров», от отсутствия «объединяющих возвышенных идей». С болью пишет он о том, что славяне «забыли о своем общем происхождении и тем самым погрузили в глубокую тьму забвения все узы родства и братства»². Значительную часть трактата Штур посвятил России, восприятие которой не лишено романтизма. Показательно, что свою рукопись Штур передал русским друзьям, и именно в России произведение было впервые опубликовано сначала в 1867, а затем в 1909 г. В свое время трактат Штура пользовался в России большой популярностью. И только почти 150 лет спустя – в 1993 г. – он был издан в Словакии.

К моменту издания рукописи на русском языке имя его создателя было уже хорошо известно в России. Еще в 1861 г. журнал «Русская беседа» опубликовал подробную биографию Штура, поддерживавшим активные

¹ *Štrelinger P., Winkler T.* Kto proti osudu. Bratislava, 1976. S. 23.

² *Штур Л.* Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная. СПб., 1909. С. 3.

отношения с русскими славистами, с некоторыми из них он встречался, со многими переписывался, обменивался литературой. О нем писали известные ученые.

Из всего сказанного может создаться впечатление, что Штур был аскетом, человеком, лишенным простых и естественных человеческих чувств, что ему не свойственны были человеческие слабости. Его фигура окутана мифами, не имеющими под собой реальной почвы. В частности, самые распространенные мифы связаны с его личной жизнью. Известно, что он негативно относился к любовным романам своих друзей и единомышленников, полагая, что это отвлекает их от основной деятельности во имя блага народного. Однако все они были молоды, и вопреки его настоятельному требованию у многих были любовные истории, многие женились и писали о своей любви. Да и сам Штур не избежал увлечений и страданий на любовной почве. Впервые, как он писал в одном из своих писем, «он познал боль любви» летом 1840 г., когда по пути из Германии остановился в чешском городе Градец Кралове, где познакомился с Марией Поспишиловой. Он утверждал, что боялся полюбить, ибо любовь, с его точки зрения, могла помешать ему работать, отдавать все силы осуществлению единственной цели – делу народа. Но Мария, по его словам, нарушила покой его сердца. Он даже на некоторое время впал в депрессию, устранился от дел, и друзья объявили тревогу по поводу того, что он женится. Однако это была преждевременная тревога: долг победил.

Еще один миф связан с чувствами Штура к Аделке Остролицкой. Это была очень образованная девушка. Она оказывала Штуру знаки внимания, он этому не противился, все больше и больше попадая под ее чары. Однако Аделка умерла от тифа в возрасте 18 лет. Это событие потрясло Штура. Как он писал, она своим уходом ранила его и без того истерзанное сердце. Тяжелым ударом для Штура была кончина близких ему людей – отца, матери, брата, оставившего сиротами семерых детей. После смерти брата Людовит взял все заботы о детях на себя.

Немало домыслов было высказано по поводу последних дней жизни Штура и его ухода. Известно, что морозным утром 22 декабря 1855 г. Штур вместе со своими приятелями отправился на охоту. Сначала он охотился в виноградниках, потом направился в поле. Перепрыгивая через канаву, он поскользнулся, ружье уперлось в землю, и раздался выстрел. Раненый Штур пролежал больше трех недель. Понемногу рана заживала, он был уже почти здоров. Но, обнаружив, что одна его нога короче другой и что отныне он будет хромать, попросил доктора потя-

нуть ногу. Доктор сопротивлялся, а затем уступил настоятельным просьбам пациента. Из раны хлынула кровь, и Штура не стало.

Такова была реальная, земная жизнь Штура. Жизнь Штура после смерти – это, как уже отмечалось, жизнь того наследия, которое он оставил после себя. Еще в XIX в. началось обсуждение значимости его трудов и самой фигуры. Это обсуждение было продолжено в XX столетии, продолжается оно и по сей день. В разные периоды истории труды Штура оценивались по-разному. В частности, остро критиковался и даже искажался смысл его трактата «Славянство и мир будущего». Штура упрекали в языковом отлучении от чехов, в неоправданном национализме и т. п. Однако вся эта критика не может умалить значимость этой фигуры для национальной истории.

Видный словацкий общественный деятель, классик современной литературы Владимир Минач писал: «Штур для словацкого народа – это начало всех начал. Это начало не только в языковом, литературном, но и в социальном, экономическом, политическом смысле. Все, что происходило в нашей (т. е. словацкой. – *А. М.*) жизни после него, было реакцией на него, отрицанием его или ссылкой на него. Первая программа, первая концепция, первые возвышенные пробуждающие слова, первая напряженная деятельность, первая объединительная работа, боевое братство, дружба не на жизнь, а на смерть; и вместе с тем – первая ностальгия, первое бездействие, первое одиночество. Словно бы в фигуре Штура было зашифровано все наше (словацкое. – *А. М.*) будущее».¹

Лучше, чем Вл. Минач, не скажешь. Именно таково значение и роль Людовита Штура в истории и культуре Словакии.

Список литературы

- Штур Л.* Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная. СПб., 1909.
- Mináč Vl.* Dúchanie do pahieb. Bratislava. 1970 // www.litcentrum.sk/63603
- Štrelinger P., Winkler T.* Kto proti osudu. Bratislava. 1976. S. 23.

Сведения об авторе: Машкова Алла Германовна, доктор филол. наук, профессор, зав. секцией славянских литератур кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: allamashkova@yandex.ru

¹ *Mináč Vl.* Dúchanie do pahieb. Bratislava. 1970 // www.litcentrum.sk/63603

Е.М.Белавина

ВЕСЬ ЭТОТ ШУМ, ИЛИ НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОНОСТИЛИСТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ

«Поэту важен токмо звон».

В. К. Тредиakovский

Среди течений современной французской поэзии присутствует так называемая сонорная поэзия. Название это условно, под ним принято объединять авангардные направления, придающие большое значение звучанию, представители этих практик разных поколений стремятся отмежеваться друг от друга и найти новое, более точное название для своего поэтического метода. Философия поиска нового языка уходит корнями в русский авангард начала XX в. и в его осмысление русскими формалистами.

Ключевые слова: современная французская поэзия, сонорная поэзия, ритм, синтаксис, звуковой повтор, неологизмы, аудиальное изображение.

There is a style among others in contemporary French poetry which is called Sonorous Poetry. It is a provisional term, which usually includes different avant-garde authors paying special attention to phonation. Practitioners of the method belonging to different generations try to distance themselves from each other and to find a new, more precise term for their poetic method. The philosophy of searching for new language has its roots in the Russian Artistic Avant-garde of the beginning of the XX century and its conceptualization by Russian formalists.

Key words: contemporary French poetry, sound-poetry, rhythm, syntax, neologisms, audio-imagination.

Со времен «Броска костей» Стефана Малларме желание выплеснуть на страницу прерывистый ритм дыхания, сбой речи, молчание, создать живую словесную партитуру не покидает поэтический мир. На протяжении XX в. оно породило множество экспериментальных форм, которые условно можно свести к двум крупным направлениям, отдающим предпочтение визуальной или аудиальной модальности восприятия. Как в центрифуге, при проверке на прочность связей означаемого с означаемым двуединство знака как бы разлетается на поэзию сонорную (аудиальную) и поэзию конкретную (визуальную). Но двуединство знака нерасторжимо, и, воспринимая конкретную поэзию визуально, мы все равно

возвращаемся, читая, к безмолвно звучащему слову, голосу аудиального воображения.

Через множество вариантов самоназваний, практик и объединений (саунд-поэзия, сонорная поэзия, слэм, леттризм, каллиграммы и проч.) визуальная и аудиальная поэзия смыкаются. История преемственности, взаимодействия этих пограничных форм, полемики их представителей заслуживает отдельного исследования.

Интересно, как позиционируют себя современные сонорные поэты, как они соотносят свое творчество с традицией, которая, надо признать, столь многолика, что ее сложно назвать направлением, так как она не имеет единого вектора. Вообще, кто они, сонорные поэты сегодня? Любопытный факт: Венсан Толоме, Фред Грио и Себастьян Леспинас, выступавшие в России в рамках международного фестиваля Весна Поэтов (в 2014 г.), приглашенные именно как сонорные поэты, сами себя к сонорным поэтам не причисляют. Что лежит в основе этого отрицания? Какие техники работы со словом, с языком они применяют? Какая философия стоит за этими приемами? Попробуем вслушаться в конкретные примеры, проанализируем работу текста и производимый им эффект, но прежде следует сказать несколько слов о традиции, от которой наши герои пытаются отмежеваться.

Сонорная поэзия: вопрос о границах

*По его словам, Бризания была дрейфующим государством.
Ее непрерывно вытесняли и перемещали с места на место. <...>
Бризания, сохранив форму границ и общую площадь,
победно переместилась поближе к озеру Чад, а потом еще дальше.
Житинский. «Подданный Бризании»*

Сонорной поэзией пытаются называть ряд разноплановых и неоднородных техник поэтического творчества, придающих особое значение звучанию, человеческому голосу (часто в соединении с другими звуками). Однако в самой этой попытке названия таится подвох и повод к недоразумениям: а остальная поэзия, получается, не звучит?

Положение сонорной поэзии в литературном процессе XX в. двойственно. С одной стороны, ее существование очевидно: у нее есть своя история, авторы, произведения, даты. Все чаще сонорная поэзия становится предметом исследований (статьи, диссертации, эссе, даже конферен-

ции)¹. Сонорная поэзия принципиально космополитична, не привязана к какой-либо одной стране, существует на множестве языков, а в идеале должна восприниматься на любом, «поверх слов».

С другой стороны, сонорной поэзии как бы нет: статьи о ней отсутствуют в энциклопедиях, словарях и в учебниках литературы, в книгах об истории поэзии XX в. информации об этом направлении очень мало.

Сонорная поэзия постоянно ощущает себя как направление молодое: кокетство это или забывчивость, но она никак не определится ни со своим возрастом, ни со своими границами.

Одни праздновали столетие сонорной поэзии в 2008 г. [Bobillot, 2009: 6], связывая ее появление с апрельским выступлением Жюль Ромена в 1908 г., когда была предпринята попытка чтения стихотворения «l'Eglise» («Церковь») на несколько голосов. Сонорная поэзия – явление общеевропейское. В то же самое время в России будущий будетлянин Велимир Хлебников работает над «заумью», фонетико-неологическими стихотворениями, в частности пишет «Заклинание смехом» (опубл. в 1909). В 1909 г. газеты в Париже и в Болонье публикуют «Манифест футуризма» Мариетти (Gazetta dell'Emilia. 05.02.1909; le Figaro. 20.02.1909; цит. по [Gleize, 1995: 445]).

Другие исследователи склонны согласиться с Робером Сабатье, который пишет в многотомной «Истории французской поэзии»: «Свидетельство о рождении сонорной поэзии относится к началу 50-х годов» [Sabatier, 1982: 591]. Ее создателем автор считает Анри Шопена (р. 1922), связавшего поэзию и новые технологии. Анри Шопен вел свою поэтическую работу в студии звукозаписи, использовал магнитофон, электромзыкальные инструменты и различные устройства обработки звука. В 1979 г. он опубликовал книгу «Poésie sonore internationale» [Chopin, 1979], стараясь дать осмысление всех усилий, сделанных в направлении слияния музыкальности и поэтического слова.

Во Франции идея синтеза искусств живет в литературе еще со времен «Соответствий» Бодлера. Поиск музыки слова через поэтическую прозу Рембо и расшатывание силлабической версификации Верлена идет к словесной инструментовке Рене Гиля, к верлибру, который будет основной формой французской поэзии XX в., и далее – к практикам авангардного искусства, в частности к сонорной поэзии.

¹ Пример программы конференции «Сонорная поэзия»: <http://www.ccic-cerisy.asso.fr/poesie99.html>.

В России тоже нет единого мнения в определении сонорной поэзии, и, соответственно, есть разногласия по ключевым датам. Интерес к аудиальным экспериментам в нашей стране не удивителен, удивительно читать пассажи авторов, не видящих генетической связи между футуризмом и сонорной поэзией: «Россия в этом отношении подзадержалась, и какое-то более или менее внятное представление о звучарной поэзии (термин Сергея Бирюкова) как об автономном художественном явлении у нас возникло лишь в последние 20 лет. Причем до сих пор неясно, – процитируем С. Бирюкова, – „что считать звучарной поэзией? Просто виртуозное, детально разработанное чтение, звуковые композиции с использованием только речевого аппарата, композиции с включением музыкальных инструментов, современной техники? На этот счет нет единого мнения“»².

С утверждением о «задержке» российского литературного процесса сложно согласиться, поскольку если термин «сонорная поэзия» и не родился в нашей стране, то корни мирового авангарда мы зачастую находим в русской культурной среде начала XX в.³

Рассмотрим на конкретных примерах функционирование текста у Фреда Грио, Венсана Толоме и Себастьяна Леспинаса.

Искатели нового языка: Фред Грио, Винсент Толоме, Себастьян Леспинас

«Поэтому я называю лилию еуы».

А. Крученых

Себастьян Леспинас

Себастьян Леспинас считает, что сонорный поэт – это *argioni* маргинал, а сам себя считает неким «хулиганом литературного пространства». Свои произведения он называет *pneumas-poèmes* (пневма-поэмы), подчеркивая этим важность голоса, дыхания, устного исполнения. Себастьян Леспинас обожает провокации, чтение стихов для него – это в первую очередь звуковая волна эмоции. Автор исследует возможности передачи «вибрации на письме как проекции дыхания». Леспинас любит читать стихи в неожиданных и малоподходящих для этого местах: на вокзале

² Чупринин С. Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям. 2007. <http://litrus.net/book/read/111291?p=120>

³ Бирюков С. <http://www.arion.ru/mcontent.php?id=163&number=18&year=2000>

или в прачечной. Истоки сонорной поэзии он ищет в культуре начала XXв., в дадаизме и сюрреализме. Вот почему зачинателем сонорной поэзии Леспинас считает Тристана Тцара, автора манифестов дадаизма и сюрреализма, наравне с немецким художником и автором первых сонорных стихов на немецком Куртом Швиттерсом, а также с основателем летризма Изидора Изу. Себастьян Леспинас называет свои стихотворения стихами-партитурами с непредсказуемым исполнением. Он относится не без юмора к собственным экспериментам, согласен, чтобы реакцией публики был смех. Главное, в чем он уверен, – это то, что он «заставляет язык работать на пределе возможности означать».

Называя свое стихотворение несуществующим инфинитивом («S'infinitif»), Леспинас, кажется, дословно следует манифесту Маринетти: «Il est certain que dans un lyrisme très dynamique et très violet, le verbe à l'infinif sera indispensable, parce qu'ayant la forme d'une roue, adaptable comme une roue à tous les wagons du train des analogies, il constitue la vitesse même du style»⁴.

Далее, Леспинас идет по стопам Рембо, заявившего «Je est un Autre» («Я – это Другой»). Рембо, не пожелав привести в соответствие глагол с местоимением, показал чуждость «Я» собственному бытию, неуправляемость, отсутствие согласованности между субъектом и его жизнью. Леспинас разрывает связь между местоимением «je» и возвратным глаголом – «Je s'écrite» («я пишется»), выделяя таким образом особую манеру письма, которая состоит в том, чтобы отрешиться от самого себя, остаться в инфинитиве (в неопределенной форме): «Je s'écrite une manière de se détacher de soi propre, rester infinitif»⁵.

После «Кризиса стиха», описанного Малларме [Верлен, Рембо, Малларме, 1998: 579–589], и кризиса синтаксиса, проанализированного Р. Бартом в статье «Нулевая степень письма» [Барт, 2000: 50–96], через стремление «выбить слово из синтаксических гнезд, представить его в словарном варианте» [Белавина, 2009: 105–111], дать словам неутилитарность, вернуть его незапятнанность современная французская поэзия

⁴ «Ясно, что в очень динамичном и очень страстном лиризме, глагол в инфинитиве будет необходим, ведь у него форма колеса, он, как железнодорожное колесо, подходит ко всем вагонам поезда аналогий, он и есть сама скорость стиля» (цит. по [Gleize, 1995: 447]).

⁵ «(Себя инфинитив) Я писать себя способ отделиться от я сам, остаться в безличной форме, в инфинитиве» (Подборка текстов для турне сонорных поэтов по России в рамках «Printemps des poètes 2014», [Chastanet M., Lespinasse S. & P., 2013]).

обратилась в непрестанно работающую лабораторию языка, готовую дать отпор глобализации, ведущую поиск новых способов означать (*modes signifiants*), короткого замыкания смыслов: «Pour ne pas que paysage se refermer à mesure de s'écrire le texte, nous se prendre dedans. Le paysage être notre addition de pas. C'être comme ça qu'on se fabriquer un bout de monde où vivre, à force de pas vouloir, pas pouvoir supporter les choses s'être comme figés dans un moule»⁶.

Резкое желание новизны, невозможность принять вещи застывшими возвращает на век назад, к футуризму, к «Декларации слова как такого» А. Крученых, к русскому формализму, к философии словесного искусства, каким оно виделось В. Шкловскому: «Ощущая ритм и звучность строки, не надо забывать, что она (поэзия. – Е. Б.) своей новизной обновляет бесконечно старые дороги»⁷.

Знакомы ли эти тексты Леспинасу? Он признается, что не изучал подробно русский футуризм, но безумное желание Хлебникова создать заумь, язык, на котором можно говорить поверх всех лингвистических различий, язык, который затрагивает все животное, которым является человек, глубоко взволновало его и оказало на него влияние: «Язык физически сильный, язык невообразимого присутствия. Язык на грани крика и дыхания»⁸.

Тематика стихотворения Леспинаса намеренно взята из повседневности, из ничего, из пыли – «de la poussière»: «S'imaginer le monde infinitif une grande marche de tous ceux qui s'écrire une manière de s'être là ensemble. Mot après mot, tu se sculpter dedans ce qu'il être possible dire une phrase qui se traverser de toutes parts. Comme s'être résolu à passer infinitif à travers tous particulièrement. Quand tu savoir danser les phrases qu'ensemble s'être en marche, alors le paysage c'être toi avec tout le monde dedans se déplacer

⁶ «Так чтоб пейзаж не закрываться по мере того как писаться текст, мы попадаться туда. Пейзаж быть наше сложение шагов. Тем что быть так мы делать себе кусочек мира где жить, своим усилием не хотеть, не мочь выносить, что вещи будто застыть в литейной форме».

⁷ Шкловский В. Б. О теории прозы. М., 1925. С. 7–20. Цит. по: <http://philologos.narod.ru/shklovsky/prose1983.htm>

⁸ «Je ne connais pas profondément le futurisme russe mais j'ai été très troublé et influencé par ce désir fou de Khlebnikov d'inventer une langue transmentale, le ZAOUM. L'idée est de façonner une langue qui puisse parler au-delà des différences linguistiques, une langue qui touche à l'animal que nous sommes. Une langue d'intensité physique, de présence inqualifiable. Une langue à la limite du cri ou du souffle» (Письмо к автору статьи от 13.02.2014).

c'être nous, et les choses se faire aussitôt de partout» [Chastanet, Lespinasse, 2013].

Поэтичность возникает из «пыли», обновленной ритмом осознанного момента бытия, в противоположность глухой амнезии автоматических действий, описанной Л. Толстым и привлекшей внимание В. Шкловского: «„Я обтирал пыль в комнате, и, обойдя кругом, подошел к дивану и не мог вспомнить, обтирал ли я его или нет. Так как движения эти привычны и бессознательны, я не мог и чувствовал, что это уже невозможно вспомнить. Так что, если я обтирал и забыл это, т.е. действовал бессознательно, то это все равно, как не было. Если бы кто сознательный видел, то можно бы восстановить. Если же никто не видал или видел, но бессознательно; если целая жизнь многих пройдет бессознательно, то эта жизнь как бы не была» (запись из дневника Льва Толстого 1 марта 1897 года. Никольское). Так пропадает, в ничто вмениясь, жизнь. Автоматизация съедает вещи, платье, мебель, жену и страх войны»⁹.

Удивления от вещи, действия, переживания, незамутненности первого восприятия, остранения сонорные поэты ищут путем звука.

Леспинас играет на валентностях глаголов и, что для обычного пользователя языка было бы ошибкой, лексическим смешением **dire** (или **prononcer**) / **parler** (сказать / говорить что-то, говорить с кем-то) позволяет выбить слово из привычных синтаксических гнезд, лишить банальности употребления:

Les mots nous parlent)';-(¹ tout autant que nous les parlons,
 La poésie est bruit, fureur et parole traduits du silence,
 La langue que je voudrais parler [mmm^{o,a}]¹ est sans patrie,
 Mais pas sans Histoire,
 Elle se dit par le souffle,
 Le corps,
 Notre présence commune.

В стихотворении «Мысли» Леспинас прибегает к приему имитации подыскивания точного слова: ритмические группы удлиняются, обрастают второстепенными членами, дыхание набирает силу, как набирающий обороты маховик, так что в конце концов мы приходим к фразе почти прустовской длины: «Ils courent et ne savent plus où aller, ils font du surplace dans les rues, dans les bistrotts, dans les métros, les salles de réunion, les

⁹ Шкловский В. Б. О теории прозы. М., 1925. С. 7–20. Цит. по: <http://philologos.narod.ru/shklovsky/prose1983.htm>.

supermarchés, ils s'essoufflent et ça pense encore, ça pense à travers eux, dans toutes les flaques qu'ils laissent sur le bitume, ils pissent de la pensée, ils ne peuvent pas faire autrement et parler, continuer de parler, c'est la seule chose à faire, inlassablement, épuiser toute pensée de leurs corps mais ce sont leurs corps qui s'épuisent, mais ce sont leurs mains, leurs bras, leurs pieds qui continuent la pensée»¹⁰.

Мысль показана поэтом как аудиальный образ, голос аудиального воображения представлен как шум: «Ils ont envie de crier, de hurler, d'expulser tout leur être de parole pensante, ils espèrent qu'à force de courir, ils prendront un peu d'avance, qu'ils pourront se libérer de tout **ce bruit** dans leurs têtes»¹¹.

Себастьян Леспинас – страшный сон пуриста – чувствует себя полноправным хозяином языка, демиургом, самодержавным словотворцем. С одной стороны, Леспинас отказывается спрягать глаголы, с другой стороны, отчаянно спрягает существительные.

Серьезную проблему для перевода представляет стихотворение «Сохрания пропорции» («Toutes proportions gardées»), в котором «всё глагол»:

je t'univers, tu me monde
ils se continent
elle m'afrique oui
elle m'asie longuement
je l'europe comme je peux
comme je l'espagne parfois

Автор хотел бы, чтобы в переводе появились глагольные формы, но без морфологических изменений (ни приставок, ни суффиксов, не меняя флексий) (ср. рус. псевдо-глагол «кровать», или «я иду по ковру» / «пока вру»). Это самое известное стихотворение Леспинаса, включающее в себя разнообразную географическую лексику, еще ожидает своего перевода на русский язык.

¹⁰ «Они бегут и не знают, куда им идти, они топчутся на месте, на улицах, в кафе, в метро, в залах заседаний, в супермаркетах, они задыхаются, а оно думает еще, оно думает сквозь них, во всех лужах, которые они оставляют на асфальте, они выпускают мысли, не могут по-другому делать и говорить, продолжать говорить, единственное, что они делают неустанно, – исчерпывают мысль своих тел, но исчерпываются их тела, их руки, их ладони, их ноги становятся продолжением их мысли».

¹¹ «Им хочется кричать, выть, вытолкнуть свое существо из думающего слова. Они надеются, что если бежать, они хоть чуть-чуть вырвутся вперед, они смогут высвободиться от этого шума в голове».

c'est de la matière commune

c'est écrit avec ça c'est écrit avec elle c'est la vie banale complètement c'est pas fait avec autre chose <...> je n'accepte de porter que mon travail d'une matière de lang. ce travail d'une terre, organique, basale, rustre, racine.

je ne veux bien porter charge que pour ce brut là de lang creuse. de ce creuse de lang dans le creuse du corps¹⁴.

Словоформу «lang» [lang], образованную усечением непроизносимых гласных и денализацией, Грио комментирует так: «lang: это стало как бы моим личным знаком марки: lang значит МОЙ язык, тот, который я ищу, мой говор, личный диалект»¹⁵.

Этот поиск, это отношение к языку невольно заставляет вспомнить о «Декларации слова как такового» А. Крученых: «Художник увидел мир по-новому и, как Адам, дает всему свои имена. Лилия прекрасна, но безобразно слово лилия захватанное и „изнасилованное“. Поэтому я называю лилию еуы — первоначальная чистота восстановлена. мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного, поэтому художник волен выражаться не только общим языком (понятия), но и личным (творец индивидуален), и языком, не имеющим определенного значения, (не ставшим), заумным»¹⁶.

Знаком ли автор с этой статьей? Сначала он отвечает, что нет, он не читал Крученых, но читал Хлебникова, и по мере разговора выясняется, что осмысление русского футуризма через труды формалистов присутствует где-то в глубинах памяти: «Да, остранение, я видел это когда-то давно».

Фреда Грио интересуется звучание и усечение слова: до какой степени слово можно сократить, чтобы оно оставалось узнаваемым, обретая при этом некий новый смысл. Апокопой автор выделяет слово, которое хочет сделать своим, выделить из всеобщего употребления и вписать в свой собственный «говор».

Новый смысл требует новизны выражения, новое выражение дает новый смысл.

¹⁴ «это общая материя пишется этим пишется ей это совершенно банальная жизнь <...> я согласен нести только свой труд по материи язы. этот труд из земли ограниченной, базальной, грубой, там корни я берусь нести бремя только ради вот этого сырья полого язы. из этого полого язы в полом теле» (Ce brut-là. Вот этот шум).

¹⁵ Письмо к автору статьи от 15.03.2014.

¹⁶ Крученых А., Хлебников В. Декларация слова как такового. <http://www.futurism.ru/a-z/manifest/slovo.htm>

Автор комментирует следующим образом выражение «creuse du corps»:

«Неологизм. Да. Я взял глагол creuser (рыть вглубь), проспрягал и субстантивировал. Но это не просто „пустота“, ведь creuser – значит еще „искать“ (можно „докапываться до сути вопроса, идеи“) и пустота, конечно (когда «сосет под ложечкой», когда есть хочется)».

Автор не только спорит со словарем, меняя род уже известного существительного «la creuse» (раковина устрицы), но полностью меняет его семантику.

В другом тексте – «corhs parl» – апокопа распространяется на несколько слов:

juste écouter outé just voir

juste écouter just voir

l'homme sans peu de parol sans trop de parol sans plus de parol

<...>

corhs parl alor corhs parl¹⁷

Just – приобретает английскую графику, **parol**, имеющее отношение к семантическому полю «язык», также усечено. Возникает вынесенное в заглавие **corhs parl**.

Автор сопровождает текст примечанием: «corhs»: *jeu de mots entre «corps» et «hors»*. Автор называет языковой игрой изменение написания лексемы «corps» за счет замены одной непронизносимой согласной на другую, при этом для него важно совмещение смыслов существительного «тело», подразумевающего нахождение в нем при жизни, и предлога «вне», ему противоречащего. Особенно интересно, что на слух догадаться об этой игре слов абсолютно невозможно, необходима визуальная опора на текст.

Все усеченные лексемы встречаются в подборке и в традиционном словарном написании. Но для чего автору нужно трансформировать графически слова, в произношении которых при этом ничего не меняется? Дело не только в том, что взгляд читателя «споткнется» о них, задержится на них чуть дольше, и этих секунд достаточно для перемещения впечатления в долгосрочную память. Трансформации написания отражают также восприятие их автором, автор прибегает к «остранению».

¹⁷ «просто слушать ушать прост видеть // просто слушать прост видеть <...> человек без малости слов без лишности слов больше без слов те лого ворит тог дате логово рит тело говорит тогда тело говорит».

Если мы обратимся к статье Шкловского «Искусство как прием», то увидим, что идеи великого русского формалиста неожиданным образом подходят для описания поэтического метода Ф.Грио: «Вещь проходит мимо нас как бы запакованной, мы знаем, что она есть, по месту, которое она занимает, но видим только ее поверхность. Под влиянием такого восприятия вещь сохнет, сперва как восприятие, а потом это сказывается и на ее делании...» И далее: «Целью искусства является дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием „остранения“ вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как восприимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен; искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве не важно...»¹⁸

Таким образом, не выдвигая никаких теорий о работе с формой, Ф.Грио на практике развивает идеи формализма.

В первых строках «*juste écouter outé just voir*», вынесенных графически над всем остальным текстом, задаются две важнейших семантических доминанты поэтического дискурса Грио: две модальности восприятия – слух и зрение, причем слух на первом месте, а зрение на втором. **Outé** – не неологизм, не самостоятельное слово, а фонетический отголосок, эхо глагола «*écouter*».

<...> l'homme dépecé de sa parol enroulé de sa parol – l'homme barbouillé sa **lang** barbouillée bouillée bouillu bouilli barbouillassé bouillabaissé barbouillabaissé baisé baisé – l'homme baisé l'homme perdu perdu dans sa parol **l'homme sans ka sans qualité sans ko sans corps** sans espèce – l'homme sans plus sans plus de l'homme sans plus de parol sans plus de trop parol sans plus de – trop plein barbouillé et tout nu sans plus de mot tout nu sans plus¹⁹

Далее на звуковом уровне происходит интересное явление, связанное с сегментацией: **l'homme sans ka sans qualité sans ko sans corps**.

¹⁸ Шкловский В. Б. О теории прозы. М., 1925. С. 7–20. <http://philologos.narod.ru/shklovsky/prose1983.htm>.

¹⁹ человек расчлененный своим словом обмотанный своим словом – человек испачканный по уши невнятицей его невнятный язы куст пенный кипенный вскипевший кипяченый размалеванный буйабес зацелованный зацелованный – человек целованный человек пропащий погибший в своем слове человек без ка без качества человек без ко без корпуса без рода - человек ни больше ни меньше человек уже без слов теперь уже без лишних слов больше без – слишком испачканный и слишком голый без больше слов совершенно голый и всё

Поэт выносит первый слог слова вперед, прерывает себя и как бы начинает речь заново: в муках заикания слово как бы «рождается» у нас на глазах.

Имитация подыскивания точного слова все время модифицирует механизмы:

l'homme sans peu de parol sans trop de parol sans plus de parol – l'homme dépecé de sa parol enroulé de sa parol

В окружении повторяющихся элементов синтагмы наречие оказывается в выделенной позиции, причем появляется одно из ключевых для Фреда Грио понятий **parol** в характерной усеченной форме, далее прием повторяется, замена одного элемента синтагмы в окружении повторов ведет к акцентированию варьируемого элемента.

Повтор – любимый прием Фреда Грио, структурирующий, организующий элемент его поэтического дискурса, как можно видеть на примере текста «On trace»:

on est là. à tracer la ligne. à tracer comme des fous sur la ligne de trace. à avancer là sur la ligne de trace. on ne suit pas. on trace. on avance comme des fous selon une ligne qui se trace. inusable. indéviable. sans pensée. on ne suit pas. on avance. on fait la trace. on avance sous les nuages. on fait la trace sous le ciel et les nuages. on trace à pied la ligne inusable sur le sol. sur le sol sur la terre sous le ciel les nuages. on trace. on est là à tracer. à faire ce que l'on a à faire sans s'encombrer. <...>²⁰

Глагол «tracer» взят в значении «оставлять след», но нужно удерживать в поле зрения его полисемию: визуальное значение «чертить» и «бежать, мчаться» (прост.).

Метафора поступательного движения подкрепляется синтаксическими конструкциями:

on est là. (3 слога) à tracer la ligne (5 слогов). à tracer comme des fous sur la ligne de trace (11 слогов).

on avance. on fait la trace. on avance sous les nuages. on fait la trace sous le ciel et les nuages.

²⁰ мы здесь. чтоб провести черту. чтоб чертить исступленно на линии следа. идти вперед по линии следа. мы не следуем за. мы пролагаем. мы продвигаемся вперед. исступленно по линии, которая чертится. износостойкая. неотклонимая. без замысла. мы не следуем за. мы движемся вперед. мы оставляем след. мы продвигаемся вперед под облаками. мы оставляем след под небом и облаками. мы пешие оставляем на земле невытравимый след. на полу на земле под небом под облаками. мы оставляем след. мы здесь чтобы оставить след. сделать то что должны сделать не загромождая себя.

С каждой следующей попыткой высказывания предложение становится более распространенным, каркас «обрастает» второстепенными членами.

Повтор способствует остранению слова. Многократно повторенное, оно, казалось бы, теряет коммуникативную ценность, но происходит де-автоматизация восприятия. Мы К остранению ведут и графические неологизмы (например, Corhs parl), и повторы (J'ai vu j'ai vu j'ai vu), и «поступательное» членение слова (l'homme sans ko l'homme sans corps).

Венсан Толоме

Франко-бельгийский поэт и эссеист Венсан Толоме²¹ тоже не хочет быть причисленным к сонорным поэтам; он говорит, что его произведения невозможно классифицировать. Венсан Толоме сам читает свои произведения вслух, и это принципиально. Его произведения посвящены бытовой обыденной жизни, из нее посредством звука ему удается создать бурю эмоций, которую обычно каждый подавляет в себе.

Неология Венсана Толоме выходит за пределы французского языка. Автор поясняет название одного цикла «Каапшлжмурлис» [Tholomé, 2009]: «По-фински (или по-литовски, не помню) каапшлжмурлис значит „ощущение быть сдавленным в общественном транспорте“. Во французском языке нет слова для обозначения этого ощущения. Каапшлжмурлис ничего не значит. Это слово без смысла или с неизвестным смыслом». Толоме рассказывает об истории создания сборника: «Я принимал участие в организации выставки, проходившей в заброшенном крыле психиатрической больницы Бо Валлон в Намюре. Здание подлежало сносу. Тексты этой книги родились из надписей, оставленных на стенах пациентами или медперсоналом. Стихотворение „Маленькая внутренняя красота“ возникло так. На дверце шкафчика медсестры кто-то из пациентов написал „Уродина“, а она написала в ответ: „У меня есть внутренняя красота“. Эти тексты дань уважения тем, кто постоянно работает с душевной болью, умеет успокаивать и высветлять».

²¹ Р. 1965, Намюр, Бельгия. Регулярно печатается в литературных журналах, последние десять лет его произведения активно публикуют многие издательства (Carte Blanche, Les Carnets du Dessert de Lune, Rodrigol, Maelström и др.). Выступает с публичными чтениями соло, а также с другими авторами, певцами, музыкантами, художниками или кинорежиссерами. Эти выступления иногда сопровождаются видеорядом. Венсан Толоме выступал с чтениями в Бельгии, Франции, США, Швейцарии, Венгрии.

Знаком +++ поэт показывает хезитации, паузу, необходимую, чтобы перевести дух перед актом говорения, который дается не так-то легко. Мы видим многочисленные лексические повторы, лексема «intérieur» («внутренний») варьируется, появляется в формах женского и мужского рода, выступает в роли разных членов предложения. Лексема встраивается во все возможные синтаксические гнезда, чтобы прозвучать в разных позициях ритмических групп.

+++ car +++ oui +++ oui +++ j'ai de la beauté moi mais toute à l'intérieur j'ai tout à l'intérieur ma petite beauté intérieure mon petit coeur intérieur très beau et lumineux est mon petit coeur intérieur et très beau et mon petit coeur ne se voit pas ne transpire pas à l'extérieur mon petit coeur et ma petite beauté intérieure illumine tout l'intérieur mais ne se laisse pas voir ou deviner à l'extérieur +++ il faut faire l'effort +++ il faut s'efforcer de voir ma petite beauté intérieure illuminant l'intérieur depuis l'intérieur de sorte que il n'y a pas quelque chose de laid à l'intérieur mais quelque chose de beau et de lumineux comme un petit coeur chaud et rassurant +++²²

Весь текст построен на антитезах. Противопоставление внутреннего (56 раз) и внешнего (17 раз), прекрасного (30 раз) и безобразного (10 раз) завершается победой внутренней красоты над внешним уродством. Лексемы, относящиеся к семантическому полюю света, разнообразны (rayonner, briller, illumine), безобразное скудно и скучно.

Тексты Венсана Толеме берут исток в повседневности, они крайне просты для восприятия на слух, в них почти нет лингвистических кульбитов. Его приемы остранения тоже связаны с повторами, что мы видели у Фреда Грио. Но речь идет об имитации повседневной речи, о практическом синтаксисе, списанном с природы. Так, например, поэт берет простое действие (почистить зубы) и показывает на 6 страницах тот долгий словесный путь, который необходим работнику психиатрической больницы, чтобы добиться выполнения пациентами элементарных правил гигиены:

²² +++ потому что +++ да +++ да +++ у меня-то есть красота но вся внутри у меня совсем внутри моя маленькая внутренняя красота мое внутреннее сердце маленькое очень красивое и светящееся – мое маленькое сердце мое маленькое сердце не видит себя не просачивается наружу мое маленькое сердце моя маленькая внутренняя красота освещают все внутри но не дают себя увидеть или угадать снаружи +++ нужно сделать усилие +++ нужно сделать усилие чтобы увидеть мою маленькую внутреннюю красоту освещающую изнутри так что нет ничего гадкого внутри но что-то прекрасное и светлое как маленькое сердце горячее и внушающее доверие +++

+++ mais brossez-vous les dents +++ brossez-vous les dents +++ ce n'est pas difficile tout de même +++ l'hygiène est la base +++ sans l'hygiène ah ça sans l'hygiène vous resterez retranchés infiniment retranchés camarades patients impatientes +++ on mesurera par l'hygiène si vous devez ou pas rester encore retranchés si vous pouvez ou pas déjà +++ parcimonieusement déjà sortir +++ prendre l'air +++ un prudent petit café en ville +++ il suffit de prendre sa petite brosse +++ et sa petite menotte +++ on met sa petite brosse dans sa petite menotte +++ non non on le débouche d'abord +++ non on rec +++ oui on recommence c'est ça exactement ça +++ on dépose tout oui +++ et on reprend à zéro +++ on reprend l'hygiène à zéro +++ vous écoutez chers retranchés +++ vous regardez mes mains mes petites menottes +++ elles montrent l'hygiène +++ la bonne hygiène +++ et bon alors elle commence ainsi la bonne hygiène +++ on prend d'abord son petit tube de dentifrice dans une de ses petites menottes +++ la gauche ou la droite +++ ça n'a pas d'importance +++ pourvu que le tube tienne bien dans la main +++ pourvu que la menotte ne lâche pas le tube durant l'opération +++ voilà +++ et de l'autre menotte on débouche le tube +++ on le débouche j'ai dit +++ on le débouche +++ non non on ne met ni le bouchon ni le tube dans la bouche +++ non on prend juste son autre main +++ son autre main +++ voilà +++ et on serre le bouchon entre son pouce et son index et +++ on tourne +++ voilà +++ ça y est c'est débouché +++ non ça y est là c'est débouché ce n'est pas la peine pas la peine de tourner plus encore une fois débouché c'est débouché +++ et maintenant on pose le bouchon quelque part +++ non on ne le jette pas à terre +++ pas à terre j'ai dit +++ on le dépose +++ on le dépose sur le bord propre tout net du lavabo +++ voilà +++ parfait +++ et on ne lâche surtout pas +++ on ne lâche pas le tube de dentifrice +++ non²³

²³ +++ но почистите зубы +++ почистите зубы +++ это же не трудно +++ гигиена – это основа +++ без гигиены слышите без гигиены вы будете отвержены бесконечно отвержены товарищи нетерпеливые пациенты +++ по гигиене будут определять должны ли вы оставаться отверженными или можете уже или нет +++ понемножку уже выходить +++ дышать свежим воздухом +++ острожно пить утренний кофе в городе +++ достаточно просто взять щеточку +++ и свою ручку +++ берем щеточку в ручку +++ нет-нет, сначала открываем +++ нет, мы нач +++ да мы начинаем заново вот, вот так вот +++ все кладем, да +++ и начинаем сначала +++ начинаем гигиену с самого начала +++ вы слушаете дорогие отверженные +++ вы смотрите на мои руки, мои маленькие ручки +++ они показывают гигиену +++ правильную гигиену +++ и вот она начинается так, правильная гигиена +++ берем тюбик зубной пасточки в одну из своих ручек +++ в левую или правую +++ это неважно +++ главное, чтобы тюбик +

Эта речь, обращенная к больному, переходит в исповедальный монолог, эмоция прорывается наружу:

++ + vous pensez peut-être que je ne pars pas des fois que je n'ai pas parfois l'envie +++ la toute grosse envie +++ de me laisser aller +++ et de partir en zig-zag et en vrille dans le charivari et le tohu-bohu +++ ah ça oui on peut avoir +++ pourrait avoir +++ facilement avoir nous autres +++ la toute grosse envie de partir en zig-zag et en vrille et de balancer à vos têtes d'asperges les pots de confiture le dentifrice et les cuillers à thé +++ ah ça oui ça +++ et il y aurait de quoi non +++ à force de répéter à tire-larigot tous les matins toutes ces choses +++ élémentaires +++ ces règles d'hygiène +++ de base +++ ah oui ça +++ mais non mais non +++ je me tiens +++ je me tiens +++ et je me dis dans mon for intérieur que non partir en zig-zag dans le charivari et le tohu-bohu ne fait pas forcément de vous des hurluberlus ou une bande de singes hurleurs zigzagant dans les arbres et partant en vrille dans la jungle +++ non +++ et je me dis dans mon for intérieur que non partir moi-même en vrille et en zig-zag dans la forêt de mon for intérieur et vous balancer à la tête d'asperges des pots de confiture des tubes de dentifrice ou des cuillers à thé ça n'apportera rien à personne non +++ ah ça +++ ça crée de l'ambiance ça oui +++ mais je reprends calmement les choses +++ l'hygiène du matin +++ voilà +++ +²⁴

++ + крепко держался в руке +++ главное, чтобы ручка не выронила тюбик во время процедуры +++ вот +++ и другой ручкой откручиваем колпачок +++ открываем колпачок, говорю +++ открываем +++ нет, нет, мы не сьем ни тюбик ни колпачок в рот +++ нет просто берем в другую руку +++ другую руку +++ вот +++ и зажимаем его между большим и указательным пальцами и +++ поворачиваем +++ вот +++ вот открылось +++ нет, все открылось не надо не надо больше крутить уже открылось +++ и теперь кладем куда-нибудь крышку +++ нет мы не бросаем на пол +++ не на пол, я сказал : +++ мы кладем +++ мы кладем ее прямо на чистый бортик умывальника +++ вот +++ прекрасно +++ нет, вот это не надо мы не кладем +++ не кладем тюбик зубной пасты +++ нет, мы крышку кладем на бортик умывальника +++ не тюбик зубной пасты +++

²⁴ +++ может, вы думаете, что я не срываюсь, временами что у меня иногда не бывает желания +++ огромное желание +++ позволить себе нестись +++ и петляя и напролом в гвалте и сумятице +++ вполне может быть +++ вполне могло бы быть такое +++ и у нас легко такое может быть +++ огромное желание пуститься петляя и напролом и запустить вам в головы спаржей, банками варенья зубной пастой и чайными ложками +++ ах, да, это да +++ и было бы из-за чего не так ли +++ от того что твердишь без конца все эти вещи каждое утро +++ элементарные +++ эти правила гигиены +++ ах да, это да +++ но нет но нет +++ я держусь +++ я держусь +++ и я говорю себе, в сам глубине души, что то что я не несусь петляя в гвалте и сумятице вовсе не делает вас

Неологизм «*mon for intérieur*» – явление, скорее, редкое для дискурса Толуме. Автор поясняет для переводчика: «*au plus profond de ma conscience*»... donc: «*dans la forêt de mon for intérieur*» (в самой глубине сознания, в лесу моего сознания).

Фокусируя внимание на действии, которое мы привыкли делать автоматически, Толуме не возвращается к фотографической точности детали нового романа. Речь идет о создании динамики звучания человеческой речи, это не просто описание попытки воздействия одного человека на другого, автор показывает, что это воздействие всегда двусторонний процесс. Почти не изобретая новых слов, Толуме путем повторов слова – в разных синтаксических позициях, в разных ритмических группах, под ударением и без – добивается эффекта острания.

Венсан Толуме рассказывает, что большое впечатление произвели на него дневниковые записи Даниила Хармса: «Хармсу удастся на нескольких страницах придумать очень конкретную ситуацию, хотя она и кажется абсурдной. Он делает это очень простым языком, довольствуясь констатацией фактов. Мне нравится минимализм Хармса: простая грамматика, простые ситуации, и максимум эффекта для читателя. Это тексты без цветистых украшательств написаны с огромным мастерством, которое сходно с тем, как пишет Анри Мишо в те же годы»²⁵.

Среди регулярно перечитываемых авторов Толуме мы обнаруживаем Виктора Шкловского. Оказывается, он наряду с Маяковским и Хармсом стал для Венсана Толуме ориентиром в практическом смысле.

Интересно, что поколения искателей нового языка не очень любят преемственность и более охотно ссылаются на авторитеты конца XIX – начала XX в., чем на своих непосредственных предшественников. От них стремятся отмежеваться, о чем свидетельствует умножение самоназваний – сонорная поэзия, саунд-поэзия, акустическая поэзия, леттризм, текстуализм, пневмопоэзия и др.

сумасшедшими или стаей обезьян ревущих и скачущих по деревьям, и несущихся напролом в джунгли + + + нет + + + и я говорю себе, в глубине души, что если я не пускаюсь петляя или напролом в дебри леса моей глубины души и не запускаю вам в головы спаржу банки варенья тубики пасты или чайные ложки это собственно никому ничего не даст нет + + + послушайте + + + это создает атмосферу да + + + но я спокойно принимаю за свои дела + + + утренняя гигиена + + + вот + + + щеточка + + + ручка + + + щетинкой вверх + + + вот + + + а теперь чистим

²⁵ Письмо к автору статьи от 12.10.2015.

Прижан цитирует Рембо, но не Анри Шопена, Рене Гиля или Тристана Цара. Венсан Толоме не заговаривает ни о Кристиане Прижане, ни об Анри Шопене, а называет своим учителем Анри Мишо. Леспинас, признавая близость подхода текстуализма и сонорной поэзии к языку как к опыту (*exrégience*), ценит Кристиана Прижана (но не зачитывается им), при этом он рассказывает, что с удовольствием читает Хлебникова и Шкловского. Примечательно, что всех их роднит интерес к русскому футуризму. Видимо, для осмысления эстетического и философского итога языкового эксперимента необходима временная дистанция.

Стих как продолжение тела говорящего

*«Мне уже не интересно разбирать и даже рассматривать
стихи как словесную машину.
Но мне невероятно интересно и важно понять,
какие силы заставляют ее работать».*
Михаил Айзенберг. «Уже скучает обобщение»

Рубеж веков, казалось бы, условность, однако в исторической перспективе становится заметно, что человечество каждый раз воспринимает его как некую веху, невольно стремится подводить итоги, напряженно вглядываться в накопленный опыт и вновь задаваться вечными вопросами. Рубеж XX–XXI вв. не исключение. На фоне развития науки и высоких технологий поражает всплеск интереса к поэзии, этой лингвистической лаборатории коммуникации сквозь время и пространство. Роднит наши рубежи веков та надежда научного открытия чего-то важного о человеке, которую мы возлагаем на поэзию.

Тесное общение поэтов и лингвистов наблюдалось и в России, и во Франции: достаточно вспомнить интерес ОПОЯЗа к поэзии и лабораторию экспериментальной фонетики Жана Руссло в Париже, где были сделаны аудиозаписи первых поэтов верлибра.

Тема связи телесности и текста, понимание ритма поэтического произведения как оттиска телесности автора звучит у поэтов неоднократно в XX в. Андре Спир (1868–1966), поэт и исследователь поэзии, посвящает этой теме целую книгу – «Удовольствие поэтическое и удовольствие мускульное» [Spire, 1986].

Положение о телесности поэтического ритма развивает и А. Мешонник, называя одну из частей своей книги «Критика ритма» «Текст имита-

ция тела): «Соотнесенность с телом примешивает малоизученный аспект привязанности к устной речи со времен пра-языка, что-то гипер-субъективное обрабатывает нас без нашего ведома...»²⁶

Здесь, помимо телесности ритма, затронута другая важная тема: способность исходить из пра-звука, вслушиваться в праязык объединяет тех поэтов, у кого микропроцесс аудиального воображения направлен от звука к образу (подробнее см. [Белавина, 2015]). А. Крученых пишет в «Декларации заумного языка»: «Заумь – первоначальная (исторически и индивидуально) форма поэзии. Сперва – ритмически-музыкальное волнение, пра-звук (поэту надо бы записывать его, потому что при дальнейшей работе может позабыться)»²⁷.

Примечательно, что ощущение телесности поэтического ритма, общее для наших трех «сонорных» поэтов и русских футуристов, волнует современных поэтов, не привязанных к «сонорности», к практикам авангарда. Так, Михаил Айзенберг пишет: «Из всей массы написанных стихов мне важно выделить те, которые являются естественным продолжением тела говорящего»²⁸.

Как нельзя создать высказывание без просодии, невозможно создать поэтическое произведение без ритма. Невольно наша речь выдает нас: поверх слов, в глубине биения крови и частоты дыхания, не доходя до светлой поверхности сознания, в каждую поэтическую строку включается «контрабандное» послание. А. Спир утверждает даже, что «ударения располагаются на гребнях смысла» [Spire, 1986: 101].

Внимание к уже известному, повседневному, через дезавтоматизацию восприятия, через вслушивание дает тот эффект «остранения», свежести удивления от первой встречи с реальностью, к которому стремились русские футуристы. Любопытно, что самое слово «остранение», ставшее литературоведческим термином, ненарочный неологизм, образованный усечением, несет в себе механизм остранения. Вспомним, как Шкловский рассказывает об истории его создания «странный»: «Так оно и пошло с одним „н“ и, как собака с отрезанным ухом, бегаем по миру»²⁹.

²⁶ «Ce rapport au corps mêle le plan mal connu de l'investissement oral dès le prélangage, dont quelque chose d'hypersubjectif nous travaille à notre insu» [Meschonnic, 2009: 328].

²⁷ Крученых А. Декларация заумного языка. <http://www.futurism.ru/a-z/manifest/zaum.htm>

²⁸ Айзенберг М. Уже скучает обобщение. <http://morebo.ru/tema/segodnja/item/1440880513387>

²⁹ Шкловский В. <http://philologos.narod.ru/shklovsky/prose1983.htm>

Одной из задач современной поэзии, а возможно, и всей поэзии с момента возникновения верлибра является поиск естественности речепождения, имитации спонтанной речи.

Общими чертами поэтического дискурса Ф.Грио, В.Толоме и С.Леспинаса являются повторы и использование неологизмов, которые создают эффект отстранения. Все трое придают большое значение устным выступлениям.

На протяжении всего XX в. поэтический язык ищет дополнительных способов означания (*modes signifiants*), способов выражения новой реальности *modernité*. Кристиан Прижан, основатель текстуализма 1970-х гг., которого Бобийо также причисляет к сонорным поэтам, с большим удовольствием цитирует Хлебникова и Крученых, чем французских дадаистов и сюрреалистов. В статье «Зачем еще поэты?» он обращается к еще более ранним истокам тревожного поиска обновления языка: «До сих пор *современность* – тот объект желания, который не позволяет некоторым довольствоваться опытом реального мира таким, каким, как его представляют все общинные языки, это заставляет прожить любой язык как иностранный, а значит основать язык (найти язык, как говорил Рембо)»³⁰.

Сонорные поэты – особенно чувствительные к акустике люди. С точки зрения физики аудиальная и кинестетическая модальности восприятия имеют один и тот же глубинный механизм. Сонорные поэты переживают звук физически, ощущают речь продолжением тела, стремятся при каждом слове, толкнув молекулы воздуха, коснуться барабанных перепонок слушателя, передать ему мускульное удовольствие поэзии.

Список литературы

Барт Р. Нулевая степень письма // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 2000. С. 50–96.

Белавина Е. Работа аудиального воображения на примере русских переводов цикла сонетов Поля Верлена «Подруги» // Миры литературного перевода: Сб. докладов участников III Конгресса переводчиков худо-

³⁰ «Jusqu'ici modernité, l'objet de ce désir qui pousse quelque-uns à ne pas se contenter de l'expérience du monde telle que les langages communautaires la représentent, à vivre toute langue comme étrangère et donc à refonder un langage (à „trouver une langue“ disait Rimbaud pour re-présenter autrement ces représentations)» [Prigent, 1994: 14].

- жественной литературы (Москва, 4–7 сентября 2014 г.) / Науч. ред. А. Я. Ливергант; Ред. И. О. Сид. М., 2015. С. 267–273.
- Белавина Е.* Кризис синтаксиса в современной французской поэзии // Риторика ↔ Лингвистика: Сб. статей. Вып. 8. Смоленск, 2009. С. 105–111.
- Верлен П., Рембо А., Малларме С.* Стихотворения. Проза. М., 1998.
- Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. М., 2000.
- Шкловский В. Б.* О теории прозы. М., 1925.
- Bobillot J.-P.* Poésie sonore. Éléments de typologie historique. Reims, 2009.
- Chastanet M., Lespinasse S. & P.* Book machine presse, 2013.
- Chopin H.* Poésie sonore internationale. Jean-Michel Place, 1979.
- Gazetta dell'Emilia. 05.02.1909; le Figaro. 20.02.1909.
- Gleize J.-M.* La poésie. Textes critiques XIVème – XXème siècles. Paris, 1995.
- Meschonnic H.* Critique du rythme. Anthropologie historique du langage. Lagrasse, [1982], 2009.
- Prigent Ch.* A quoi bon encore des poètes? Ed Erba Valence, 1994.
- Sabatier R.* Histoire de la poésie française. Poésie du XX siècle. T. 1–3. Albin Michel, 1982.
- Spire A.* Plaisir poétique et plaisir musculaire: Essai sur l'évolution des techniques poétiques. Paris, 1986.
- Tholomé V.* Kirkjubæjarklaustur. Le Clou dans le Fer, 2009.

Электронные ресурсы

- Айзенберг М.* Уже скучает обобщение. <http://morebo.ru/tema/segodnja/item/1440880513387>
- Бирюков С.* Любовь к трем авангардам. <http://www.arion.ru/mcontent.php?id=163&number=18&year=200>
- Конференция «Сонорная поэзия». <http://www.ccic-cerisy.asso.fr/poesie99.html>
- Крученых А.* Декларация заумного языка. <http://www.futurism.ru/a-z/manifest/zaum.htm>
- Крученых А., Хлебников В.* Декларация слова как такового. <http://www.futurism.ru/a-z/manifest/slovo.htm>
- Чупринин С.* Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям. 2007. <http://litrus.net/book/read/111291?p=120>
- Шкловский В. Б.* О теории прозы. М.: Круг, 1925. С. 7–20. <http://philologos.narod.ru/shklovsky/prose1983.htm>

Дискография

Friot F., Groleau E., Buoillard D. parl# On trace. 2015.

Lespinnasse S. PNEUMA01. 2015.

Сведения об авторе: Белавина Екатерина Михайловна, кандидат филол. наук, ст. преп. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, поэт, переводчик, член Московского отделения Союза писателей России, руководитель спецсеминара «Поэтика и фонетика». E-mail: kat-belavina@yandex.ru

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

О.В.Кукушкина, А.А.Варламов

ЯЗЫК ПУШКИНА: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

В статье дается информация о работе над электронным корпусом текстов А.С.Пушкина, ведущейся в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ. В ней также изложены некоторые результаты изучения лексического состава корпуса. Они касаются особенностей употребления у Пушкина глагола *закончить* и существительного *бразды*.

Ключевые слова: язык Пушкина, лексикография, корпус текстов, особенности употребления слов.

This paper contains information about the development of the electronic corpus of Pushkin's texts carried out in the Laboratory of General and Computational Lexicology and Lexicography at the Faculty of Philology of MSU. Additionally, some results of analysis of the lexicological composition of the corpus are stated. They concern peculiarities of usage by Pushkin of the verb *zakonchit'* and of the substantive *brazdy*.

Key words: Pushkin's language, lexicography, text corpus, peculiarities of word usage.

С 2003 г. в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ, созданной А. А. Поликарповым, ведется работа над корпусом текстов А. С. Пушкина. Одна из целей этой работы – объединить «Словарь языка Пушкина», пушкинские тексты и богатейший справочный материал, содержащийся в Полном Академическом собрании сочинений, в рамках единой информационно-исследовательской системы. Это поможет в полной мере использовать те уникальные данные, которые накоплены в «лингвистическом пушкиноведении». Еще одна цель этой работы – пополнение наших знаний о словарном составе текстов Пушкина и языке пушкинской эпохи. Как известно, не все тексты, вошедшие в Собрание сочинений, были использованы создателями «Словаря языка Пушкина». Так, в словарь не была включена лексика «Истории Петра» и «Определения суда» из «Дубровского».

В настоящее время производится сопоставление словника текстов корпуса со словником «Словаря языка Пушкина», а также на основе словаря проводится семантизация (т. е. определение значения) многозначных слов. В ходе этой работы обнаруживаются интересные результаты. Ниже

мы остановимся на употреблении Пушкиным двух слов, которые привлекли наше особое внимание.

КОНЧИТЬ или ЗАКОНЧИТЬ?

Сопоставление словника «Словаря языка Пушкина» со словником корпуса неожиданно показало, что в словаре нет слова *закончить*. В текстах корпуса оно встретилось только один раз – в «Истории Петра», причем в специфическом значении ‘заключить’. Ср.: «Крымский хан старался всеми силами воспрепятствовать миру между Россией и Турцией. Он писал к султану, что Петр <...> учреждает все на немецкий образец, <...> заводит многочисленное войско, <...> что, ежели султан не **закончит** мир, то сей опасный нововводитель непременно погибнет от своих поданных...» [Пушкин, 1994–1997: X, 49]¹.

Случайно ли такое положение дел, или частотный фазовый глагол *закончить* является действительно новым для русского литературного языка? Анализ обнаружил, что это слово в исторических словарях отсутствует. Его нет даже в достаточно полном «Словаре русского языка XVIII века» (под ред. Ю.С.Сорокина), отражающем лексику предшествовавшего пушкинскому периода. В связи с этим возникает вопрос о том, в какой период слово *закончить* в его современном значении стало активно использоваться и возглавило по частотности синонимический ряд *кончить – окончить – закончить*?

Примерный ответ на этот вопрос можно получить с помощью корпуса Google Books и программы Ngram Viewer. На рисунке 1 приведены результаты сравнения частот употребления слов *кончить* и *закончить*, основывающиеся на данных этого корпуса² (по горизонтали указаны временные отрезки).

На рисунке 2 отдельно показано временное распределение для инфинитивов трех глаголов: *кончить*, *окончить* и *закончить* (без учета остальных форм этих глаголов). Из него также хорошо видно, что *инфинитив глагола закончить* в XIX веке сильно уступает по частотности двум другим инфинитивам, однако затем становится наиболее частотным.

¹ В дальнейшем при ссылках на это издания указываются только номер тома и страница.

² Поскольку русская лемматизация в Google Books Ngram Viewer отсутствует, частоты употребления отдельных форм суммировались вручную, и итоговая диаграмма была получена в Excel.

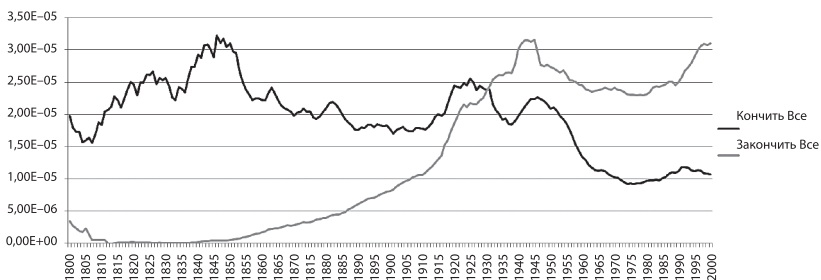

Рис. 1. Частотно-временное распределение глаголов *кончить* и *закончить* (с учетом всех форм)

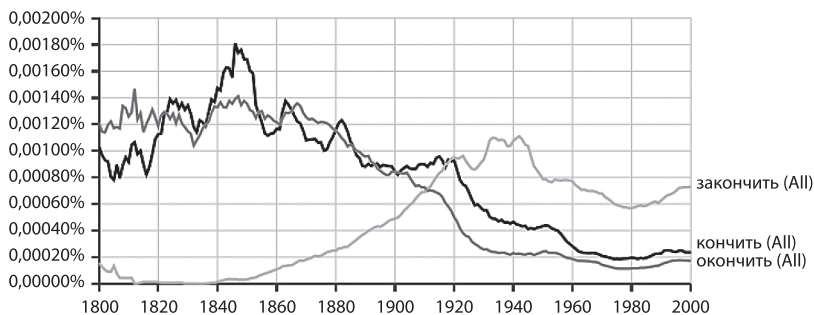

Рис. 2. Частотно-временное распределение инфинитивов *кончить*, *окончить* и *закончить*

Небольшой всплеск употребительности слова *закончить* у отметки 1800-го г. объясняется неверной временной привязкой номера «Вестника Европы», в котором обнаружены три формы инфинитива этого глагола. Ошибка в датировке очевидна, поскольку в контексте упоминаются 1901 г. и 1902 г. Ср.: «...Мнением государственного совета, Высочайше утвержденным 29 декабря 1901 г., редакционной комиссии по составлению гражданского уложения поручено **закончить** все остающиеся еще невыполненными работы по возможности в течение 1902 г. <...>» (орфография современная). Имеющиеся ранние контексты, а также регулярно встречающееся в XIX в. сочетание типа *закончить гимназию* позволяют говорить об исходной тесной связи глагола *закончить* с делопроизводством и официально-деловым стилем.

Эволюция семантики глагола *закончить* требует дальнейшего изучения, но факт его поздней активизации очевиден. Лишь в 1930-е гг. этот

фазовый глагол начинает доминировать в своем синонимическом ряду. С учетом характера социальных и культурно-исторических процессов, проходивших в этот период, можно предположить, что это следствие существенных изменений норм литературного языка и, прежде всего, усиления в нем «канцелярита». Таким образом, резкая смена доминанты очень важного, частотного синонимического ряда может быть маркером сдвига нормы и своего рода социально-культурного слома. В этой связи интересно было бы исследовать частотно-временное распределение членов других синонимических рядов.

Что такое «БРАЗДЫ» в текстах Пушкина?

Все мы помним «бразды пушистые взрывая», но этот контекст дает неверное представление об основном значении слова *бразды* в языке Пушкина. На самом деле это слово чаще всего употребляется им в утраченном ныне значении ‘удила’. Эта особенность отражена в «Словаре языка Пушкина», где формы множественного числа разводятся по разным лексемам и отдельно даются слова *бразды* (в значении ‘удила’) и *бразда* (в современном значении ‘борозда’). В корпусе, как и в словаре, зафиксированы только 4 примера употребления последнего. В остальных же 10-ти случаях бразды означает именно ‘удила’. При этом это значение является прямым и не связано с книжной или архаической («библейской») окраской. Ср. следующие контексты его употребления:

1. Лежу – вдали штыки сверкают,
Лихие ржут, бразды кусают... (Послание к Юдину) [I, 130]
2. Певец угрюмый, что с тобою?
Один пред боем ты уныл;
Поник бесстрашную главою,
Бразды и саблю опустил! (Наездники) [I, 159]
3. Мне ль было управлять строптивыми конями
И круто направлять бессильные бразды?
(Андрей Шенья) [II, 355]
4. Ко рву примчался конь ретивый,
Взмахнул хвостом и белой гривой,
Бразды стальные закусил
И через ров перескочил... (Руслан и Людмила) [IV, 24]
5. Руслан с презреньем оглянулся
Браздами удержал коня... (Руслан и Людмила) [IV, 44]

6. Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча. (Полтава) [V, 58]

Что касается самого слова *удила*, то оно тоже встречается у Пушкина, но всего два раза. Ср.:

1. Что ты ржешь, мой конь ретивый?
Не грызешь своих удила? (Конь) [III, 363]
2. И бьются кони, пеной белой
Стальные мочат удила,
И полетели как стрела. (Евгений Онегин) [VI, 132]

В «Словаре языка XVIII века» обсуждаемое значение слова *бразды* также зафиксировано. Здесь даются омонимы *бразда1* и *бразда2*. Значение последнего описывается так: **Бразда2** (*бро*), *ы*. Слав. *Узда*, *удила*. То есть здесь для *бразды2* приводится еще один синоним – *узда*. В отличие от *удила*, слово *узда* используется Пушкиным часто – 19 раз. На этом основании можно было бы говорить о наличии синонимического ряда *узда* – *бразды* – *удила* в языке Пушкина и о доминантности в этом ряду первого слова. Однако отношения между лексическими единицами здесь носят, судя по всему, более сложный характер. Это связано с денотативным различием слов *узда* и *удила*. Удила – это стальная часть узды, располагаемая во рту лошади. Сочетаемость типа «стальной», «грызет», «звучит», «кусает» показывает, что слово *бразды* в языке Пушкина используется прежде всего как главное средство обозначения денотата ‘удила’, то есть определенной части узды. Однако всадник их может «опустить», «выпустить из рук», что, очевидно, возможно только в отношении узды. Это дает основание говорить о том, что слово *бразды* выступает у Пушкина как член двух разных синонимических рядов, способный метонимически обозначать и целое (всю узду).

Значение ‘удила’ проясняет внутреннюю форму из известной метафоры «бразды правления». Для Пушкина, в отличие от большинства современных носителей русского языка, эта метафора была абсолютно прозрачной и мотивированной. На это прямо указывают следующие два контекста из «Бориса Годунова», где проводится сравнение управления народом и конем:

7. Что на него смотреть;
Всегда народ к смятенью тайно склонен:
Так борзый конь грызет свои бразды;
На власть отца так отрок негодует;
Но что ж? конем спокойно всадник правит,
И отроком отец повелевает. (Борис Годунов) [VII, 87]
8. Ты знаешь ход державного правленья;
Не изменяй теченья дел...
Со временем и по немногу снова
Затягивай державные бразды.
Теперь ослабь, из рук не выпускай... (Борис Годунов) [VII, 90]

Лишь в двух случаях поэт использует *бразды* в составе метафоры «бразды правления». Ср.:

9. ...принял бразды правления и приступил к исполнению своей политической системы (История села Горюхина) [VIII-1, 140]
10. Покаместь я принял бразды правления (Письмо Л.С.Пушкину) [13, 146]

Работа над корпусом Пушкина продолжается, и не вызывает сомнения, что она даст еще много интересного и неожиданного в лингвистическом отношении.

Список литературы

- Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17 т. М., 1994–1997.
Словарь русского языка XVIII века. Ан СССР. Ин-т рус. яз. / Гл. ред.:
Ю. С. Сорокин. Вып. 2. Л., 1985.
Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1956–1961.

Сведения об авторах:

Кукушкина Ольга Владимировна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: kukush@orc.ru

Варламов Александр Александрович, сотрудник Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: a_varlamov@mail.ru

Е.И.Литневская, О.А.Литневская

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕКСТООБРАЗУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ КОГЕЗИИ И КОГЕРЕНТНОСТИ

В статье обсуждаются подходы к лингвистическому пониманию сущности текста и путем обращения к работам зарубежных лингвистов уточняются такие текстообразующие признаки, как когезия (формальная грамматическая и лексическая связность) и когерентность (семантическая цельность и осмысленность), далеко не однозначно понимаемые и не всегда различаемые отечественными лингвистами.

Ключевые слова: текст, признаки текста, когезия, когерентность.

This article's aim, which was achieved through the study of foreign linguistic works, is to expand upon the linguistic understanding of text and to analyze its fundamental properties of cohesion (formal grammatical and lexical linking) and coherence (semantic integrity and meaningfulness), the notions that tend to bewilder Russian linguists.

Key words: text, textual properties, cohesion, coherence.

На протяжении всего XX в., особенно во второй его половине, интерес к тексту неуклонно возрастал, и можно без преувеличения сказать, что на сегодняшний день именно текст является основным объектом лингвистического исследования, однако сколько-нибудь общепринятого определения текста по сей день не существует, а исследователи выделяют различные признаки текста, так и не складывающиеся в единую систему. Так, О. Г. Ревзина в завершение своей статьи «Текст: ускользающий объект» пишет: «Наука, как известно, ищет закономерности, и получается, что главная закономерность текста состоит в его единичности. Этой своей характеристике текст не утрачивает никогда и именно от нее не ускользает» [Ревзина, 2010: 13].

Ю. М. Лотман в статье «Текст в тексте» отмечает, что в соотношении понятий «язык» и «текст» существуют два подхода. При первом подходе «язык предшествует тексту, текст порождается языком», вследствие чего возникает «представление о языке как о замкнутой системе, которая способна порождать бесконечно умножающееся множество текстов» [Лотман, 1981: 3–4]. При втором подходе «текст мыслится как отграниченное, замкнутое в себе конечное образование», поскольку «текст дается коллективу раньше, чем язык, и язык „вычленяется“ из текста» [Лотман, 1981: 4–5].

При определении текста в собственно лингвистическом понимании можно идти в двух направлениях – от его формы и от его содержания.

В лингвистике текста наиболее распространен подход к определению текста «от формы». В этой традиции наиболее существенным параметром текста становится его связность (когезия), а текст рассматривается как замкнутая автономная структура.

Так, например, И. Р. Гальперин определяет текст очень строго: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 1981: 74]. Как мы понимаем, этому определению текста не соответствуют не только устные тексты, но и большое количество текстов письменных.

Однако в лингвистике имеется и богатая традиция определения текста как любого продукта речевой деятельности. Так, А. И. Горшков пишет, что «текст есть феномен употребления» [Горшков, 2000: 53]; близкую формулировку использует и В. Г. Костомаров: «Текст – продукт, любой результат любого общения» [Костомаров, 2005: 36]. В этом подходе «от содержания», который долгое время был принят почти исключительно в психолингвистике, на первый план выдвигается такой признак текста, как цельность (когерентность).

Между этими полюсами располагается множество других подходов к тексту. Так, например, ссылаясь на высказывание Э. Бенвениста о том, что «сегментировать предложение мы можем, мы не можем сделать его интегрантом какой-либо другой единицы более высокого уровня» [Бенвенист, 1974: 138], Н. К. Онипенко отмечает, что в описательной (традиционной) лингвистике «языковая система „герметизируется“: текст рассматривается как поставщик объектов для лингвистики, но сам объектом грамматики не признается» [Онипенко, 2010: 69], поскольку описательная грамматика оперирует понятиями формы и значения и эти аспекты дают два ряда «эмических» (прототипических) единиц для одного и того же предложения – структурная схема в первом случае и пропозиция во втором. Функциональная же грамматика предлагает ввести при анализе третье измерение – функциональное. В этом случае между предложением и текстом появляется соединительный элемент – коммуникативный регистр речи – модель речевой деятельности, обусловленная точкой зре-

ния говорящего и его коммуникативными задачами, располагающая определенным набором языковых средств и реализованная в конкретном фрагменте речи (об этом см. [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004]).

Исследователи предлагают множество текстообразующих признаков. Так, Ю. М. Лотман пишет: «В основу понятия текста, видимо, удобно будет положить следующие определения: выраженность <...>, ограниченность <...>, структурность» [Лотман, 1970: 67–69]. Под выраженностью Лотман понимает знаковую фиксацию текста, его материальную воплощенность, под ограниченностью – его выделенность в ряду других знаковых последовательностей, а говоря о структурности, отмечает, что «текст не представляет собой простую последовательность знаков в промежутке между двумя внешними границами. Тексту присуща внутренняя организация, превращающая его на синтагматическом уровне в структурное целое» [Лотман, 1970: 69].

А. И. Горшков к трем свойствам текста, выделенным Ю. М. Лотманом, добавляет четвертое – содержательность, или информативность [Горшков, 2006], а И. Р. Гальперин, говоря о текстовых категориях, определяет их как информативность, членимость, внутритекстовые связи, континуум, автосемантию отрезков текста, ретроспекцию и проспекцию, модальность, интеграцию и завершенность текста [Гальперин, 1981: 4]. У других исследователей можно найти и другие текстообразующие признаки: «По прошествии двадцати лет количество категорий текста, изучаемых лингвистикой текста, заметно увеличилось» [Бабенко, Казарин, 2005: 40].

Как мы видим, мало какой подход обходится без учета формальных и семантических скреп текста. Однако термины «когезия» (формальная связность) и «когерентность» (семантическая цельность и осмысленность) в русистике используются редко, несмотря на их распространенность в западных работах, что может являться одной из причин, по которой они не всегда четко разграничиваются. Так, например, Л. Е. Гриневская, О. В. Зими́на и В. Б. Киселева в статье «Текст как доминирующая единица перевода» употребляют эти термины синонимично: «О понятии когерентности (когезии) текста пишут многие лингвисты <...>. Понятие когезии (когерентности) имеет широкое трактование и представляет собой соотношенность составляющих текст компонентов» [Гриневская, Зими́на, Киселева, 2006: 39].

Для уточнения этих текстообразующих понятий и соответствующих им терминов обратимся к истории их становления в лингвистике.

Термины «когезия» и «когерентность» пришли в отечественное языкознание через труды западных лингвистов. основополагающую роль в привлечении внимания к связности элементов текста принято отводить труду «Когезия в английском языке» («Cohesion in English», 1976) М. А. К. Халлидея и Р. Хасан – первому систематическому описанию когезии в английском языке. Когезия в их работе понимается как совокупность поддающихся описанию лингвистических механизмов, обеспечивающих связь между высказываниями, или такое отношение элементов в тексте, когда один элемент значения предполагает другой элемент, причем интерпретация второго зависит от интерпретации первого [Halliday, Hasan, 1976: 27] (здесь и далее перевод наш). Халлидей и Хасан выделяют пять основных механизмов когезии: 1) референция (экзофора, анафора и катафора как виды эндофоры), 2) эллипсис (опущение слов вместо их повторения), 3) субституция (замена слов, например, более общее понятие вместо их повторения), 4) лексическая когезия (повторение лексических элементов, обеспечивающее связь между предложениями, и коллокации), 5) использование коннекторов для установления логических и временных связей между высказываниями.

Авторы более поздних работ предлагают модифицированные классификации механизмов когезии (так, например, Р.-А. де Богранд и В. Дресслер выделяют субституцию, прономинализацию, референцию, эллипсис, темпоральные связи, коннекторы, лексическую изотопию [de Beaugrande, Dressler, 1981: 89]).

Отдельные идеи Халлидея и Хасан получили признание научного сообщества, однако некоторые выдвинутые ими теории вызвали критику. Так, Халлидей и Хасан утверждали, что когезия является единственным источником целостности, когерентности («фактуры») текста, фактически отождествляя два понятия: «В этой книге мы исследуем ресурсы, которыми английский язык располагает для создания фактуры. Если содержащий более одного предложения отрывок на английском воспринимается как текст, в этом отрывке можно будет выделить определенные лингвистические элементы, способствующие единству текста и придающие тексту фактуру <...> когезные связи между предложениями имеют особое значение, поскольку они – единственный источник фактуры» [Halliday, Hasan, 1976: 2–9].

Некоторые лингвисты выступили с критикой данного утверждения (см., например, [Morgan, 1978; Morgan, Sellne, 1980; Carell, 1982]), полагая, что связи между элементами текста не обязательно должны быть

эксплицитно выражены, чтобы текст мог считаться когерентным. Так, К. Нутталл справедливо отмечает, что «мысленная обработка текста – процесс, во время которого взаимодействуют текст и изначальные фоновые знания <...> слушателя или читателя» [Nuttall, 1982: 15–17].

Таким образом, Халлидей и Хасан выдвигают модель анализа текста «снизу – вверх»: от формальных элементов к смыслу (среди приверженцев этой позиции можно назвать дю Буа, Пейна, О’Доуда, Флейшмана, Михилла, Дюри, Переза Лоридо). Нутталл и ряд других лингвистов (например, Каррелл, Румельхарт), напротив, предлагают модель анализа «сверху – вниз» – от содержания к формальному строению.

Хотя большинство исследователей все еще отмечает важность когезии для текстового анализа, многие согласны с тем, что когерентность зависит не столько от свойств самого текста, сколько от интерпретатора: именно он делает выводы (*inferences*) и устанавливает логические связи между высказываниями, что практически делает когерентность синонимом интерпретируемости. При более широком подходе когерентность понимается как основа коммуникативного процесса, и в таком случае акцент делается не только на реакции адресата и его желании понять адресованный ему текст, но и на интенции адресанта донести этот смысл, оценив способности адресата и соответствующим образом представив материал.

В этом свете становится важно понимание контекста, поскольку благодаря ему даже в на первый взгляд не связанных между собой высказываниях может обнаружиться логическая связь. Так, фраза *Джон болеет дома, а формула уксусной кислоты – CH_3COOH* обретает смысл, если рассмотреть ее как ответ на вопрос *Где Джон? Он обещал сказать мне формулу уксусной кислоты* [Enkvist, 1989: 374].

Можно говорить о разных уровнях (степенях) когерентности: текст, не поддающийся интерпретации, признается реципиентом некогерентным, тогда как в текстах с неочевидной интерпретацией когерентность будет выражена с разной силой. В конечном итоге, степень когерентности зависит не столько от того, понятен ли текст, сколько от того, какое количество усилий интерпретатор должен приложить, чтобы его понять. Субъективный характер когерентности зависит главным образом от языковых компетенций реципиента, его знакомства с контекстом высказывания и положением дел, описываемым в тексте. Таким образом, автор текста может повысить его когерентность, приняв во внимание компетенции и знания потенциальных адресатов и соответствующим образом упорядо-

чив материал. М. Шароль называет авторов, использующих подобную стратегию создания текста, готовыми к «сотрудничеству», в противовес авторам, которые не пытаются помочь реципиентам либо же нарочно пытаются подвести их к ложным выводам и повторному анализу текста (подробно об этом в [Charolles, 1989]).

Отметим, что существуют тексты, о когерентности которых отдельно взятый реципиент судить не сможет. Например, человек, не знакомый с определенной терминологией или жаргоном, не сможет сказать, насколько осмыслен текст, в котором используется эта терминология или жаргон.

Другими словами, в конкретной коммуникативной ситуации у читателя возникнет ряд специфических ожиданий, которые повлияют на его интерпретацию когерентности текста. Например, различные литературные жанры будут требовать специфических стратегий интерпретации. Суждение о когерентности текста будет во многом зависеть от того, насколько текст может считаться адекватным ситуации и условиям, в которых он был произведен и в которых он воспринимается. В свою очередь, некоторые из условий, необходимых для «адекватности», «успешности» текста, такие как когерентность, соответствие жанру, непротиворечивость, уместность, и другие, могут быть формально вычленены и характеризованы.

Таким образом, когезия – это текстовая категория, наличие которой повышает статус некоторого множества высказываний, превращая их в текст; это формально-структурная категория, обусловленная линейностью текста и внешне выражающаяся на уровне синтагматической соотношенности слов, предложений и текстовых фрагментов, тогда как когерентность опирается на логические и семантические связи между текстовыми фрагментами. Может показаться, что вопрос о когерентности текста выходит за рамки лингвистики, и будет справедливым отметить, что в ходе своего развития лингвистика текста действительно сблизилась с рядом других дисциплин и позаимствовала их термины и методологию (например, из психологии и логики), однако данное сближение было вызвано необходимостью обновления инструментария лингвистики текста, объекта по своей природе сложного и многоаспектного.

Понимание несовпадения понятий когезии и когерентности приобретает особую значимость при анализе «нестандартных» текстов, в частности текстов с неочевидными когезными связями, таких, например, как собрание сентенций Ларошфуко «Максимы», или определенных фраг-

ментов разговорной речи, которым некоторые ученые отказывают в статусе текстов, вводя в научный обиход термин «текстоиды» (об этом см., например, в [Сиротинина, 1994], [Литневская, 2011]).

Список литературы

- Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Филологический анализ текста. М., 2005.
- Бенвенист Э.* Уровни лингвистического анализа // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 129–141.
- Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- Горшков А. И.* Лекции по русской стилистике. М., 2000.
- Горшков А. И.* Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика. М., 2006.
- Гриневская Л. Е., Зимица О. В., Киселева В. Б.* Текст как доминирующая единица перевода // Лингводидактические аспекты перевода в процессе подготовки переводчиков: Материалы международного научно-практического семинара 15 ноября 2005 года. Иркутск, 2006.
- Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
- Костомаров В. Г.* Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М., 2005.
- Литневская Е. И.* Письменные формы русской разговорной речи (К постановке проблемы): Монография. М., 2011.
- Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М., 1970.
- Лотман Ю. М.* Текст в тексте // Тартуский университет: Ученые записки. Вып. 567. Тарту, 1981. С. 13–18.
- Ониненко Н. К.* Грамматика описательная и грамматика объяснительная: их объекты и единицы (к постановке проблемы) // Единицы языка и текст: Сб. научных статей / Под ред. Е. Ф. Кирова. М., 2009. С. 66–76.
- Ревзина О. Г.* Текст: ускользающий объект // Научные доклады филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова: Сб. Вып. VI / Под ред. М. Л. Ремневой, О. А. Клинга. М., 2010. С. 3–15.
- Сиротинина О. Б.* Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994.
- De Beaugrande R.-A., Dressler W.* Introduction to Text Linguistics. London, 1981.
- Carell P.* Cohesion is Not Coherence // TESOL Quarterly, 16, 4, 1982, P. 479–488.

- Charolles M.* Coherence as a Principle in the Regulation of Discursive Production // *Connexity and Coherence: Analysis of Text and Discourse.* Berlin; New York, 1989. P. 3–15.
- Enkvist N. E.* From Text to Interpretability: A Contribution to the Discussion of Basic Terms in Text Linguistics // *Connexity and Coherence: Analysis of Text and Discourse.* Berlin; New York, 1989. P. 368–381.
- Halliday M. A. K., Hasan R.* Cohesion in English. London, 1976.
- Morgan J.-L.* Toward a rational model of discourse comprehension // TINLAP–2: Theoretical issues in natural language processing: University of Illinois at Urbana-Campaign, July 25–27, 1978. Urbana, 1978. P. 109–114.
- Morgan J.-L., Sellne M. B.* Discourse and linguistic theory // R. J. Spiro, B. C. Bertram and W. F. Brewer (eds). *Theoretical issues in reading comprehension.* Hillsdale, NJ, 1980.
- Nuttall C.* Teaching Reading Skills in a Foreign Language // *Practical Language Teaching* 9. London, 1982.

Сведения об авторах:

Литневская Елена Ивановна, кандидат педагогич. наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: litn-elena@mail.ru

Литневская Ольга Андреевна, аспирант кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: olga.litnevskaya@ens-lyon.fr

Г.В.Дуринова

КОГНИТИВНЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ

Статья посвящена проблеме изменения значения слова в историческом аспекте. Рассматриваются лингвистические концепции, представляющие ономаσιологический и семасиологический подход к значению. Обращение к концепции темпоральной структуры понятия, сформулированной в рамках направления *Begriffsgeschichte*, позволяет синтезировать эти два подхода. На примере истории слова *общество* в статье демонстрируется применение понятий когнитивных моделей (по Дж.Лакоффу) для анализа семантических изменений.

Ключевые слова: историческая семантика, *Begriffsgeschichte* (история понятий), когнитивные модели, синтаксические структуры

The article deals with the problem of semantic change of words in a broad historical perspective. Different linguistic conceptions representing onomasiological and semasiological approaches to the word's meaning are considered. The notion of the «temporal structure of the concept» proposed by the *Begriffsgeschichte*-studies (history of concepts) is very helpful to synthesize these approaches. The article proposes an analysis of the history of the word “society” within the cognitive models (G. Lakoff) which show the semantic changes of the word.

Key words: historical semantics, *Begriffsgeschichte* (history of concepts), cognitive models, syntactic structures.

Многозначность слова в исторической перспективе

История значений отдельных слов входит в предмет лингвистической науки на всем протяжении ее существования: «Слово выступает не только как единица словарного состава, но и как центральная, узловая единица языка вообще» [Смирницкий, 1952: 183]. Семантическая история слов, как отмечал акад. В. В. Виноградов, должна стать «существенной частью исторической семантики» русского литературного языка [Виноградов, 1999: 4].

В языкознании было выдвинуто два подхода к изучению значения слова: семасиологический (от слова к понятию) и ономаσιологический (от понятия к слову). Несколько огрубляя, можно сказать, что проблема семантического динамизма сводится к вопросу о природе и механизме полисемии. Так, с точки зрения семасиологического подхода, многозначность – результат раскрытия семантического потенциала слова (Г. И. Кус-

това). Выявление семантического потенциала предполагает осуществление следующих процедур: 1) определение того, «что можно извлечь из исходного значения и связанной с ним ситуации» [Кустова, 2004: 11] и 2) определение того, «на что можно „распространить“ знак, какие новые ситуации вовлекаются в его семантическую орбиту» [Кустова, 2004: 11]. В результате этих процедур можно прийти к конечному набору «значений определенных типов» [Кустова, 2004: 11].

«С ономаσιологической точки зрения явление лексической многозначности представляется совершенно иначе: многозначное слово предстает не как набор значений, связанных отношением семантической деривации, а как ряд относительно автономных номинаций разных реалий (объектов, ситуаций, отношений и т.д.) с помощью одного языкового знака» [Толстая, 2008: 21]. Поэтому главное при ономаσιологическом подходе – «объяснить причину (мотив) использования данного языкового знака для обозначения данного денотата и затем восстановить логику применения одного и того же знака к разным денотатам» [Толстая, 2008: 21].

На современном этапе историческая семантика, немислима без обращения к тому, что сегодня составляет предмет когнитивной науки. Идея примата семантического уровня над синтаксическим, изначально определившая формирование «лагеря когнитивистов», полемично настроенных по отношению к теории Н. Хомского (см., в частности, [Рахилина, 1998]), по-новому поставила вопрос о соотношении синтаксических структур и когнитивных моделей мышления. «В сущности, – пишет Ф.Растье в «Когнитивной семантике», – мы можем считать лексику и синтаксис – двумя уровнями структурирования означаемого языкового знака. Автономность этих уровней весьма относительна, о чем свидетельствует история различных языков (с присущими им явлениями транспозиции, грамматикализации, лексикализации и пр.). Весьма вероятно в этой связи, что именно семантика задает синтаксические валентности» [Rastier, 1991: 139]. Однако методология когнитивной семантики разрабатывается преимущественно в исследованиях по синхронии языка и почти совершенно не распространяется на историческую перспективу слова.

Со второй половины XX в. ономаσιологический подход получает мощную поддержку в исторической науке. В научном направлении, известном как *Begriffsgeschichte* (история понятий), выдвигается представление о «темпоральной структуре концепта» (Р.Козеллек). В классическом для этого направления труде – «Словаре основных исторических

понятий» – Р. Козеллек раскрывает смысл этой терминологии на следующем примере: «Слово „республика“, некогда бывшее собирательным понятием для всех форм государственного устройства... претендует на то, чтобы обозначать единственно легитимное государственное устройство. Из родового понятия, существовавшего в теоретической систематике, это слово превратилось в историческое понятие, описывающее цель и заключающее в себе ожидание. Понятие, таким образом, подверглось темпорализации... оно более не описывает наличной реальности, но содержит важный элемент – ожидание; это понятие отсылает к будущему, превращаясь из понятия в проект будущего» [Козеллек, 2014: 28] (о темпоральной структуре концепта см. [Ревзина, 2013]).

При очевидном приоритете истории понятия перед историей слова направление *Begriffsgeschichte* предложило и нечто объединяющее ономаσιологический и семасиологический подходы: если темпоральная структура понятия содержит «проект будущего», то это означает, что понятия (и называющие их слова) выступают не только как индикаторы, но и как факторы исторических изменений [Бедекер, 2010].

Признавая, что «структура многозначного слова может быть результатом действия разных языковых механизмов – как семантических, развивающих потенциал исходного значения... так и номинационных (когнитивных)» [Толстая, 2008: 23], исследователь неизбежно возвращается к тому, что акад. В. В. Виноградов обозначил как «вопрос о тождестве слова» – о «единстве смысловой структуры слова и потенциальном многообразии его исторических разновидностей» [Виноградов, 1999: 16]. Критерием признания тождества слова является «непрерывность его историко-семантического развития» [Виноградов, 1977: 39]. Под «непрерывностью» понимается «как активное употребление соответствующего слова в разных последовательно менявшихся системах языка, так и пребывание его, иногда на протяжении столетий, в архивном фонде данного языка или в его пассивном словаре» [Виноградов, 1977: 39].

Теорию исторической лексикологии В. В. Виноградова от рассмотренных выше концепций отличает, во-первых, помещение вопросов семантической структуры в историческую перспективу, во-вторых, признание самоценности отдельного слова как «объективного факта» (ср. положение Р. Козеллека о том, что «писать историю отдельных, изолированных понятий весьма сложно и даже невозможно» [Козеллек, 2010: 21]). В. В. Виноградов настаивает на том, что «слово раскрывается как *отдельный исторический факт, который как бы самостоятельно развива-*

ет заложенные в нем потенции семантических изменений» (выделено мной) [Виноградов 1999: 8]. Как будет показано ниже, семантическая история слова *общество* доказывает справедливость этого тезиса.

Таким образом, понятие семантического потенциала, используемого в современной семантике, Виноградов относил именно к языковой темпоральности, жизни языка во времени. Теория исторической лексикологии В.В. Виноградова была ориентирована на постепенную реализацию масштабного проекта по составлению «Исторического словаря русского литературного языка XVIII–XIX вв.». Его роль исследователь видел в создании «историко-лингвистической концепции умственного, культурного и, в частности, художественного развития русского общества» [Виноградов, 1977: 200], перенимая формулировку В. А. Жуковского: «*Всякое слово, получающее место в лексиконе языка, есть событие в области мысли*» [Виноградов, 1977: 200].

В свете развивающегося в современной гуманитарной науке направления *Begriffsgeschichte* актуальной задачей исторической семантики является создание «Исторического словаря социально-политических терминов русского языка». Во второй части данной статьи предлагается анализ истории слова *общество* в русском языке XVIII в. Подробный анализ истории этого слова от древнерусского периода до первой трети XIX в. см. в [Дуринова, 2015], цель, преследуемая в настоящей статье, – продемонстрировать теоретические и практические принципы анализа.

Итак, что же понимать под «событием в области мысли» применительно к исторической семантике? Если исходить из представления о том, что функция первична по отношению к структуре [Томаселло, 2011], то изменения в семантике предшествуют синтаксическим сдвигам. У.Чейф полагает, что семантический уровень уподобляется мышлению в смысле нелинейного характера, а синтаксический уровень необходим для того, чтобы «неупорядоченные семантические элементы <были> упорядочены во времени» [Чейф, 2015: 75].

Эти вопросы приобретают весьма конкретные очертания при обращении к анализу конкретных слов. Так, социально-политическое значение слова *общество* подразумевает нормативность позиции субъекта действия: *общество решает, общество призывает, общество осуждает* (НКРЯ). Но в тот период русского языка (первая половина XVIII в.), когда равно возможны конструкции типа *обществом обороняться* («всем вместе») и *обществом сочиняется* («постановляется»), справедливо ли считать, что пассивная диатеза определила возможность трансформа

**общество сочиняет* – наречная функция (*обществом* в знач. ‘вместе’) устранена в пользу функции агентивной?

Когнитивные модели и синтаксическая структура

Одними из интереснейших и, судя по всему, ключевыми политическим документами в истории слова *общество* как социально-политического понятия являются так называемые «дворянские проекты» 1730 г. Они представляют собой текстовые вариации проектов по ограничению самодержавной власти, предложенных дворянскими группировками на рассмотрение в Верховный тайный совет в 1730 г. (см. [Курукин, 2010; Протасов, 1971]). Слово *общество* является в этих документах центральным. Нас будут интересовать конструкции, которые допускают неоднозначное прочтение с точки зрения диатезы, являющиеся результатом сдвига в диатезе. Рассмотрим следующие примеры (цитируются по изд. [Плотников, 2006]).

«*Призвано будет общество*». Данная конструкция – результат диатетического сдвига: семантической роли пациенса соответствует синтаксическая позиция субъекта действия. При этом агенс из ситуации устраняется (ср. прототипическая ситуация: «X призовет общество»), образуя так называемый «безагенса́нный пассив» [Падучева, 2004: 61]. В. А. Плу́нган называет такие конструкции «понижающей актантной деривацией», при которой «каузатор утрачивает актантный статус» и «у декаузативной ситуации на одного участника меньше» [Падучева, 2004: 61]. Это одновременно означает и повышение коммуникативного ранга пациенса – «общество» мыслится как нерасчлененное множество, «соборное лицо». Из контекста понятно, что речь идет о призыве чего-то наподобие «исполнительной комиссии», которую, конечно, составляют конкретные люди, но важным оказывается не это, а целостное, «соборное» действие этого объединения.

«*Обществом сочиняется*». Эта конструкция вызывает особый интерес: значение слова *общество* может быть прочитано как синонимичное значению в конструкциях «обществом выбирается», «обществом утверждается», где семантическую валентность следует понимать как инструмент: «обществом», т.е. «всем вместе». Действия *выбирать* или *утверждать обществом* возможны, только если каждый «участник общности» произведет названное действие.

В рассматриваемой конструкции («обществом сочиняется»), однако, ситуация не столь однозначна. Если конструкция типа «выбирать обще-

ством» не может быть трансформирована без изменения смысла в конструкцию с прямой диатезой («общество выбирает»), то конструкция «обществом сочиняется» такую трансформацию допускает. Глагол *сочинять* здесь означает «устанавливать, определять, назначать» [СЦСРЯ, IV, 1847: 196] и выступает, в сущности, как перформатив («высказывание, эквивалентное действию, поступку» [ЛЭС, 1990]), и поэтому называемое им действие не складывается из суммы действий «участников общности». Соответственно, перформативный акт может быть приписан коллективному лицу.

Появление слова *общество* в подобной конструкции в позиции агентивного дополнения – знак того, что смысловой потенциал слова раскрывается в сторону реализации валентности субъекта. «Важнейшая особенность человеческого языка заключается в том, что семантическая и синтаксическая сочетаемость слов в большей степени согласованы. Это значит, что если у лексемы есть партиципant X, то с очень высокой вероятностью у нее будет и синтаксическая валентность X» [Тестелец, 2001: 163]. Это замечание может быть «повернуто» и в обратную сторону: заполнение синтаксической валентности X в конструкции с косвенной диатезой фактически делает возможным конструкцию с прямой диатезой, где X занимает синтаксическую позицию субъекта, являясь агенсом соответствующей ситуации.

Итак, на данном этапе мы можем предполагать, что двусмысленность конструкции с косвенной диатезой «провоцировала» изменение значения слова *общество* от инструментальной до агентивной семантики. Однако почему вообще возникла подобная двусмысленность? На этот вопрос можно ответить, обратившись к более поздним примерам употребления слова – в публицистике второй половины XVIII в. (корпус составили тексты М. М. Щербатова, Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, Н. М. Карамзина, И. А. Крылова). Ср.: *Третий чин – душа общества, ослабление общества, страждущее общество, мысли общества, себе и обществу, служу обществу* и т. п.

Дж. Лакофф раскрывает механизм функционирования подобных конструкций исходя из понятия «великой цепи бытия» – иерархической структуры понятий, где каждый следующий уровень концептуализуется в терминах предыдущего (так, человеческие свойства могут быть описаны через метафоры, связанные с животным миром). Над уровнем ‘человек’ надстраиваются следующие два: уровень общества, уровень Вселенной. Ср., например, *общество* в конструкции: *Закон естественной оборо-*

ны, необходимый для существования всех земных тварей и гражданских обществ (1819). «Мы говорим о „справедливом обществе“, „миролюбивой нации“ и „злой империи“, как если бы им были присущи человеческие качества»¹ [Lakoff, 1989: 204]. Уровень ‘человек’ выступает как область-донор (source domain) для концептуализации сущности «общества»: как и у человека, у общества есть «душа», как человек, оно может «мыслить», «ослабевать», «страдать» и т. д. Кроме того, ему можно «служить», можно противопоставлять «себя» и «общество» – как отличного от себя человеческого существа. «И от того, как мы представляем себе их (общества, нации, государства. – Г.Д.) поведение, – пишет далее Лакофф, – зависит то, какие черты мы будем им приписывать. Мы можем понимать их в терминах форм жизни, присущих предыдущим звеньям Великой цепи бытия»² [Lakoff, 1989: 204]. Из этого следует чрезвычайно важное свойство этого уровня: «Метафора Великой цепи бытия не столько служит для характеристики уровней, сколько *создает* их»³ [Lakoff, 1989: 204].

Когнитивная модель «ЧЕЛОВЕК» представлена в конструкциях родительного принадлежности: *ручательница общества, душа общества*. Эта же концептуализация имеет место в независимом употреблении: *где токмо владыко и рабы, там нет общества*.

Теория концептуальных схем была разработана Дж. Лакоффом: «Опыт в существенном отношении структурирован до и независимо от образования каких-либо концептов. Существующие концепты могут накладывать дополнительное структурирование на опыт, который мы получаем, но базовые структуры опыта присутствуют независимо от какого-либо обнаружения концептов» [Лакофф, 2003: 353]. К базовым структурам относятся кинестетические образные схемы – к ним относится схема ‘вместилще’ – она «определяет наиболее базовое разграничение – разграничение между ВНУТРИ и СНАРУЖИ» [Лакофф, 2003: 354], в языке происходит «распространение телесно-ориентированного понимания вещей на широкий круг абстрактных концептов» [Лакофф, 2003: 354]. Данная когнитивная модель делает возможным конструкцию «в общест-

¹ «We speak about a “just society”, a “peace-loving nation”, and the “evil empire”, as if they had the equivalent of human character attributes».

² «And how we understand them as behaving, – пишет далее Дж. Лакофф, – depends upon what traits we see them as having. We can understand them in terms of lower-order forms of being via the GREAT CHAIN METAPHOR».

³ «The GREAT CHAIN METAPHOR operates not merely to characterize the nature of these levels but in fact to create them».

ве». Интересным, однако, представляются случаи совмещения этих двух моделей (ЧЕЛОВЕК и ВМЕСТИЛИЩЕ) – как в следующем примере: «*Все почти общество безрассудно покупает*». В этом примере *общество* занимает позицию субъекта и воплощает концептуальную схему ЧЕЛОВЕК. Одновременно лексический ограничитель *все почти* «работает» в логике схемы ВМЕСТИЛИЩЕ: те, на кого распространяется называемое действие, как бы очерчиваются окружностью, вписанной в круг ‘общество’.

Следующий этап – соответствие когнитивной модели ЧЕЛОВЕК позиции синтаксического субъекта. Такие конструкции являются типичными в тексте «Русской правды» П. И. Пестеля («*Всякое общество имеет свою цель и избирает средства для достижения оной*», 1825), где слово *общество* выступает как социально-политический термин.

Ситуация смысловой неоднозначности, способствующая раскрытию семантического потенциала рассматриваемого слова, которую мы наблюдали в различных примерах XVIII в., характеризует темпоральную семантику слов *общество*. Темпоральная семантика переходит в устойчивую, когда устраняется источник неопределенности: соответствие синтаксических структур и семантических (когнитивных) моделей, которое мы наблюдаем уже в тексте «Русской правды» (1825), где *общество* реализует когнитивную модель ЧЕЛОВЕК, выполняет семантическую роль агенса и занимает позицию синтаксического субъекта.

Как отмечает М. Линн-Мерфи, «современная лексическая семантика видит свою задачу в изучении того, „как языковые конструкции связаны с человеческим мышлением“ [Jackendorff, 2006: 355]», а «лингвистическая семантика в существенной мере стала исследованием структур мысли – понятийных структур, того, какую сетку эти структуры накладывают на язык» [Murphy, 2011: 53]. До тех пор, пока данная когнитивная модель (в нашем случае – ЧЕЛОВЕК) не найдет лучшую, или прототипическую, синтаксическую структуру (в данном случае – позиция субъекта действия), она предстает как источник темпоральной семантики, продуцирующей такие «маргинальные» случаи, как «обществом сочиняется», которые содержат в себе семантический потенциал понятия (*общество* как субъект действия, «соборное лицо»). В. В. Виноградов писал, что «слово как бы продергивается сквозь разные языковые слои, которые оставляют на нем, его значениях, следы своих преобразований» [Виноградов, 1999: 8]. Проведенный анализ нескольких примеров из истории слова *общество* лишь подтвердил точность этого наблюдения.

Список литературы

- Виноградов В. В.* Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // *История слов.* М., 1999.
- Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Дуринова Г. В.* Темпоральная семантика слова «общество» // *Социологическое обозрение.* 2015. Т. 14. № 1.
- Козеллек Р.* Введение // *Словарь основных исторических понятий: Избр. статьи:* В 2 т. / Пер. с нем. К. Левинсон. М., 2014. Т. 1.
- Козеллек Р.* К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // *История понятий, история дискурса, история метафор.* М., 2010.
- Бедкер Х. Э.* Отражение исторической семантики в исторической культурологии // *История понятий, история дискурса, история метафор.* М., 2010.
- Курукин И. В., Плотников А. Б.* 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010.
- Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. Кн. 1: Разум вне машины. М., 2011.
- Лингвистический энциклопедический словарь.* М., 1990.
- Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Плунгян В. А.* Общая морфология. М., 2003.
- Протасов Г. А.* Дворянские проекты 1730 г. (источниковедческое изучение) // *Источниковедческие работы.* Тамбов, 1970. Вып. 1.
- Рахилина Е. В.* Когнитивная семантика: истоки, персоналии, идеи, результаты // *Семантика и информатика.* Вып. 36. М., 1998.
- Ревзина О. Г.* Темпоральная структура концепта // *Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю. С. Степанова.* М., 2013.
- Словарь церковно-славянского и русского языка,* составленный Вторым Отделением Имп. Академии наук. Т. I–VI. СПб., 1847.
- Смирницкий А. И.* К вопросу о слове (проблема отдельности слова) // *Вопросы теории и истории языка.* М., 1952.
- Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Толстая С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.

- Томаселло М.* Истоки человеческого общения. М., 2011.
- Чейф У.* На пути к лингвистике, основанной на мышлении // Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика. М., 2015.
- Jackendoff R.* (2006). On Conceptual Semantics // Intercultural Pragmatics. Vol. 3. № 3.
- Lakoff J., Turner M.* More than Cool Reason. A field guide to poetic metaphor. University of Chicago Press, 1989.
- Lynne Murphy M., Piazza R.* Linguistic semantics and historical semantics // Asymmetrical concepts after Reinhart Koselleck. Historical semantics and beyond / (Eds.) Junge K., Postoutenko K. Bielefeld, 2011.
- Rastier F.* Sémantique et recherches cognitives. Paris, 1999.

Сведения об авторе: Дуринова Галина Вячеславовна, аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: galina.dourinova@gmail.com

А.И.Плотникова

ВЫБОР ОКОНЧАНИЯ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ МУЖСКОГО РОДА В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Данная статья посвящена вопросу о факторах присоединения нестандартного окончания *-у* в родительном падеже единственного числа существительных мужского рода в истории русского языка. В работах ученых предлагались различные типы факторов: семантические, синтаксические, морфонологические и акцентологический. Однако, как показала работа с материалом деловых текстов XVIIв. из различных диалектных ареалов, невозможно вывести точное правило присоединения нестандартной флексии, опираясь лишь на один-два критерия или на критерии одного языкового уровня, поскольку при подобном анализе материала выявляется весьма большое количество исключений из предполагаемого правила. Более точные результаты позволяет получить применение к материалу комплексного градуированного подхода, который дает возможность выявить взаимосвязь критериев различных языковых уровней и помогает определить ядерные классы существительных, принимающих окончание *-а* или *-у* в родительном падеже.

Ключевые слова: родительный падеж, единственное число, существительные мужского рода, нестандартное окончание, история русского языка, комплексный градуированный подход.

This article is devoted to the problem of choosing the non-standard inflexion *-y* for singular masculine nouns in the genitive case in the history of the Russian language. Scholars in their works proposed various types of factors for choosing the inflexion: semantic, syntactical, morphonological and accentological. But analysis of the XVII century business texts from different dialectal areas shows the impossibility of making a rule, based only on one or two factors or on the criteria of one language level, because this approach elicits a relatively big number of exceptions from the suggested rule. More accurate results can be reached by applying a complex graded (graduated) approach to the material, which affords an opportunity to detect interrelations between criteria of different levels and to find out the kernel groups of nouns, which prefer the *-y* or *-a* inflexion in the genitive case.

Keywords: genitive case, singular masculine nouns, non-standard inflexion, history of the Russian language, complex graded approach.

В современном русском языке некоторые неодушевленные существительные мужского рода способны присоединять в родительном падеже единственного числа окончание *-у* наряду со стандартным окончанием *-а*. Наличие в русском языке подобной вариативности окончаний во

втором склонении объясняется историческими процессами взаимодействия существительных древнего *й-склонения (это, например, *медь, домъ, сынъ, ледь, върхъ, станъ, чинъ* и др.) и *ѡ-склонения, которое происходило в позднепраславянском и раннедревнерусском языке. Вследствие данного взаимодействия основ и последующей унификации их склонения окончание -у в родительном падеже единственного числа стали присоединять не только существительные с исходным типом основы на *-й, но и некоторые существительные с исходной основой на *-ѡ. Но как объяснить то, что окончание -у в рассматриваемой позиции склонны принимать лишь некоторые существительные мужского рода? И почему отдельные существительные древнего *й-склонения (например, *сынъ*) неохотно принимают данное окончание? Можно ли проследить здесь некоторые закономерности?

В древнерусский и старорусский период существительных, которые присоединяли окончание -у в родительном падеже, было больше, чем их имеется сейчас в литературном языке. Стоит попытаться выявить причины более или менее охотного присоединения разными группами существительных этого окончания. Однако данная задача требует создания такого метода анализа, который позволил бы изучить материал всесторонне, то есть с применением всех критериев присоединения окончания -у, которые когда-либо выдвигались учеными, затрагивавшими данный вопрос в историческом аспекте. Далее мы рассмотрим предлагаемые исследователями критерии и проверим, как они действуют на материале, извлеченном из текстов делового содержания XVII в. западнорусского [Пам. Смол.], южнорусского [Южн. Чел.] и восточнорусского [Пам. Влад.] происхождения.

Учеными высказывались различные предположения о порядке притока окончаний -у в парадигмы ѡ-склонения и о направлении распространения этого окончания от одних групп слов к другим. И для выделения групп слов, которые в древнерусском языке принимали окончание -у более охотно, предлагались различные морфонологические, семантические и синтаксические критерии.

Для удобства представим все предложенные критерии в виде списка с указанием автора, рассматривавшего данный критерий как действующий:

1) одушевленность / неодушевленность (все исследователи – см. ссылки на их работы в п. 2–5 – указывают на неодушевленность как на фактор присоединения окончания -у);

2) род (все исследователи считают присоединение окончания -у характерным в основном только для слов мужского рода, хотя в некоторых говорах и слова среднего рода могут выступать с окончанием -у, на что указывают С. В. Бромлей и, Л. Н. Булатова [Бромлей, Булатова, 1972: 68]);

3) принадлежность значения слова к определенной семантической группе: индивидуальные предметы, вещественные и собирательные слова, абстрактные понятия, местности [Шахматов, 1957: 240–241; Хабургаев, 1990: 98; Бромлей, Булатова, 1972: 68; Ломоносов, 1755: 82; Обнорский, 2010: 193; Зализняк, 2010: 473];

4) значение родительного падежа, которое имеет словоформа [Хабургаев, 1990: 98; Кузнецов, 2005: 73; Бромлей, Булатова, 1972: 67];

5) соотношенность / несоотношенность с глаголом [Марков, 1974: 51; Ломоносов, 1755: 81];

6) отсутствие множественного числа [Булаховский, 1950: 115; Бромлей, Булатова, 1972: 68];

7) акцентологический критерий [Обнорский, 2010: 173; Хабургаев, 1990: 94; Кузнецов, 1959: 21; Шахматов, 1957: 247; Зализняк, 2010: 471];

8) односложность / двусложность (при полногласии) основы [Хабургаев, 1990: 94; Кузнецов, 1959: 21];

9) задненёбный согласный в исходе основы [Бромлей, Булатова, 1972: 69];

10) отсутствие слога в основе в косвенных падежах [Бромлей, Булатова, 1972: 69].

Несмотря на то что ученые выделяют, как правило, не один фактор, порождающий рассматриваемое явление (что видно из списка факторов с указанием имен исследователей), преимущество обычно отдается какому-либо одному. В частности, для С. П. Обнорского на первом месте стоял морфологический критерий, а для Г. А. Хабургаева – семантический.

Многие из исследователей предлагают видеть взаимосвязь некоторых факторов при присоединении окончания -у. Например, Г. А. Хабургаев связывает характер семантики слова со значением падежа, наиболее частотным для данного слова. Таким образом, существительные, обозначающие вещества и собирательные понятия, чаще всего выступают в партитивном значении родительного падежа, в то время как существительные, обозначающие индивидуальные предметы, чаще всего выступают в основном значении родительного падежа (принадлежность) [Хабургаев, 1990: 98]. И это предположение действительно работает для

таких случаев, как: *того вяза пень* [Пам. Влад. №234, л. 1], *книги мнѣтря* [Пам. Влад. №62, л. 32], *о^м дѣла того круга* [Пам. Влад. №84, л. 34], *пи-ва варити з докладу боярина* [Пам. Смол. №133] (существительные, обозначающие индивидуальные предметы в функции собственно родительного падежа) или *запасу пришло^м* [Пам. Влад. №277, л. 22], *сносу снесла* <...> *два сарафанишка* [Пам. Влад. №181, л. 2], *искат(ь) жемчюгу* [Пам. Смол. №144], *зел(ь)я пороху и свинцу повезли* [Пам. Смол. №1], *взяти* <...> *двѣстѣ пуд меду сырцу* [Пам. Смол. №207], *у кого что есть* <...> *пороху не сказывают* [Пам. Смол. №10], *продал* <...> *меду* [Пам. Смол. №67], *переписати лѣс сколько какова лѣсу* [Пам. Смол. №53], *пограбили* <...> *суделу меденого и железно(го)* [Южн. Чел. №112, л. 227], *има^г у нас* <...> *ко^мму* <...> *по семи во^г на де^м* [Южн. Чел. №58, л. 224], *гароху асмина погнила* [Южн. Чел. №143, л. 62] (вещественно-собираательные существительные в контексте паритива).

Кроме того, Г. А. Хабургаев предлагает связывать критерии односложности основы и подвижного ударения, говоря о более охотном присоединении окончания -у существительными с одно- или двусложной (при полногласии) основой с подвижным ударением, то есть при безударном окончании родительного падежа. При этом к XVI–XVII вв. круг слов расширяется: в него могут входить любые существительные мужского рода с наосновным ударением (сюда относятся все слова, у которых ударение в косвенных падежах не на окончании, т. е. не а. п. *b*), или вещественно-собираательные существительные независимо от акцентного типа [Хабургаев, 1990: 94–95]. Очевидно, что для позднего периода преимущество отдается семантическому критерию – значению вещества, а не типу ударения.

Если обратиться к материалу текстов XVII в., можно заметить, что данные критерии не работают по отдельности и даже не всегда работают в группах одного языкового уровня (то есть отдельно морфологические, семантические, синтаксические критерии).

Предположим, что на принятие существительным окончания -у влияет в первую очередь неодушевленность и мужской род. Но в таком случае пример *а бо^но^м головѣ крестьянина мое^г Фе^гки Миле^гтыва сын^у* [Южн. Чел. №92, л. 324], где существительное *сынѣ* в родительном падеже выступает с окончанием -у, окажется исключением из правила по параметру «одушевленность».

Если же мы отдадим предпочтение семантико-синтаксическим критериям, придется предположить, что окончание -у в родительном паде-

же принимают существительные, обозначающие вещественно-собира-
 тельные предметы в контексте партитива, а стандартное окончание, в
 свою очередь, характерно для существительных, обозначающих инди-
 видуальные предметы в основном значении родительного падежа. Од-
 нако из данного правила можно найти немало исключений. В памятни-
 ках встречаются существительные, обозначающие индивидуальные
 предметы в значении собственно родительного падежа с окончанием -у:
перебира^м четыре звена забору [Пам. Влад. №82, л. 159 об.], *острогу
 нть* [Пам. Влад. №103, л. 92], *а дене^с и шубы ки^ддеку не ода¹* [Южн.
 Чел. №45, л. 562]. Кроме того, есть и примеры вещественно-собира-
 тельных существительных в контексте партитива со стандартным окончани-
 ем: *принято РѣС го^{ов} ужина* [Пам. Влад. №25, л. 23], *житаря было на-
 жато* [Пам. Влад. №62, л. 33], *купи¹ <...> хоста <...> НД а^пшина* [Пам.
 Влад. №84, л. 68 об.], *умолочено того о^{са} В со^нницы* [Пам. Влад. №20,
 л. 40], *живота моего взял* [Пам. Смол. №169] (животь – «имущество»),
хль^бца упаха^м не даду^м [Южн. Чел. №58, л. 227]. Стоит, конечно, отме-
 тить, что в процентном соотношении намного больше существитель-
 ных, обозначающих индивидуальные предметы, в значении собственно
 родительного падежа выступает со стандартным окончанием, а боль-
 шинство вещественно-собира-
 тельных существительных в контексте
 партитива имеет окончание -у. Для наглядности приведем таблицу:

Семантика слова	Тексты	Значение падежа			
		Собственно родительный		Партитив	
		-а	-у	-а	-у
индивидуальные предметы	Пам. Влад.	70 (97%)	2 (3%)	–	–
	Пам. Смол.	34 (100%)	–	–	–
	Южн. Чел.	9 (75%)	3 (25%)	–	–
вещественно- собира- тельные	Пам. Влад.	3 (21%)	11 (79%)	5 (10%)	43 (90%)
	Пам. Смол.	5 (38%)	8 (62%)	4 (33%)	8 (67%)
	Южн. Чел.	2 (33%)	4 (67%)	3 (33%)	6 (67%)

Как видно из таблицы, связь семантики слова и синтаксиса отрицать нельзя: существительные, обозначающие индивидуальные предметы, действительно не могут употребляться в контексте партитива, а в одной группе текстов (смоленских) в контексте собственно родительного падежа не встретилось ни одного вещественно-собирательного существительного. В других группах текстов случаи употребления вещественно-собирательных существительных в контексте собственно родительного падежа довольно редки (например, в [Пам. Влад.] в значении собственно родительного падежа встретилось 72 слова, обозначающих индивидуальные предметы, и лишь 14 вещественно-собирательных, в [Южн. Чел.] данное соотношение – 12:6), но подобные примеры иногда встречаются: *завяски шолку звездичного* [Пам. Смол. №224], *четверть ячменю* [Пам. Смол. №244], *а грабежу <...> хльба <...> на три^мца^м ру^блевъ* [Южн. Чел. №82, л. 91]).

Несмотря на очевидную тенденцию, мы не можем вывести на основании имеющегося материала выше описанное правило, основанное на семантико-синтаксическом подходе, поскольку придется признать достаточное количество исключений из него.

Обратимся к морфонологическим критериям. Если предположить, что на более охотное принятие окончания -у влияет односложность основы в сочетании с задненебным согласным в её исходе, то и из этого правила также будет достаточное количество исключений. Во-первых, есть множество примеров, когда многосложное существительное с основой на не-заднеязычный принимает окончание -у: *куплено <...> полфунта голубцу* [Пам. Влад. №87, л. 40] (голубець – «голубая краска»), *а умолоту просу моему ис ко^нны по че^мве^рти* [Южн. Чел. №18, л. 326], *куплено <...> хворосту* [Пам. Влад. №80, л. 970], *промыслу никакова нгт* [Пам. Смол. №108], *те паны идут в государеву Порецкую волость безо всякого переводу* [Пам. Смол. №29] и др. Во-вторых, встречаются и существительные с односложной основой на заднеязычный, которые присоединяют окончание -а: *шо^а <...> ис Ку^рска* [Южн. Чел. №1, л. 125], *жил у дяха* [Пам. Смол. №78], *лоше^о ис плуга выпря^а* [Пам. Влад. №267, л. 12], *срока в том никому не давати* [Пам. Смол. №136], *от Духа деи Литовские люди пошли <...> под Москву* [Пам. Смол. №63], *о^м дгъла того круга* [Пам. Влад. №84, л. 34], *взяти съ струга* [Пам. Влад. №91, л. 563]. Стоит, конечно, отметить, что у таких существительных окончание -у более частотно. Однако обратных примеров достаточно для вывода о невозможности выведения правила, основанного лишь на морфонологических критериях.

Существительные, соотнесенные с глаголом, показывают высокий процент присоединения окончания -у. Для подтверждения можно привести следующую таблицу (в которую вошли лишь неодушевленные существительные), составленную по всем текстам вместе:

Характер существительного	Окончание	
	-а	-у
соотнесенные с глаголом	25 (13%)	167 (87%)
не соотнесенные с глаголом	194 (56%)	155 (44%)

С глаголами, как правило, не соотнесены одушевленные существительные, примеры очень редки и не являются чистыми: *обра*³ *Сн(а)са* [Пам. Влад. №243, л. 96], *твоя свѣта моего воля* [Пам. Влад. №284, л. 28а]. В данных случаях существительные с абстрактным значением принимают функцию одушевленных существительных, обозначающих индивидуальны́е предметы (лица): *Снась* = Христос (*образъ Снаса* – икона с изображенным Христом), *свѣтъ* = адресат сообщения. Точно так же редко соотнесены с глаголами существительные, обозначающие местности (исключения составляют слова *уѣздъ* и *приходъ*, но в этом значении – значении местности – данные существительные уже вряд ли соотносимы в сознании говорящих с глаголами, в отличие от тех же слов в значении «процесс по действию»). Следовательно, основой класса существительных, соотнесенных с глаголом, являются слова с вещественно-собира-тельным и абстрактным значением. Именно этим, вероятно, и объясняется высокий процент присоединения окончания -у существительными, соотнесенными с глаголом (87% неодушевленных существительных, соотнесенных с глаголом, присоединяют окончание -у). Как можно заметить, фактор приглагольности является связанным с семантикой существительного, а значит, не является самостоятельным. Но рассматривать в качестве правила только данные два фактора также не стоит, поскольку есть исключения, например: *и запоя* (и с запоя)¹ <...> *сня*³ *с меня чере*³ [Южн. Чел. №29, л. 7], *суда никому* <...> *не делати* [Пам. Смол. №86] (абстрактные существительные, соотнесенные с глаголом, с окончанием -а).

Рассмотрим влияние акцентологического критерия на принятие словом окончание -у. По трем группам текстов можно составить следующую таблицу, принимая во внимание только характер ударения существ-

¹ Здесь мы видим сращение предлога с со следующим за ним существительным запой, что является результатом ассимиляции согласных.

вительного. Процент принятия окончания -у будет для каждой парадигмы в каждой группе текстов таков:

акцентная парадигма	Пам. Влад.	Пам. Смол.	Южн. Чел.
a	49%	35%	46%
b	22%	11%	19%
c	73%	62%	71%

Очевидно, что самый большой процент принятия окончания -у действительно демонстрируют существительные а.п. *c*, а самый небольшой – а.п. *b*. Однако правило на этом основании вывести нельзя. Например, 71% существительных а.п. *c* в [Пам. Влад.] принимает окончание -у, но есть еще 29% слов, которые выступают с окончанием -а, а это был бы весьма большой процент исключений из правила. Однако если мы рассчитаем процент принятия окончания -у с учетом значения падежа, в котором слово выступает в данном контексте, и акцентной парадигмы слова, то результаты будут выглядеть иначе:

		Пам. Влад.	Пам. Смол.	Южн. Чел.
Собственно родительный падеж	а.п. <i>a</i>	34%	43%	46%
	а.п. <i>b</i>	18%	9,5%	33%
	а.п. <i>c</i>	62%	62,5%	73%
Отложительный падеж	а.п. <i>a</i>	46%	28%	40%
	а.п. <i>b</i>	6%	7%	17%
	а.п. <i>c</i>	67%	54,5%	63%
Партитив	а.п. <i>a</i>	92%	57%	73%
	а.п. <i>b</i>	69%	50%	0%
	а.п. <i>c</i>	100%	100%	100%

Здесь стоит обратить внимание на последнюю строчку. В партитиве все существительные а.п. *c* принимают только окончание -у, а это уже можно назвать настоящим правилом, но только для а.п. *c*. Для существительных других акцентных парадигм подобное правило не выводится. Как уже было замечено раньше, между семантикой слова и функцией падежа, в котором слово употребляется, есть прямая связь. Подобная связь имеется и между семантикой слова и его акцентной парадигмой, что видно из приведенной таблицы. Заметим, что на связь семантики

и акцентного типа существительных в современном русском языке обращает внимание А. А. Зализняк, отмечая следующую тенденцию: наосновное ударение чаще имеют существительные неисчисляемые, а флекссионное ударение – исчисляемые: *ча́я, лю́да, бе́га, гне́ва*, но *ножа́, кита́, пона́* [Зализняк, 2010: 471]. Акцентологический критерий предполагает более охотное принятие окончания -у существительными с безударным окончанием (то есть не а.п. *b*), а такими имеют склонность быть существительные неисчисляемые (вещественно-собирательные и абстрактные), которые, в свою очередь, предпочитают выступать в контексте паргитива. Таким образом, связанными оказываются семантический, синтаксический и акцентологический критерии.

Очевидно, что вывести правило, которое бы однозначно и без исключений работало на всем материале, трудно, и даже кажется, что это, скорее, невозможно. Однако можно составить адекватное описание материала памятников письменности, применив к нему все критерии принятия окончания -у, причем градуированно. Для этого нами было предпринято создание разветвленной классификации по всем перечисленным выше критериям, что позволило оценить каждый из них по степени влияния на присоединение нестандартной флексии. Классификация состоит из двух уровней: первый – критерии семантического и синтаксического плана, а также акцентологический критерий, тесно с ними связанный, второй – факторы морфонологического порядка. Применение разветвленной классификации к материалу памятников письменности показало, что между некоторыми факторами есть склонность усиливать друг друга. Например, одна лишь а.п. *c* не гарантирует существительному высокую степень вероятности принятия окончания -у в родительном падеже (хотя в сравнении с другими акцентными парадигмами существительные а.п. *c* имеют окончание -у чаще), но если при этом существительное соотносено с глаголом, или имеет вещественно-собирательное значение в контексте паргитива, или односложную основу на заднеязычный согласный – вероятность присоединения данным словом окончания -у вырастет заметно. Кроме того, как уже было сказано, существительные а.п. *c* в контексте паргитива дают стопроцентный результат принятия окончания -у. А некоторые факторы могут вместе и не работать, как, например, соотносённость с глаголом и значение падежа, что можно видеть из следующей таблицы (в ней представлена выборка из трех групп текстов по существительным, соотносённым с глаголом, в различных падежных контекстах, присоединяющих окончание -у):

Значение падежа	Пам. Влад.	Пам. Смол.	Южн. Чел.
Собственно родительный падеж	78%	81%	83%
Отложительный падеж	93%	77%	83%
Партитив	91%	67%	90%

Можно заметить, что самый высокий процент присоединения окончание -у существительными, соотнесенными с глаголом, в партитиве мы наблюдаем лишь в [Южн. Чел.], а для [Пам. Смол.], например, процент присоединения окончания -у при заданных параметрах оказывается самым низким. Это говорит о необходимости проверки всех критериев в различных комбинациях, что и позволяет разветвленная классификация.

Однако, даже имея в качестве инструмента подобную классификацию, мы можем говорить лишь о достаточно сильных тенденциях существительных с определенными характеристиками присоединять стандартное или нестандартное окончание. Например, по результатам анализа 588 лексем оказалось возможным выявить существительные ядерного класса принятия окончания -у и окончания -а, а также периферию: существительные более склонные к -у или к -а. Ядерным классом присоединения окончания -у являются существительные а.п. с, с односложной (или двусложной с полногласием) основой, чаще всего с заднеязычным в исходе этой основы, неодушевленные, с вещественно-собирательным или абстрактным значением, в контексте партитива, соотнесенные с глаголом. Чем больше данных характеристик имеет существительное, тем выше вероятность присоединения им окончания -у. Например: *наносом без сыску оскорблены* [Пам. Смол. №279] (*сыскъ* – существительное а.п. с, с односложной основой на заднеязычный согласный, неодушевленное, с абстрактным значением, соотнесенное с глаголом; тут шесть параметров влияют на предпочтение словом окончания -у) или *сыскал <...> меду ведра з два* [Пам. Смол. №112] (*медъ* – существительное а.п. с, с односложной основой, неодушевленное, со значением вещества, в контексте партитива; здесь пять параметров влияют на предпочтение окончания -у). В ядерный класс существительных, присоединяющих окончание -а, относятся одушевленные существительные, относящиеся к а.п. b, не соотнесенные с глаголом, с многосложной основой, выступающие в значении собственно родительного падежа, относящиеся к сакральной лексике, а также заимствованные названия месяцев и названия дней недели (всегда присоединяющие окончание -а). Например: *землю государя нашего* [Пам. Смол. №23] (*государь* – одушевленное существ-

вительное а.п. *b*, не соотношенное с глаголом, с многосложной основой, в контексте родительного принадлежности; тут четыре параметра говорят в пользу стандартного окончания) или *Боголюбова мн^етра бра^е* (бра^е – И.п. мн.ч.) [Пам. Влад. №87, л. 20 об.] (*монастырь* – существительное а.п. *b*, с многосложной основой, не соотношенное с глаголом, в значении родительного принадлежности, относящееся к сакральной лексике; здесь пять параметров обуславливают стандартное окончание). Отметим, впрочем, что есть еще три существительных, не отвечающих параметрам ядерного класса слов, присоединяющих флексию *-а*, которые во всех исследованных текстах имеют в родительном падеже именно эту флексию. Это *хлебъ* (вещественно-собирательное, с односложной основой), *овесъ* (в косвенных падежах с односложной основой, вещественно-собирательное), *дворъ* (обозначает местность, с односложной основой).

И, наконец, отметим, что для существительных, обладающих признаками, по которым они попадают в ядро присоединения стандартных окончаний или же окончания *у*, не обязательно утверждается подобное поведение во всех контекстах, но вероятность присоединения соответствующего окончания для них очень велика, хотя точно прогнозировать фактическое поведение какого-либо слова можно не всегда. Однако применять к материалу комплексный градуированный подход удобнее, чем руководствоваться одним или двумя критериями, поскольку результат дает меньшее число исключений из правила и выявляет взаимосвязь между различными факторами присоединения определенного окончания.

Список литературы

- Бромлей С. В., Булатова, Л. Н.* Очерки по морфологии русских говоров. М., 1972.
- Булаховский, Л. А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958.
- Зализняк А. А.* Труды по акцентологии. Т. I. М., 2010.
- Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 2005.
- Ломоносов М. В.* Российская грамматика. СПб., 1755.
- Марков В. М.* Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974.
- Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке. М., 2010.

Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.

Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.

Источники и сокращения

Пам. Влад. – Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984.

Пам. Смол. – Памятники обороны Смоленска 1609–1611. М., 1912.

Южн. Чел. – Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и распросные речи. М., 1993.

Сведения об авторе: Плотникова Анастасия Ильинична, аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: morolth@yandex.ru

Руеангдам Ангсана

НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ И РЕАЛИЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей статье рассматривается употребление названий предметов и реалий повседневной жизни по отношению к времени. Исследование показало, что к таким номинациям относятся существительные, в лексическом значении которых есть семантический компонент «время», и атрибутивные словосочетания с прилагательными темпоральной семантики. Многообразие лексических единиц, в семантике которых отражены представления человека о времени, свидетельствует о том, что время как важнейшая категория человеческого познания играет важную роль в концептуализации действительности.

Ключевые слова: номинации, прилагательные, атрибутивные словосочетания, темпоральная семантика, антонимы.

The article discusses the use of names of objects and realities of everyday life in relation to time. The study has shown that such nominations are nouns that have a semantic component *time* in their lexical meaning and attributive collocations with adjectives of temporal semantics. The variety of lexical items where understanding of time is reflected in their semantics suggests that the most important category of human cognition plays an important role in the conceptualization of reality.

Key words: nominations, adjectives, attributive phrases, temporal semantics, antonyms.

Обыденная, повседневная действительность – это один из показателей человеческого бытия. В языке повседневности названия предметов и реалий жизни человека часто имеют в своем значении семантический компонент «время». «Если межпредметные связи в их отношении к наблюдающему мир субъекту образуют реальную основу системы языкового времени, то и сами предметы, вступающие в такое отношение, не могут не обладать свойством временности. В этой связи вполне правомерна постановка вопроса о том, что семантическая характеристика имени должна включать временной компонент» [Кравченко, 1996: 84].

Объектом нашего исследования являются существительные, называющие предметы и реалии повседневной жизни, в словарных дефинициях которых есть идентификатор «время», а также атрибутивные словосочетания с прилагательными темпоральной семантики, указывающие на вре-

менные признаки имени, причем в ряде случаев временное значение приобретает оттенок качественности. Эти номинации представлены в разных тематических группах: одежда и обувь, еда и напитки, прием пищи, предметы мебели, светильники, приборы времени, посуда, косметика, лекарства, растения, письменные принадлежности и др.

Вещи составляют важную часть наивной картины мира. В сознании носителя языка они характеризуются как новые и старые, необходимые и ненужные. «Результат постепенного превращения вещи в негодную получает языковое выражение и при помощи темпоральных определений» [Калиткина, 2010]. Следует обратить внимание на то, что *старые вещи* и *старинные вещи*, несмотря на близость значения, имеют разные интерпретации. Темпоральное определение *старый* может иметь коннотацию «ненужный», особенно применительно к вещам: «Одно только неприятно, что тебе перешивают его старые вещи» (Василий Аксенов. Звездный билет // Юность. 1961)¹. Слово *старинный*, в отличие от слова *старый*, носит положительную оценку. *Старинные часы, старинные фотографии, старинный шкаф* – то, чем особенно дорожит человек.

Стоит вспомнить сцену из комедии А. П. Чехова «Вишневый сад»: «В а р я. Тут, мамочка, вам две телеграммы. (Выбирает ключ и со звоном отпирает *старинный шкаф*) <...>. Г а е в. Шкаф сделан ровно сто лет тому назад <...>. Можно было бы юбилей отпраздновать! <...> Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование, которое вот уже больше ста лет было направлено к светлым идеалам добра и справедливости...»

Памятые вещи – это то, что мы храним в памяти. В русском языке в близком значении употребляется также выражение *вещи из бабушкиного сундука*. Бабушкин сундук – это предмет, который связывает нас с прошлым, с молодостью наших мам и пап, бабушек и дедушек. Он пришел в нашу жизнь из вчерашнего дня, это своеобразная связующая нить между поколениями. Прилагательное *дедушкин* используется в названии напольных английских часов. Христиан Гюйгенс изобрел эти часы в 1656 г. Наименование *дедушкины часы* (*Grandfather Clock*) прижилось благодаря популярной и песне Генри Клея Уорка «Часы моего дедушки» (1876), завоевавшей популярность в Европе в 1940–1950-е гг.

Как отмечает Ю. О. Артюшина, «особенностью единиц, содержащих в своих лексических значениях семантический признак „прошлое“ яви-

¹ В статье использован ряд примеров из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

лось то, что в их семантике отражен различный характер связи прошлого и настоящего. <...> Таким образом, прошлое предстает не только как существующее, хранящееся в памяти, но и как активный компонент самой объективной действительности» [Артюшина, 2010: 14].

Эта мысль подтверждается наличием в русском языке целого ряда прилагательных с семантическим компонентом «бывший», которые образуют атрибутивные словосочетания, обозначающие предметы повседневной жизни: *ретро, антикварный, винтажный, состаренный, старомодный, бывший в употреблении (б/у), секонд-хенд*.

Антонимы приведенных прилагательных – *современный, новый*. В некоторых контекстах слово *современный* приобретает коннотацию «не представляющий ценности». Примером может служить отрывок из Живого Журнала: «Все же в *старых вещах* полно шарма, обаяния и индивидуальности. То есть всего того, чего днем с огнем не сыщешь в *современных штамповках*. Потому я решаю, что обязательно все же куплю себе *чего-нибудь антикварного*, а не современно-хэндмейдного».

К стилю *ретро* относят модные направления второй половины XIX – первой половины XX в. Более старые вещи причисляются к *антикварным*, более молодые (от 20 до 50 лет) – к *винтажным*, от 5 до 20 лет – к *секонд-хенду*, менее 5 лет считаются *современными*. К предметам в стиле ретро относят мебель, музыку, книги, картины, плакаты, автомобили, предметы домашнего обихода и т.д.

Старомодный в первом, интересующем нас значении означает «сделанный, изготовленный по старой моде, старого фасона, образца: *Старомодная шляпа. Старомодная мебель*» [Кузнецов, 1998]. Как правило, значение этого прилагательного может приобретать как отрицательную, так и положительную оценочную коннотацию. Например: «Машинально Наталья отметила старомодный и к тому же непроглаженный пиджак» (Татьяна Моспан. Подиум. 2000); «Они поселили нас в «Метрополе», дали номер люкс – роскошный, старомодный» (Людмила Лопато. Волшебное зеркало воспоминаний. 2002–2003).

Прилагательное *состаренный* расширило свою семантику, и к привычному значению «ставший старым (о человеке) от горя, болезни, времени и т.д.» прибавилось «как бы старьей, то, что специально состарили (о предмете)»: *состаренная бумага, фотография, мебель*.

Специфическим прилагательным является аббревиатура *б/у (бывший в употреблении)*, которое настолько прочно вошло в речевой обиход, что используется даже в названиях литературных произведений (ср. роман

Ольги Трифионовой «Б/у, или Любовь сумасшедших»). Синонимичными ему следует признать слова *подержанный, поношенный, секонд-хенд* (*second hand* дословно – «вторые руки») – одежда, обувь и другие вещи, бывшие в употреблении. Особо следует отметить прилагательное *бэушный*, свидетельствующее об активных словообразовательных процессах в современном языке: «Так она привлекала клиенток, пытаясь реализовать закупленные килограммами *бэушные джинсы и майки*» (Русский репортер. 27.01.2011).

Наименования одежды и обуви чаще всего связаны с временем года и временем суток. Между атрибутивными словосочетаниями, включающими прилагательные *летний, зимний, осенний, весенний*, нет точных соответствий, и в плане возможности сочетаться с тем или иным существительным, и в степени устойчивости самого сочетания. Например, в сочетании со словом *платье* только прилагательное *летний* обнаруживает относительную устойчивость, так как наиболее предсказуемо: «На ней ситцевое *летнее платье*, недорогие туфли на босу ногу» (Александр Вампилов. Прошлым летом в Чулимске. 1971).

Зимний, осенний, весенний в данном случае встречаются лишь в сфере моды в наименованиях рекламного типа, отражающих модные тенденции: «Самый модный тренд этого сезона *летний плац*, он сможет придать образу женственность и законченный вид. *Летний плац* сможет защитить от непогоды в летнее время. Отличие *летних плащей* от *обычных* – это материал, из которого их изготавливают, они, как правило, легкие: из шелка, хлопка и кружева» (www.marikonrad.ru).

Показательны также примеры в толковых словарях. Так, в Большом толковом словаре русского языка С.А.Кузнецова в словарной статье *пальто* (франц. *paleto*) – «род верхней одежды длинного покроя, обычно ниже колен, надеваемое поверх платья, костюма и т. п.» – именно *летнее пальто* приведено как иллюстрация. То же можно сказать и о номинации *зимняя шапка* (ср. *летняя панамы*). В ряде случаев можно говорить о скрытой тавтологии. Это такие словосочетания, как *летняя панамы, летние босоножки, летний сарафан, зимняя ушанка*. В Большом толковом словаре русского языка С.А.Кузнецова *панамы* (франц. *Panama*) определяется как «плетеная или матерчатая *летняя шляпа*»; *босоножки* – как «легкие *летние туфли* с открытым верхом, обычно без задника». В Новом словаре русского языка Т.Ф.Ефремовой сарафан определяется как *легкое* (то же, что летнее) женское платье без рукавов; *ушанка* – как «*зимняя шапка с ушами*».

Как мы видим, преобладают словосочетания с прилагательными *летний* и *зимний*, причем отношения антонимии возникают лишь в нескольких случаях: *летняя* и *зимняя* одежда; *летняя* и *зимняя* обувь; *летние* и *зимние* сапоги. Иной семантический объем имеют данные прилагательные в номинациях *летняя форма* и *зимняя форма*. Переход на зимнюю форму одежды в армии обычно проводится в середине октября, на летнюю – в середине апреля. Это правило с юмором обыгрывается в следующем отрывке: «В армии не существует *демисезонной формы одежды* – следовательно, деревья должны либо дружно зеленеть, либо молча стоять голыми» (Виктор Шендерович. «Ты помнишь наши встречи?»). Мемуары сержанта запаса). Слово *демисезонный* происходит от франц. *demisaison* – переходное время года и означает «предназначенный для носки весной и осенью (об одежде, обуви). *Демисезонное пальто. Демисезонные сапоги*» [Кузнецов, 1998]. Пик употребления этого слова по данным Национального корпуса русского языка пришелся на 1950–1960-е гг. Сейчас оно звучит достаточно архаично: «На мне *демисезонное пальто* – это неуклюжее слово я узнал совсем недавно, когда пальто было куплено, само пальто такое же тяжелое, неудобное» (Павел Мейлахс. Отступник // Звезда. 2002).

По отношению к времени суток определяются в основном предметы одежды. Здесь также нет симметрии в отношении семантики и словообразования. Так, *утренний туалет* и *вечерний туалет* могут быть противопоставлены по признаку «утро-вечер», однако *вечерний туалет, вечернее платье, вечерний костюм* называют одежду, предназначенную для торжественных и праздничных мероприятий, и семантический компонент *вечер* здесь ослаблен: «Дамам не очень жарко, потому что под шубой вечернее платье с открытой спиной» (Домовой. 2002.02.04). *Утренний туалет* носят дома. Прилагательное *повседневный (повседневное платье, повседневный костюм)* является производным от слова *день* в значении 1 «часть суток, промежуток времени от утра до вечера» и является синонимом *будничный, на каждый день*. Таким образом, выстраиваются следующие отношения: *утренний – вечерний = домашний – праздничный; вечерний – повседневный = праздничный – будничный*.

Существуют лексикографические показатели устойчивости приведенных атрибутивных словосочетаний. Например, словари и энциклопедии моды включают словосочетания классификационного характера. *Вечернее платье* относят к видам платья, которое «предназначено для торжественных и праздничных мероприятий. Оно, как правило, имеет длину до пола и часто указывается в качестве дресс-кода» (www.wiki.wildberries.ru).

В Большом толковом словаре русского языка С. А. Кузнецова *туалет* (франц. *toilette*) определяется как «наряд, одежда». Именно *вечерний туалет* приведен в словарной статье как иллюстрация. Рассмотрим номинацию *утренний халатик (пеньюар)*. В толковом словаре иностранных слов *пеньюар* (фр. *peignoir* < *peigner* причесывать) определяется как «утреннее женское платье, род капота из легкой ткани» [Крысин, 1998]. В XIX в. название *утренний халатик* употреблялось и в отношении мужчины. Например: «Владимирко, одетый уже в свой *утренний халатик* и прятавшийся до этого времени в соседней комнате, услышав распоряжение отца о чемоданах, решился наконец победить свою застенчивость и, к изумлению всех, очутился вдруг в кабинете отца, на столе возле сестры» (И. В. Омулевский. Шаг за шагом. 1870). В это же время использовалось словосочетание *утреннее платье*: «Ее свежее лицо, блестящие глаза, убор волос и щегольское *утреннее платье* не показывали, чтобы невестку разбудили, чтобы она вскочила со сна и, не выспавшись, неприбравшись, неряхой прибежала к своему свекру» (С. Т. Аксаков. Семейная хроника. 1856).

Приметами позапрошлого века являются также номинации *ночной колтак* и *ночной чепец*. В Большом толковом словаре русского языка С. А. Кузнецова *колтак* (тюрк. *калтак*) определяется как «головной убор остроконечной, овальной и т. п. формы». Именно *ночной колтак*, мужской головной убор для сна, приведен в словарной статье как иллюстрация. *Ночной чепец (чепчик)* – легкий женский головной убор, обычно в виде капора, который носили в XVIII–XIX вв. Сейчас эти предметы практически вышли из употребления, но, читая русскую классику, мы часто встречаемся с ними. *Ночная рубашка* (женская или детская) в прежние времена была предметом и мужской одежды. В современном русском языке наряду со словосочетанием *ночная рубашка* используется разговорный вариант *ночнушка*. К ночному времени жизни человека относятся также *ночник*, или *ночной светильник* – «маленький светильник, дающий слабое освещение и зажигаемый на ночь» [Кузнецов, 1998], словосочетание *ночной горшок* и его синоним – устаревшее *ночная ваза*.

В качестве универсального обозначения предметов обихода применяется существительное *неделька* – «комплект из семи каких-либо однородных предметов, предназначенных для ношения или использования в каждый из дней недели» [Ефремова, 2000].

Семантический компонент «время» выявляется в составных наименованиях еды и напитков. Продукты называют *вчерашними*, если они были

приготовлены или куплены вчера. *Вчерашний хлеб оказался черствым. На столе я нашел остатки вчерашнего ужина* [Дмитриев, 2003]. Возникает семантическая оппозиция *вчерашний – свежий*. Прилагательное *свежий* имеет множество значений. Одно из них – «недавно добытый или приготовленный; не испортившийся. *Свежее мясо. Свежее масло. Свежая рыба. Свежий хлеб*» [Кузнецов, 1998]. Попутно можно упомянуть не относящиеся к сфере еды, но выражающие реалии повседневной жизни выражения *свежие цветы* (только что сорванные, срезанные) и *свежий номер журнала* (недавно или только что появившийся). Исключением является словосочетание *вчерашние щи*. Щи всегда ценились именно *вчерашние*. В 1904 г. они стоили на копейку дороже *сегодняшних*, а в ресторане «Медведь» в Питере – на целый рубль (www.povarenok.ru). *Суточные щи* – кулинарный термин, обозначающий суп из квашеной капусты, выдержанный в печи в течение суток после приготовления.

Продукты, срок хранения которых истек, называют *просроченными*: *просроченный кефир, просроченное молоко* (но не *просроченный хлеб, просроченное мясо*, так как они должны быть «первой свежести»).

Протяженность во времени выражается прилагательными с семантическими компонентами «долго» и «быстро», такими, как *долгоиграющий* и *быстрорастворимый*. В разговорной речи используются выражения *долгоиграющее молоко, долгоиграющая конфета* (обычно карамель или леденец), по аналогии с *долгоиграющей пластинкой*. В Словаре московского арго В. С. Елистратова *долгоиграющий* определяется как «длящийся продолжительное время, долго не кончающийся, с длительным сроком хранения». Прилагательное *быстрорастворимый* (*кофе, желатин, чай*) означает «способный быстро растворяться в воде или в какой-либо иной жидкости». Герметически закрывающийся сосуд, предназначенный для ускоренного приготовления пищи, именуется *скороварка*. В области косметики и медицины также используются наименования, связанные с длительностью времени: *стойкая (долгостойкая) и нестойкая краска (помада, тушь). Быстродействующее и долгодействующее (продолгованное) лекарство*.

Еда, приуроченная к какому-либо дню, обычно праздничному, определяется прилагательным, производным от названия праздника: *рождественский пирог (пай), пасхальный хлеб (кулич) и пасхальные яйца*. С праздничным временем связано и устойчивое словосочетание *новогодняя елка* – «елка, срубленная и украшенная к празднику Рождества или Нового года» [Кузнецов, 1998].

В русском языке представлены следующие наименования приема пищи или еды, предназначенной для приема пищи в зависимости от времени суток: *завтрак, второй завтрак, ланч, обед, полдник, ужин, вечеря*. Представляет интерес этимология некоторых номинаций. Так, *завтрак* – общеславянское, суффиксальное производное (суф. -ък-) от *за утра*, ср. *загрювок < за гривой*. Первоначальное *заутръкъ > заутрок > завтрак* – после изменения *у > в* (см. *завтра*) и закрепления аканья на письме. Исходно – «завтра», затем – «утренняя еда» (ср. аналогичные *полдник, вечеря* «ужин»).

Ужин – общеславянское, суффиксальное производное от *угъ* – «юг, полдень». Исходное значение – «полдник» [Шанский, 2004]. Слово *вечеря* является устаревшим и употребляется только в составе выражения *тайная вечеря* – «последняя трапеза Иисуса Христа с учениками накануне его гибели, во время которой он – по христианскому преданию – установил таинство причащения, предсказал предательство Иуды и отречение апостола Павла» [Ефремова, 2000].

Слова *кофе* и *чай* в Большом толковом словаре русского языка С. А. Кузнецова в одном из значений определяются как «питье такого напитка». В этом значении они входят в устойчивые словосочетания *утренний кофе, утренний чай, вечерний чай*.

Неотъемлемой частью жизни человека являются часы. Слово *часы* образовано путем метонимического переноса от *час*. По данным этимологических словарей, *час* – суффиксальное производное от *чати*, давшего позже *чаяти* – «ждать». Слово *час* исходно значило «время». Аналогичное развитие значения отмечается в слове *год* – «время» (ср. *погодить, ждать*). Названия видов часов классифицируются: а) по их назначению: *башенные, карманные, каминные, наручные, настольные, настенные, или стенные, напольные, будуарные, дилижансные* (выполнявшие функцию дорожных часов для состоятельных путешественников, отсюда пошло их распространенное название – *каретные часы*); б) по принципу измерения времени: *песочные, механические, маятниковые, кварцевые, электронные, цифровые*. Среди названий других приборов времени наиболее употребительны *хронометр* (от др.-греч. *hronos* – время и *metros* – измеряю) – часы с особо точным ходом и *таймер* (англ. *timer < time: время*) – бытовой прибор, автоматически отсчитывающий заданное время и сигнализирующий о его наступлении [Ефремова, 2000].

В заключение приведем несколько интересных названий письменных принадлежностей. *Вечное перо* – перьевая автоматическая ручка. Это ус-

таревшее до недавнего времени выражение, на наш взгляд, вновь актуализировалось. Это подтверждает следующий текст: «В наше время <...> перьевая авторучка не стала менее актуальной. Даже Билл Гейтс, который любое слово предпочитает набрать на клавиатуре, нежели написать от руки, всегда имеет при себе „вечное перо“. Как справедливо подметили французы, образ складывается из мелочей» (www.continent.kz/ 2002/02/18).

Слова *дневник* и *ежедневник* при кажущейся тождественности значений (общая сема – «ежедневные записи») нельзя считать синонимами, так как они называют предметы с разным функциональным назначением: *дневник* – для записи наблюдений, *ежедневник* – для организации информации.

Вслед за Ю. О. Артюшиной следует признать, что «многообразие и разнородность лексических единиц, в семантике которых зафиксированы представления человека о времени, свидетельствует о том, что время как фундаментальная категория человеческого познания непосредственно участвует в категоризации человеком различных явлений действительности, и это находит отражение в языке» [Артюшина, 2010: 10].

Как мы видим, временной компонент часто входит в содержательную структуру слов, не имеющих основного лексического значения времени. В семантике этих языковых единиц может быть выражено психологическое представление человека о времени и его роли в повседневной жизни.

Список литературы

- Артюшина Ю. О. Эмотивы с темпоральным компонентом значения в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010.
- Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.
- Википедия. Свободная энциклопедия: [Электронный ресурс]. <https://ru.wikipedia.org/wiki>
- Глоссарий.ru: [Электронный ресурс]. www.glossary.ru
- Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка. М., 2003.
- Елистратов В. С. Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.). М., 2000.
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.

Калиткина Г.В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Томск, 2010.

Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 1996.

Национальный корпус русского языка: [Электронный ресурс]. www.ruscorpora.ru/search-main.html

Серафимов В.В., Лермантов В.В. Часы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 82 т. и 4 доп. т. Т.39. М., 2001.

Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н.М.Шанский, Т.А.Боброва. 7-е изд., стереотип. М., 2004.

Сведения об авторе: Руеангдам Ангсана, аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: natty_hugo@hotmail.com

А.Е.Петренко

ОЦЕНОЧНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ВИЛЬГЕЛЬМ АНГЛИЙСКИЙ»)

В статье на материале старофранцузского романа XII в. «Вильгельм Английский» рассматриваются способы репрезентации оценки в речи, исследуется характер отношений субъекта и действительности в определенных исторических условиях, заданных социумом и различными факторами его развития. Функционально-семантический анализ оценочных прилагательных, представленных в тексте романа, помогает выявить некоторые особенности средневекового менталитета.

Ключевые слова: языковая картина мира, оценка, оценочные прилагательные, менталитет, Средневековье, «Вильгельм Английский».

This research, based on the novel «Guillaume d'Angleterre», is devoted to the methods of representing evaluation in speech. This article also focuses on the relationship between the human subject and reality under certain historical conditions, predetermined by the social environment and different factors of its development. The functional-semantic analysis of evaluative adjectives, represented in the text of the novel, is useful to bring to light several features of medieval mentality.

Key words: linguistic map of the world, evaluation, evaluative adjectives, mentality, the Middle Ages, William of England

Язык как зеркало человеческой деятельности наполнен эмоциями. Чувства и ощущения, которые испытывает современный человек, были знакомы и нашим далеким предкам. Речь идет о самых распространенных эмоциях: горе и радость, ненависть и любовь, тоска и воодушевление. Так, можно сказать, что человечеством накоплен богатейший эмоциональный опыт, который, в свою очередь, свидетельствует об универсальности людских эмоций.

В лингвистике опыт той или иной языковой общности представлен категорией оценки. Изучением оценочного потенциала занимаются на протяжении многих столетий не только лингвисты – категория оценки вызывает интерес специалистов в области философии и логики. Однако в последние десятилетия, когда изучение процессуальных характеристик мира приходит на смену предметно-пространственному описанию [Кац-

нельсон, 1972] и «онтология происходящего моделируется в виде системы концептов, реконструируемых по данным языка» [Арутюнова, 1988: 102], исследование оценок приобретает особую актуальность.

Оценочный лингвистический материал – это сложная, многоаспектная, многоуровневая незамкнутая структура. Именно в силу своей субъективности он представляет интерес для анализа в любой период жизни языка. Изучение способов репрезентации оценки в речевом акте является эффективным методом для выявления и описания характера отношений субъекта и объекта в конкретных историко-социальных условиях. Так, оценка, находящая отражение в тексте, дает возможность сделать выводы относительно мировоззрения и менталитета создателей текста.

Необходимо отметить, что само понятие «оценка» обсуждается в научной лингвистической литературе с разных точек зрения. Само содержание термина, его объем, природа и классификация языковых оценок, статус оценки как лингвистической категории – все эти аспекты находят отражение в различных лингвистических теориях.

Дж. Мур, А. А. Ивин, Н. Д. Арутюнова с логико-философских позиций исследовали связь чисто лингвистических и аксиологических аспектов, выявляющуюся при анализе языковых единиц и конструкций.

Е. М. Вольф, Е. В. Клобуков, Т. В. Маркелова рассматривают категорию оценки как функционально-семантическую и концентрируются на отборе и изучении различных языковых средств, имеющих оценочный потенциал.

В. И. Шаховский, В. Н. Телия, Ю. Д. Апресян, Г. Н. Скляревская как представители функционально-прагматического подхода изучали трудности употребления оценочных средств языка.

В лингвокогнитивном аспекте оценка рассматривается как один из структурных элементов языкового сознания (Н. В. Уфимцева, О. А. Голубкова), а также как фактор, составляющий «ценностную картину мира» (Ю. Н. Караулов, Е. С. Яковлева).

Таким образом, стоит отметить, что категория оценки остается гораздо более исследованной с лингвистических позиций, но малоизученной с точки зрения когнитивных языковых механизмов.

Комплексный анализ оценочных средств (то есть изучение оценки одновременно как мыслительной и языковой категории) представляется наиболее эффективным, поскольку основополагающими в системе языка являются общие механизмы, которые они отражают, – принципы организации, исконно присущие человеческому сознанию. Как замечает лин-

гвист Л. А. Сергеева, «особенности семантики языковых единиц, сложившиеся в процессе исторического развития какого-либо одного языка, не только не становятся преградой для единого и универсального процесса познания, протекающего в языковой форме, но и участвуют в его создании» [Маркелова, 1995: 3].

Среди всех оценочных средств наиболее обширный класс представляет собой имя прилагательное. Семиологически признаковое, оно обозначает свойства, отношения, качества, параметры, состояния. Эти характеристики отражают как внешний мир, так и его ценностное восприятие человеком. Отношение субъекта к окружающей его объективной действительности имеет, как правило, аксиологический характер, так как «выражая те или другие мнения о мире, человек постоянно налагает на него светотеневую сеть общечеловеческих и индивидуальных представлений о добре и зле (хорошем и плохом)» [Арутюнова, 1982: 6]. Т. В. Маркелова отмечает, что «оценочные прилагательные <...> наиболее способны к выражению интенсификации эмоционально-оценочного состояния говорящего по шкале оценок, приспособлены для передачи желания говорящего выразить в речевом акте свое психическое состояние» [Маркелова, 1995: 72]. Так, именно прилагательное является частью речи, наиболее удобной для оценочной характеристики объекта.

В соответствии с различными подходами в изучении категории оценки разрабатывались и различные классификации оценочных средств. Наиболее полной в логико-семантическом аспекте представляется классификация, предложенная Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1988]. Все многообразие оценочных значений в языке ученый делит на два основных типа: общеоценочные и частнооценочные. Общеоценочным значением выражается аксиологический итог. В языке, как правило, оно реализуется с помощью прилагательных «плохой» и «хороший» и их синонимов.

Частнооценочные значения образуют более обширную и разнообразную группу: они служат для оценки объекта лишь в определенном аспекте. Н. Д. Арутюнова выделяет следующие группы частнооценочных значений: сенсорные, психологические, сублимированные, рационалистические.

Сенсорные оценки выражают чувства, возникающие в человеческом сознании при восприятии объекта органами чувств (возможны оппозиции «приятный – неприятный», «вкусный – невкусный» и пр). Данный вид оценки является наиболее индивидуализированным.

Психологические оценки, в свою очередь, подразделяются на интеллектуальные («умный – глупый», «информативный», «скудный») и эмоциональные («забавный», «смешной», «грустный»).

Сублимированные оценки можно разделить на эстетические и этические. В основе эстетической оценки лежит синтез сенсорного и психологического восприятия и оценки. Данная группа обозначает эмоциональные и ментальные впечатления от восприятия («приятный», «милый», «привлекательный», «страшненький»). Этическая же оценка обозначает реакцию нашего сознания, которая опирается на социально обусловленные представления о нормах морали, добре и зле («приличный», «порядочный», «недостойный»).

Рационалистические оценки неразрывно связаны с практической деятельностью, а также с интересами человека и его ежедневным опытом. Основными категориями являются польза (как физическая, так и психологическая), устремленность к достижению какой-либо цели, осуществление некоторой функции (в соответствии с заданным стандартом). В этой группе мы можем выделить утилитарные оценки («практичный – непрактичный», «удобный – неудобный»), нормативные оценки («правильный – неправильный»), телеологические («эффективный», «удачный», «целесообразный»).

Т.В. Маркелова, изучая семантику оценки и средства выражения оценочного значения в высказывании на синтаксическом, лексическом, деривационном уровнях, предлагает функционально-грамматическую трактовку оценочных высказываний и слов с оценочной семантикой. По наблюдениям исследователя, имена прилагательные неоднородны по языковой репрезентации. Одни прилагательные содержат в себе оценочную функцию, другие приобретают ее в контексте, третьи же обладают оценочным компонентом в виде семы или семемы непосредственно в семантической структуре лексического значения [Маркелова, 1995].

Памятники средневековой литературы являются теми немногочисленными источниками, которые дают современному исследователю возможность проанализировать картину мира средневекового человека.

Известно, что одной из характерных черт средневекового мировоззрения является его крайняя иерархичность и упорядоченность: средневековый человек полагал, что роль и место всех вещей и явлений указана Богом, раз и навсегда. У каждой вещи, живой или неживой, есть свое, только ей предназначенное место в мироздании, свои права и обязанности. В обществе, как во Вселенной, есть раз и навсегда заведенный поряд-

док. Военное сословие должно защищать и сражаться, духовное – молиться, податное – работать. Каждое сословие, по устойчивым представлениям, имело свое «лицо». Клирики были мудры и праведны, воины храбры и честны, «благородны», крестьяне – грубы, неотесанны, часто лживы или недалеко умом. Из таких представлений складываются устойчивые типажи, которые находят свое отражение в литературных памятниках

Роман «Вильгельм Английский», условно приписываемый перу самого известного мастера рыцарского романа в старофранцузский период Кретьена де Труа, является нестандартным во многих аспектах и представляется интересным материалом для изучения картины мира средневекового человека. Он был написан в 1165 г., в исторический период, ознаменованный развитием городов и появлением нового сословия – горожан. Горожане промышляли торговлей и ремеслом, жили своим особым миром, сильно отличающимся от мира деревни и мира воинов, и ставили его намного выше крестьянского.

Лексический материал «Вильгельма Английского» крайне интересен для исследования, в романе отражены как традиционные аспекты жизни средневекового человека (религия, феодальные, куртуазные отношения), так и зарождающиеся с развитием городов сферы (правовые отношения, коммерция).

Именно в силу своей субъективности наиболее интересным для изучения представляется оценочный материал: положительная и отрицательная оценка и ее градации связаны с общественными идеалами и системой ценностей и отражают особенности средневекового менталитета.

При исследовании материала, представленного в тексте романа, целесообразным видится анализ оценочного потенциала прилагательных в соответствии с двумя классификациями – логико-семантической (Н. Д. Арутюнова) и функциональной (Т. В. Маркелова). Если совместить эти классификации, то можно отметить, что класс общеоценочных прилагательных («хороший – плохой» и их градации) составили прилагательные, изначально оценочные по своей функции, класс же частнооценочных прилагательных наполняют прилагательные с меньшим оценочным потенциалом, оценочные лишь в одном из своих лексических значений или вовсе не оценочные, но выполняющие функцию оценки только в контексте. Цель нашего исследования – выявление оценочного компонента у прилагательных, не являющихся изначально оценочными, но приобретающих функцию оценки в контексте или имеющих оценоч-

ную сему в своем значении. Именно такие прилагательные оказываются наиболее репрезентативными для анализа картины мира.

Если попытаться дать общую характеристику оценочной лексики романа, можно было бы сказать, что материал скуден и обширен одновременно. Методом сплошной выборки из текста романа приблизительно 65% прилагательных были выделены как оценочные. Прилагательное *grant* – самое частотное в романе, оно составляет приблизительно 36% всех оценочных прилагательных, хотя изначально оценочным не является. Само по себе оно имеет усилительное значение и употребляется как оценочное только в соответствующем контексте в паре с существительным.

Сравним: словосочетание *grant humilité* («великое смирение») имеет этическую оценку, смирение – одно из важнейших качеств доброго христианина, бесспорная добродетель; в том же контексте встречаем *grant deboinaireté*, что, по сути, не является этической оценкой, а приобретает этический смысл именно в авторском контексте. Этимологически *deboinaireté* имеет значение «высокое, знатное происхождение», но в контексте оно используется вместе с усилителем *grant* и приобретает этическое значение «честный, благородный». В старофранцузский период за *deboinaireté* закрепляется значение «благородство». В качестве синонимов с этической оценкой можно привести словосочетания *de bons issu* и *de boine orine* («высокого происхождения»), в которых общеоценочное прилагательное *bon* приобретает этический смысл добродетели. Также в значении «честный, благородный» употребляется прилагательное *haus* («высокий»), которое, как и *grant*, не имеет оценочных сем в своем значении, но становится оценочным только в контексте. Синонимичный смысл приобретают словосочетания *haus home (haute signor)* и *frans home* в значении «высокородный, благородный, честный человек», хотя *frans* изначально – семантически – является оценочным. Итак, можно сделать вывод о том, что в средневековом сознании высокородный господин считается добродетельным от природы. В средневековой картине мира знатность и чистота крови – залог праведной жизни в соответствии с этическими идеалами общества.

С прилагательным *grant* встречаем и метафорическое словосочетание *grant cuer* – «доброе сердце», здесь усилитель также приобретает этический смысл. Эмоциональную оценку *grant* несет в словосочетаниях *grant amor*, *grant cierté* («дорожить», *tenir en...*), *grant joie*, *grant pités* («жалость») и имеет значение «великий, сильный». Словосочетание *grant*

droit употребляется в значении «полное право» и приобретает нормативную оценку.

Прилагательное *grans* также может иметь утилитарную оценку в сочетаниях *grans biens* («большое богатство») и *grans pooir* («большое могущество»), сенсорную оценку в контексте *grand paine* («сильная боль»), интеллектуальную – *grant fable* («длинный рассказ», т. е. рассказ информативный). Так, мы видим, что для языка средневекового автора характерно многократное использование одного прилагательного в контекстах с различными оценками: с одной стороны, можно говорить об однообразии средств выражения оценки в старофранцузском тексте, а с другой – о достаточно глубоком мировосприятии средневекового человека, ведь за употреблением прилагательного, не обладающего оценочным потенциалом, именно в качестве оценочного стоит большой психологический, интеллектуальный, этический, сенсорный опыт. Общественные идеалы еще не находят четкого выражения в языке, но, читая средневековый памятник, мы видим попытку автора во всей полноте отразить окружающую его действительность, включая новые сферы общественной парадигмы, такие, как правовые отношения.

В тексте романа встречаем антонимическую пару *boine orine* («высокое происхождение») и *pute orine* («низкое происхождение»), если *boine* – общеоценочное прилагательное, то *pute* имеет только оценочную сему «грязный», «дурной», и его употребление, скорее, характерно для словосочетания *pute affaire* с этической оценкой («грязное, несправедливое дело») или *pute beste* (проклятие с эмоциональной оценкой: «проклятый зверь»). В сочетании *pute orine* оценка сближается с этическими идеалами общества, человек низкого, грязного происхождения считается грубым и несправедливым от природы, от низкородных в обществе не ждали благородных поступков. Такое значение *pute* сближает его с прилагательным *vilain* (изначально «присущий простолюдину, городской, низкородный»), которое тоже может содержать в себе сему этической оценки в зависимости от контекста. Например, встречаем *vilain* в религиозном контексте в сочетаниях *covoitise vilaine* («греховная алчность») или *vilain iriés* («греховный гнев»). Так, мы видим, что в картине мира средневекового человека отождествляется низкородное, грубое в своих проявлениях и этически неправильное, религиозное сознание стремится разграничить греховное и праведное.

Интересно отметить употребление прилагательного *loial* с этической и нормативной оценкой в различных контекстах. Изначально данное

прилагательное имело лишь значение «верный закону, лояльный», но в словосочетании *consel loial* («хороший, мудрый, правильный совет») мы видим нормативную оценку, а в словосочетании *loial home* («законопослушный, правопорядочный, верный, праведный человек») – этическую; *loial* приобретает общий этический смысл – это не только верность закону, но и целый комплекс норм поведения в обществе.

Рассмотренные и другие примеры приведены в сводной таблице.

	Прилагательное	Примеры	Перевод	Тип оценки	Функциональная репрезентация в тексте
1	grant	grant folie	большое безумие	этическая	контекст
		grant desroi	сильный беспорядок	утилитарная	контекст
		grant humilité	великое смирение	этическая	контекст
		grant deboinaire-té	большое благородство	этическая	контекст
		grant fain	сильный голод	сенсорная	контекст
		grans pités	великая жалость	эмоциональная	контекст
		grant joie	большая радость	эмоциональная	контекст
		grant fable	длинный рассказ	интеллектуальная	контекст
		moult grant aleure	очень быстрый ход (повествования)	сенсорная	контекст
		grant biauté	сильная красота	эстетическая	контекст
		grant merveille	великое чудо	эмоциональная	контекст
		grant cuer	большое сердце	этическая	контекст
		grant duel	великий траур	эмоциональная	контекст
		(tenir en) grant cierté	сильно дорожить	эмоциональная	контекст
		grant angoisse	сильная тревога	эмоциональная	контекст
		grant amor	сильная любовь	эмоциональная	контекст
		grant honte	великий стыд	эмоциональная	контекст
		grant droit	полное право	нормативная	контекст
		grans biens	большое имущество	утилитарная	контекст

	Прилагательное	Примеры	Перевод	Тип оценки	Функциональная репрезентация в тексте
		grant redout	большое сомнение	интеллектуальная	контекст
		grant pooir	большое могущество	утилитарная	контекст
		grant paine	сильная боль	сенсорная	контекст
		li orés si grans et si desmesurés	такие долгие и беспрестанные молитвы	телеологическая	контекст
		moult grant anui	большие неприятности	общеоценочное	контекст
2	boin / buen / boine	bone parole veritable	правдивое слово	нормативная	оценочная сема
		boine crestiiene	добрая христианка	этическая	оценочная сема
		boine creance	сильная вера, религиозность	нормативная	оценочная сема
		boin cuers	доброе сердце	этическая	оценочная сема
		moult boin gré	добрая воля	этическая	оценочная сема
		de bons issu	благородное происхождение	этическая	контекст
		boine orine	благородное происхождение	этическая	контекст
		boin ami	хороший друг	общеоценочная	функционально оценочное
		boine dame	добрая дама	этическая	оценочная сема
		boine aventure	удачное приключение	телеологическая	оценочная сема
		boine part	большая часть	утилитарная	оценочная сема
		boin service	добрая услуга	этическая	оценочная сема
3	biau / bel	feme bele	красивая женщина	эстетическая	функционально оценочное
		bele dame	красивая дама	эстетическая	функционально оценочное
		route moult bele	легкая дорога	утилитарная	функционально оценочное
4	mauvais / mal	mauvais conseil	плохой совет	общеоценочная	функционально оценочное
		mal eur	недобрый час	общеоценочная	функционально оценочное

	Прилагательное	Примеры	Перевод	Тип оценки	Функциональная репрезентация в тексте
		mau gré	злая воля	этическая	оценочная сема
		mal bouce	лживый язык	этическая	оценочная сема
		mauvaise nature	дурное происхождение	общеоценочная	функционально оценочное
5	loial / loiaus	consel loial	правильный совет	нормативная	контекст
		loial home	порядочный, праведный человек	этическая	контекст
6	desloial / desloiaus	covoitise desloiau	греховная алчность	этическая	контекст
		moult desloial vie	неправедная жизнь	этическая	контекст
7	put / pute	<i>pute orine</i>	низкий род, грязное происхождение	этическая	контекст
		<i>pute beste</i>	проклятый зверь	эмоциональное	контекст
		put affaire	грязное дело	этическая	контекст
8	vilain / vilaine	covoitise vilaine	греховная алчность	этическая	контекст
		villain iriés	греховный гнев	этическая	контекст
9		la roine debonnaire	благородная королева (происхождение)	утилитарная	оценочная сема
10		haus home	высокородный человек	утилитарная	оценочная сема
		haut signor	высокородный феодал	утилитарная	контекст
11		rices avoirs	богатое имущество	утилитарная	оценочная сема
		rices marceant	богатый купец		оценочная сема
12		sage povre	бедный мудрец	утилитарная	оценочная сема
		povre dame	несчастливая дама	эмоциональная	оценочная сема
13	sage	feme sage	мудрая женщина	интеллектуальная	оценочная сема
		la dame sage et viseuse	мудрая и дальновидная	интеллектуальная	оценочная сема
14	cier / cier	ciere dame	милая дама	эмоциональная	контекст

	Прилагательное	Примеры	Перевод	Тип оценки	Функциональная репрезентация в тексте
		ciers et millors avoirs	ценное имущество	утилитарная	оценочная сема
15	frans	frans hom	честный человек	этическая	оценочная сема
		cambre franc	чистая комната	утилитарная	оценочная сема
16	droit / droite	la plus droite voie	самая прямая дорога	утилитарная	оценочная сема

Исходя из анализа оценочных прилагательных, можно построить ряды контекстуальных синонимов:

Хороший человек: смиренный, благородный, честный, высокородный.

Плохой человек: грубый, низкородный, грешный, неверный.

Такое деление является традиционным для средневекового человека, но не совсем типичную оценку в тексте романа приобретают прилагательные *rices* («богатый») и *povre* («бедный»). С развитием коммерческих отношений в памятниках начинает фигурировать образ купца – не такой однозначный, как образ благородного феодала или низкородного горожанина. В «Вильгельме Английском» купцы совершают *pute affaire* («грязное дело»), крадут королеву у короля Вильгельма, но обладают *rices avoirs* и *grans biens*, то есть богаты, что, безусловно, в сознании средневекового человека является благом, даром, посланием Бога. Итак, имущественными благами обладает тот, кто живет честной и праведной жизнью, имеет благородное происхождение, законопослушен, верен, умен и мудр (*sage*). Однако в тексте романа встречаем словосочетания *rices fol* («безумный богач») и *sage povre* («бедный мудрец»), что ставит под сомнение предыдущий тезис. Из такого нетипичного примера можно сделать вывод о том, что материальный статус – сфера неоднозначная, еще не укрепившаяся в парадигме общественных идеалов, он не воспринимается как непререкаемая заслуга самых достойных и праведных.

Приводя в пример все вышесказанное, можно сделать вывод о цельности, синкретности средневекового мировоззрения. Средневековая картина мира трудно поддается расчленению, и мы видим, что одни и те же прилагательные употребляются для оценки различных явлений и качеств в жизни социума.

Цельность миросозерцания этой эпохи, однако, ни в коей мере не предполагает его гармоничности и непротиворечивости. Контрасты веч-

ного и временного, священного и греховного, души и тела, небесного и земного, лежащие в самой основе этого мирозерцания, были укоренены в социальной жизни эпохи – «в непримиримых противоположностях богатства и бедности, господства и подчинения, свободы и несвободы, привилегированности и приниженности» [Гуревич, 1972: 6].

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982.
- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988. 340 с.
- Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. JL: Наука, 1972. – 216 с.
- Маркелова Т.В.* Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1995. №3. С. 67–79
- Сергеева Л.А.* Проблемы оценочной семантики: Монография. М., 2003.

Сведения об авторе: Петренко Анастасия Евгеньевна, аспирант кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: menestrelka@mail.ru

О.А. Мальцева

АМБИВАЛЕНТНАЯ СИМВОЛИКА В НАЧАЛЬНЫХ СТИХОТВОРЕНИЯХ ЦИКЛА Б. ПАСТЕРНАКА «НЕСКУЧНЫЙ САД»

В статье анализируются шесть вступительных стихотворений к гиперциклу Б. Пастернака «Нескучный сад» из его поэтической книги «Темы и вариации» (1916–1922). Рассматривается явление амбивалентности ведущих здесь образов, общих с предыдущей книгой поэта «Сестра моя – жизнь. Лето 1917 года». Особое внимание уделяется развитию духовно-нравственного конфликта в жизни лирического героя.

Ключевые слова: Б. Пастернак, цикл, символ, амбивалентность, библейские мотивы.

The present article gives analysis of introductory poems to the hypercycle “Neskuchny Garden” from the poetic book “Themes and Variations” (1916–1922) by B. Pasternak. Ambivalence of the principal symbols connected with Pasternak’s previous book “My Sister Life. The Summer of 1917” is investigated. Special attention is paid to dynamics of spiritual and moral conflict in the lyrical hero’s life.

Key words: B. Pasternak, cycle, symbol, ambivalence, biblical motifs.

Книга стихов Б. Пастернака «Темы и вариации», по замыслу поэта, сначала должна была называться «Обратной стороной медали», т. е. обратной стороной предыдущей книги «Сестра моя – жизнь. Лето 1917 года»¹. Действительно, по словам Б. Пастернака, «вдохновение „утра революции“ 1917 г. сменяется здесь переживанием противоположных ее проявлений, а именно: „тягостными“ мыслями о судьбе России, поражении в Первой мировой войне, жестокостях военного коммунизма, душевным мраком и тяжело переживаемым концом любви»².

Явление амбивалентности в поэтике Пастернака отмечено специалистами уже давно. Так, еще О. Ивинская писала: «Одно и то же событие рассматривается Пастернаком как поражение и одновременно как победа, как жертва и как искупление, как смерть и как воскресение. Поражение пастернаковских героев в житейских делах оборачиваются их без-

¹ См.: Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Комментарии // Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1912–1931. М., 2003. С. 478.

² Там же.

условными победами в области Духа»³. Однако затронутая проблема, на наш взгляд, так и не получила достаточной разработки в исследовательской литературе, отчего та же книга «Темы и вариации», в основу которой это качество положено, представляется несколько недооцененной и недопонятой. Например, В.Альфонсов считает, что эта книга, будучи этапом «полемичным» по отношению к «Сестре моей – жизни»⁴, одновременно является в целом «несобранной» и «разнонаправленной», в которой «нет внутренней слитности „Сестры“»⁵. Особенно остро, как нам представляется, данная проблема касается входящего в книгу «Темы и вариации» гиперцикла «Нескучный сад», поскольку именно его название первоначально предназначалось для книги «Сестра моя – жизнь»⁶, где метафора «жизнь – сад» является ключевой. В данной статье на примере анализа шести вступительных стихотворений к циклу мы попытаемся рассмотреть явление амбивалентности ведущих здесь образов и вникнуть в «диалог» преемственности третьей и четвертой поэтических книг Пастернака.

Цикл «Нескучный сад» открывается стихотворением «Нескучный», название которого представляет собой усеченный вариант заглавного сочетания. То, что автор снял в названии определяемое слово (по первоначальному замыслу стихотворение должно было называться «Нескучный сад души»⁷), наводит на мысль о возможности вариативного прочтения этого слова. С одной стороны, очевиден замысел вызвать представление о знаменитом Нескучном *саде* – пейзажном парке, расположенном на правом берегу Москвы-реки, где весной 1917 г. молодой поэт гулял с Еленой Виноград (отметим, что в таком случае делается акцент на лейтмотивном для книги «Сестра моя – жизнь» образе природы, жизни, любви). С другой стороны, известно, что Нескучный сад обязан своим названием вовсе не красотам природы, а располагавшейся на его территории обширной загородной усадьбе Трубецких, где проводились различные увеселительные мероприятия, отчего усадьба стала именоваться «Нескучным загородным домом». Думается, что в стихотворении подчеркнута именно данная сторона образа Нескучного, о чем свидетельствует, например, и уничиженный образ природы («Набор уставших цвeсть

³ *Ивинская О. В.* Годы с Борисом Пастернаком. В плену времени. М., 1992. С. 102.

⁴ *Альфонсов В. Н.* Поэзия Бориса Пастернака. Л., 1990. С. 113.

⁵ Там же. С. 139.

⁶ См.: *Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В.* Указ. соч. С. 492.

⁷ Там же.

пород»), и образ усадебных конструкций («От набережной до ворот»). Преобладание материального в этом образе богатой усадьбы обуславливает присутствие здесь демонического начала, захватывающего души («О вакханалиях изнанки // Нескучного любой души»⁸). Этот Нескучный только «похож» на музыку («гитару») = сад (ср. с образом «ста гитар» в «садовом Сен-Готарде» из книги «Сестра моя – жизнь»), но на самом деле является лишь его «тенью» (ср. с образом Демона-тени в стихотворении «Памяти Демона»), убивающей эту самую жизнь («струны рвут», «окуная парк <...> в заглохший пруд»). «Если основным образом книги „Сестра моя – жизнь“ был цветущий сад, подлинный „сад души“, то здесь образ оборачивается своей изнанкой: публичным садом»⁹. Образ Нескучного оказывается в стихотворении воплощением бессмертной человеческой души, которая попадает в руки смерти, становится антиподом живого, но сохраняет при этом внешнее подобие с ним.

Знаменательно, что в образе этого сада прорисовываются женские черты – благодаря образу гитары, вернее, ее очертания («тени гитары»), напоминающего женскую фигуру. Но важно, что это все же не «она», не «сестра жизнь», а только ее пустая «тень». Эта тема актуализируется в следующем стихотворении «Достатком, а там и пирами...» – в образе возлюбленной, находящейся внутри того же топоса богатой усадьбы (заявленный мотив акцентируется синонимическим повтором слов, которые передают семантику формы, внешних очертаний: «стать», «осанка»). Внешне она кажется воплощением любви. Однако в подтексте ее образ обнаруживает inferнальные черты: гребень, который считается традиционным атрибутом богини *садов* Венеры, «сыплет искры с зубьев» (ср. со стихотворением «Памяти Демона», в котором у заглавного персонажа «сверканье рвалось // В волосах»), ее волосы – это «бесы самолюбья». Характерно также высокомерное, презрительное отношение к другим («Вы хуже малых ребят»). Известно, что в данном произведении отразились переживания автора в связи с замужеством Е. Виноград, вышедшей замуж за богатого человека, что, по мнению поэта, губительно сказалось на состоянии ее души: «Достатком, а там и пирами, // И мебелью стиля жакоб // Иссушат, убьют темперамент, // Гудевший, как ветвь, жуком».

⁸ Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1912–1931. М., 2003. С. 190. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

⁹ Там же.

Картина «убийства» темперамента, по сути, продолжает затронутую в предыдущем стихотворении тему «дознания» расследуемого лирическим героем преступления – убийства человеческой души. Переключка соответствующих образов налицо, если обратить внимание на происхождение слова «струна» (у гитары «струны рвут») и понятия «темперамент». Первое восходит к старославянскому слову «жила», т. е. связано с функционированием животворящей организм жидкости. Также и представление о темпераменте как основе человеческой личности связывалось первым его исследователем Гиппократом с действием в организме неких «жизненных соков». Недаром еще живой, неубитый темперамент героини сравнивается в стихотворении с жизнью ветви дерева. Более того, в конце стихотворения вновь возникает образ ветви, который благодаря автореминисценции («О свежесть, о капля смарагда // В упившихся ливнем кистях, О сонный начес беспорядка, // О дивный, божий пустиак!») отсылает к стихотворению «Девочка» (из книги «Сестра моя – жизнь») с его символическим образом «девочки»-ветки, которую отрезали от питающего ее дерева, лишили источника «живой воды», красиво разместили в доме («тюрьме») и тем самым обрекли на гибель («дрему»).

Следующее стихотворение «Орешник», которое представляет собой пейзажную зарисовку с образом лесного орешника в центре и образом начинающейся грозы и горения в финале, созвучно существующему у славян поверью о лесных орехах, которые сжигает молния в летнюю грозовую ночь. Это сюжет о преследовании демонов (преимущественно в женском облике), обитающих в лещине, со стороны внешней силы, которой подвластны гром и молния¹⁰. В данном стихотворении образу *подруги* («ты») действительно свойственны демонические черты: она пребывает в тени и отмечена печатью лжесолнца: «Орешник тебя отрешает от дня // И мшистые солнца ложатся с опушки // То решкой на плотное тленья пня, // То мутно-зеленым орлом на лягушку» (191); связана с образами болота («мшистые солнца»), обьятого смертью дерева («тленья пня») и библейским символом духа нечистого («лягушка»), она отчуждена от животворящего ее леса («Кусты обгоняют тебя», «пока // С родимой чащей сроднишься с отвычки», «И долго безмолвствует лес»), более того, несет ему смерть (чаща «редеет», «ряды кругляка», «душегубка»), превращая его в свое подобие. Символом последнего оказывается в произведении море (чаща «безбрежна», «птичка – как гичка» и т. д.), образ кото-

¹⁰ См.: *Агапкина Т.* Мифология деревьев в традиционной культуре славян: лещина (*Corylus avellana*) // *Studia mythologica slavica* I. Ljubljana, 1998. С. 184, 190.

рого призван усилить здесь мифологическую аллюзию – на образ Пенно-рожденной (см. образ «пены» в сочетании с упоминанием об «угасших язычествах»), который в свою очередь призван связать рассматриваемый текст с образом героини-Венеры из предыдущего стихотворения. Добавим, что образ малины при этом служит скорее всего символом ее «одуряющей мозг» сладкой жизни.

Финал представляет собой картину противоборства «ее» (Венеры-моря-болота-срубленного дерева-смерти-демона) с истиной – с небом (лес там, в «облаках») как источником жизни, гнев которого воплощен в образе грозы: «О место свиданья малины с грозой, // Где в тучи рогами лишайника тычась, // Горят, одуряя наш мозг молодой, // Лиловые топи угасших язычеств!». Напомним, что, согласно упомянутому выше народному поверью, изгнать демона из лещины возможно либо *громовым ударом*, либо церковным освящением (на Орехов *Спас*)¹¹. Автор контаминирует данное народное поверье и соответствующие евангельские образы, а именно: «Ибо, как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба, так будет Сын Человеческий в день Свой¹². // <...> // И как было во дни Ноя, так будет и во дни Сына Человеческого: // Ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и пришел потоп и погубил всех. // Также как было и во дни Лота» (Лк. 17:24, 26–28). Библейские образы сытых будней, потопа, ковчега и Содомы спроецированы в стихотворении Пастернака в образах «малины», «топи», одинокой лодки («гички», «душегубки», «шлюпки») и повторного горения уже однажды угасших безбожных цивилизаций («язычеств»).

Смыслы стихотворения «В лесу» вырисовываются в точке пересечения его интертекстуальных связей. Прежде всего автор вписывает это произведение в контекст предыдущего (см. переключку образов уже в начальной строчке «*Луга мутило жаром лиловатым*»), в котором образ леса наделен атрибутикой подруги-демона. Символично, что здесь лес также погружен во мрак. Кроме того, немаловажно, что здесь имеются отсылки к тому же евангельскому пророчеству о близости часа Сына Человеческого, а именно в образах-«признаках» Его пришествия: «... палит ресницы // *Два черных солнца*» (ср.: «<...> *солнце померкнет и луна не даст света своего*», Мат. 24:29), лес «как *воск на пальцах мяк*» (ср.: «От смоковницы возьмите подобие: когда *ветви ее становятся уже мягки* и пускают листья, то знаете, что близко лето; // Так, когда вы увидите все

¹¹ Агапкина Т. Указ. соч.

¹² Курсив везде мой.

сие, знайте, что близко, при дверях», Мф. 24:32–33). Соответственно наставление Христа о необходимости бодрствовать проецируется у Пастернака на образ двух спящих.

Один из них, лирический герой, показан внешне спящим, но внутренне бодрствующим и видящим сны-откровения: «Есть сон такой, – не спишь, а только снится, // Что жаждешь сна; что дремлет человек, // Которому сквозь сон палит ресницы // Два черных солнца, бьющих из-под век». То, что спящие при этом находятся внутри топоса «лес», который определяется поэтом как погруженный во мрак храм – «В лесу клубился кафедральный мрак» (192), – указывает на вполне узнаваемый в библейской пророческой традиции образ пророка Самуила. См.: «Отрок Самуил служил Господу при Илии <...>. // И было в то время, когда *Илий лежал на своем месте*, – глаза же его начали смежаться, и он не мог видеть // <...> и *Самуил лежал в храме* Господнем <...> // *Воззвал Господь к Самуилу и отвечал он*: вот я! // <...> говори, Господи, ибо слышит раб Твой. // <...> // *И спал Самуил до утра*» (1Цар. 3:1–15). Юноша получил тогда от Бога откровение о нависшем над домом священника наказании за осквернение храма («<...> о котором кто услышит, у того зазвонит в обоих ушах», 1Цар. 3:11), а именно за духовное небодрствование служителя, в доме которого возобладали дела плоти. Безмятежный сон Илии, возможно, был воспринят Пастернаком как символ его внутреннего состояния, его оставленности Духом Святым. Библейский образ грядущего гнева-«звона» в храме (ср. с образом «трубы громогласной», в сопровождении которой явится Сын Человеческий, Мф. 24:31), мог породить пастернаковский образ леса-храма как часового механизма, а его нерадивого блюстителя как заснувшего «часовщика»: «Казалось, он уснул под звук цифири, // Меж тем как выше, в терпком янтаре, // Испытаннейшие часы в эфире // Переставляют, сверив по жару. // <...> // И сеют тень» (192–193). Кульминационной в стихотворении становится картина того, как в этом храме, где нет света, в теле, где уже не живет Дух, начинают господствовать враждебные силы – лукаво переводить стрелки часов, чтобы скрыть от безмятежных истину о приближающемся «звоне»: «Казалось, древность счастья облетает. // Казалось, лес закатом снов объят. // Счастливые часов не наблюдают».

При этом Пастернак снова подчеркивает мысль о «древних» корнях такой безмятежности, намекая, с одной стороны, на судьбу уже упомянутых выше «угасших цивилизаций» эпохи Ноя и Содома, а с другой стороны, на источник известного еще с начала XIX в. афоризма «Счастли-

вые часов не наблюдают». По сути, мы имеем дело с интертекстуальной отсылкой к пьесе А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824) – отсылкой, которая акцентирована у Пастернака образом перевода часовых стрелок. Таким образом, в подтексте стихотворения возникает образ возлюбленной главного героя пьесы – Софьи, которая, характеризуя собственное состояние, произносит упомянутую фразу. В результате ее образ проецируется на пастернаковский образ спокойно спящего «часовщика». Заметим, что у Грибоедова в момент перевода часов в доме Софьи героиня находится в спальне, что является символом ее духовного сна, хотя физически она бодрствует. Кроме того, знаковым является то, что грибоедовская героиня метонимически связана с образом луга (леса / сада) и что этот топос в пьесе трансформируется в «темное» inferнальное пространство дома, пленяющего героиню. См. сон Софьи в упомянутой «спальне» (действие 1, явление 4):

Позвольте... видите ль... сначала
Цветистый луг; и я искала
Траву
Какую-то, не вспомню наяву.
<...>
Потом пропало все: луга и небеса –
Мы в темной комнате. <...>
Тут с громом распахнули двери
Какие-то не люди и не звери,
<...>

Нас провожают стон, рев, хохот, свист чудовищ¹³.

Софья Фамусова оказывается «двойником» героини Пастернака, поскольку в художественную ткань своего произведения поэт включает также автореминисценции из стихотворения «Mein Liebchen, was willst du noch mehr?», в котором присутствуют аналогичные образы лукавого времени-насекомых, а также подруги, живущей в лесу-доме и ошибочно видящей свое счастье в физической, материальной стороне жизни.

Итак, соответственно тому, как семантика образа одного из спящих определяется своеобразной синонимической цепочкой *лес (луг) во мраке – оскверненный храм – небодрствующий служитель – Софья Фамусова – Елена Дороднова (Виноград)*, так и образ второго спящего идентифицируется как его антипод, находящийся внутри указанного inferнального пространства, а именно как *пророк – поэт-философ (Чацкий) – ли-*

¹³ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. Т. 1. СПб., 1993. С. 20.

рический герой (Пастернак). Можно предположить, что в произведении, по сути, утверждается идея несоответствия видимого сущностному (см. неоднократный повтор слова «казалось»): оба объекта изображены внешне спящими, но их сон имеет разную природу – герой-поэт физически спит, но дух его бодрствует, второй же спящий – его антипод, так как спит духовно, но плотские дела творит.

Стихотворение «Спасское» получило свое заглавие по названию дачного места под Москвой, где летом 1910 г. Пастернак на даче у Штихов встречал совсем тогда юную Елену Виноград (ей было 15 лет). По-видимому, для автора топонимика этого места была знаковой. Она связана с историей села Кощеево, в котором при Петре I была построена церковь в честь образа Спаса Нерукотворного, в результате чего село стало именоваться Спасское-Кощеево. Оцерковливая описываемое в стихотворении место с его парком / лесом, Пастернак акцентирует лейтмотивный у него образ леса – храма. При этом значимо, что данный топос наделяется симптомами болезни («знобило трясину», «На березах <...> отек», «Лес хандрит»), явно имеющей духовную природу, так как не бодрствует («захотелось <...> в непробудную спячку»), пребывает во тьме («Только солнце взошло, и опять – наутек»), не причащается небесной влаги, дающей жизнь («не пьет костоломных росинок»), несет в себе смерть («зияет в столбцах, как сплошной некролог»), оборачивается образом зверя («в <...> спячку берлог», «лिनять и пятнаться»).

Образ подруги представляется неотъемлемой частью этого «нездорового» топоса (живет здесь на «даче»). Играя в детство, желая казаться не тем, кем является на самом деле, играя в детство (стихотворение датируется 1918 г., когда Елене Дородновой уже было 23 года), она выступает как лукавое лжедитя, (употребленное слово «куролесить» восходит к древнегреческому выражению «Господи, помилуй!»): «<...> и опять вам – пятнадцать // И опять, – о, дитя, о, куда нам их деть?» (193). Образ «гомерического хохота», напоминающий об античных богах, снова соотносит образ подруги с лейтмотивным в цикле образом Венеры.

Образы леса и подруги оказываются явлениями одного «демонического» ряда, своеобразным продолжением друг друга, о чем свидетельствует связь этих образов и на символическом уровне. Так, согласно христианскому учению, церковь является невестой Христовой, и в соответствии с этим в пастернаковском лесу фигурирует образ березы – дерева, которое в народе считается символом девичьей красоты и целомудрия и одновременно «Троицким деревом». Заметим также, что и лес (церковь), и возлюб-

ленная у Пастернака подвержены одинаковому недугу – «гнилой горячке», как в старину называли тиф (от древнегреческого «дым, туман, помрачение сознания»): в образах обоих присутствуют мотивы озноба, тумана, галлюцинаций. Недаром в стихотворении имеется и образ лесного болота – гнилого места, где господствует нечистый дух, а в подтексте – образ Кощея, языческого властелина мира мертвых и похитителя невесты героя в русских народных сказках.

Аналогом фольклорного «героя» здесь выступает образ Спаса. Мотив пришествия Христа образует кольцевую композицию произведения. Уже в начале на Его приближение указывает образ «эха с подпаском» (т. е. помощника пастуха-Пастыря), а также образ слышного «удара топора». Заметим, что образ последнего является автореминисцентным и отсылает к стихотворению «Mein Liebchen, was willst du noch mehr?» из книги «Сестра моя – жизнь». Соответственно в конце стихотворения возникает аналог «дощатой дачи», а именно – образ «бревенчатого домика», да еще у «дороги», на которой вот-вот появится Идущий. Знаменателен и общий для обоих стихотворений мотив детства и тоски, который подчеркивает произошедшие изменения в образе центрального персонажа: на фоне духовной незрелости подруги в прошлом (еще духовного дитяти), теперь она являет черты духовного лицемерия (уже лжедитяти), и если тогда еще «гром не грянул», то теперь уже различим «удар топора».

В центре стихотворения «Да будет» находится образ дома, который также погружен во тьму («впотьмах»), где «она» – «госпожа», чей «взмах платка» напоминает крыло Демона (в стихотворении «Памяти Демона» заглавный персонаж тоже «приходил по ночам»). Однако на этот раз внимание акцентируется на образе лирического героя, который уподобляется в стихотворении стрижу, влетевшему в дом своей возлюбленной («влечу»). Действительно, стриж – это птица, посвященная, согласно античной мифологии, богине Венере¹⁴, атрибутами которой наделена героиня цикла. Но при этом стриж выступает в произведении в роли посланника лета, солнца («Рассвет <...> пустит в цель стрижа») и небес (стрижа называют птицей «без ног», поскольку умеет только летать). Соответственно этот образ несет с собою свет: в темном доме загорается свеча («расколыхнет свечу») как напоминание «ей» о жизни с Духом (свеча – это известный евангельский символ Духа Святого). Кроме того образ стрижа метонимически сливается с лейтмотивными в книге «Сестра

¹⁴ Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2: К–Я. М., 1992. С. 39.

моя – жизнь» образами ветра и дождя, а рефрен («Да будет также жизнь свежа») воспринимается как песнь, принесенная птицей и побуждающая к обновлению и оживлению человеческой души (ср. с библейским повтором «да будет» в картине сотворения мира и человека). Примечательно, что эта птица у Пастернака имеет власть поражать тьму и Врага (как «выстрел» из ружья). Другими словами, в стихотворении пространство демона сужается, а время его господства стремительно истекает («пока ты госпожа», 194), сам же он обречен на поражение, так как стриж здесь – вестник зарождающейся духовной жажды героини. Заметим, что Пастернак, таким образом, контаминирует античную и христианскую традиции. Согласно последней, именно обращающихся с молитвенной просьбой к Богу часто уподобляют этим птицам – всегда голодным и страждущим¹⁵.

Можно сказать, что в начальных стихотворениях цикла «Нескучный сад» поэт обыгрывает ведущий мотив первых стихотворений книги «Сестра моя – жизнь», выраженный словами «не время ль птицам петь»: теперь этот образ прочитывается как обращенный к возлюбленной «сестре моей» призыв к покаянию и духовному возрождению. Примечательны в связи с этим воспоминания Е. Пастернака о том, что поэт «мучительно искал возможность вырвать свою героиню из рамок уготованной ей участи, из общего правила, из типической ситуации, сдвинуть „с мертвой точки, к которой собиралась пригвоздить ее жизнь“. Потеря лица, принадлежность к типу, заданность судьбы всегда представлялась Пастернаку душевной смертью»¹⁶.

Итак, переключка тем и образов в стихотворениях цикла «Нескучный сад» и книги «Сестра моя – жизнь» говорит, на наш взгляд, о наличии соответствующих смысловых связей. Причем важно, что в обоих случаях действует один и тот же принцип, когда «основные „темы“ – природа, любовь, искусство – как правило, не существуют раздельно»¹⁷. Но если сад в «Сестре моей – жизни» – это праздник жизни, любви и поэзии, к которому приобщается лирический герой, то в «Нескучном саде» это торжество обмана, тьмы и смерти, где лирический герой выступает в роли поэта-подвижника, который, как пророк, своим словом призван спасти погибающее. Амбивалентность ведущих образов третьей и четвертой книг Пастернака, по нашему мнению, может свидетельствовать о

¹⁵ Там же.

¹⁶ Пастернак Е. Б. Борис Пастернак: Материалы для биографии. М., 1989. С. 317.

¹⁷ Альфонсов В. Н. Указ. соч. С. 92.

развитии здесь определенного сюжета, основанного на духовно-нравственном конфликте между лирическим героем и жизнью-садом.

Список литературы

- Агапкина Т.* Мифология деревьев в традиционной культуре славян: лещина (*Corylus avellana*) // *Studia mythologica slavica* I. Ljubljana, 1998. С. 183–194.
- Альфонсов В. Н.* Поэзия Бориса Пастернака. Л., 1990.
- Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч.: В 3 т. Т. 1. СПб, 1993.
- Ивинская О. В.* Годы с Борисом Пастернаком. В плену времени. М., 1992.
- Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2: К–Я. М., 1992.
- Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2003–2005.
- Пастернак Е. Б.* Борис Пастернак: Материалы для биографии. М., 1989.
- Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В.* Комментарии // Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1912–1931. М., 2003. С. 421–564.

Сведения об авторе: Мальцева Оксана Анатольевна, кандидат филол. наук, доцент кафедры исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения Балтийского федерального университета им. И. Канта, докторант МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: oa_malts@mail.ru.

К.Г.Мартиросян

СИНТЕТИЗМ В РОМАНЕ И.А.БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»

В данной статье рассматривается история изучения «Жизни Арсеньева» Бунина и выявляется синтетизм романа, без учета которого невозможно определение его жанровой специфики. Тем самым доказывается преемственность русской литературы XXI в. по отношению к бунинскому роману.

Ключевые слова: синтетизм, феноменологический роман, житийная биография, аллюзия, контаминация.

The paper investigates the history of studying Bunin's novel "The Life of Arseniev" and reveals its syntheticism. Consideration of the novel's syntheticism enables us to define the specificity of its genre and to prove that the 21st century Russian literature is developing in continuity with Bunin's novel.

Key words: syntheticism, phenomenological novel, life of a saint, allusion, contamination.

«Бунину все время не везет»¹ – так в 2001 г. озаглавил свою статью Борис Липин. Литературоведы возмутили «попытки» Н. Берберовой и В. Лаврова приписать Бунину «тост за здоровье Сталина», «грязный намек» М. Рощина в адрес В. Н. Муромцевой-Буниной (которая на самом деле всего лишь жалела Л. Зурова), киносценарий Д. Смирновой, которая приписала Г. Кузнецовой и М. Степун лесбийские отношения.

В последнее десятилетие «очернительная» тенденция преодолена. Критики, литературоведы, лингвисты, психологи ставят первого нобелевского лауреата из числа русских писателей на самые высокие пьедесталы – как творческие, так и личностные. И тем не менее, говоря о буниноведении XXI в., впору называть статью «Бунину опять не везет».

Вместо стремления принизить значимость творческого наследия обнаружилась новая тенденция: делать икону из Бунина и его творений. Г. Климова и В. Плешков в своих диссертациях видят «попытку особого богоприсутственного настроения ряда его произведений»², уверяют в «христианской сути характера И. А. Бунина, не понятого ни современниками,

¹ Липин Б. Бунину все время не везет. http://lipin21.narod.ru/rec_01.html 10.11.2004

² Плешков В. В. Концепция человека в творчестве И. А. Бунина: Дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 1997. С. 145.

ни нами»³. Однако цитаты из бунинских дневников, приводимые ими в подтверждение этой мысли, говорят скорее об обратном: запись «о неотмщенности за эти оскорбления, о том, что слишком многое прощал, не был злопамятен, да и до сих пор таков»; «Жизнь нам Господь Бог дает, а отнимает всякая гадина»⁴.

Е. Пономарев и Е. Болдырева в этом направлении продвинулись еще дальше и назвали нобелевский роман И. А. Бунина «житийной биографией»⁵. Однако прежде чем приступить к анализу жанровой специфики «Жизни Арсеньева», отметим, что разночтения, диаметрально противоположные оценки бунинского наследия во многом обусловлены и сложной, порой противоречивой личностью самого Бунина, презиравшего всяческие «-измы» и рамки. Исследователями не раз отмечался философский эклектизм Бунина, причудливая смесь религиозных доктрин в его письмах, художественных произведениях, эссе. Одни критики подчеркивают близость Бунина к православию, другие называют его «ветхозаветным»⁶, третьи – «додоуховным»⁷, языческим, некоторые декларируют связь с буддизмом⁸ и конфуцианством⁹, одни пишут о целомудрии¹⁰ как отличительной черте Бунина среди современников, другие – об эротизме и «темных аллеях греха»¹¹.

Отсутствие косности мышления, впечатлительность и импульсивность писателя находили свое отражение и в его поэтике. Широко известно высказывание В. Ходасевича о поэтике Бунина: «<...> Бунин

³ *Климова Г. П.* Творчество И. А. Бунина и М. М. Пришвина в контексте христианской культуры: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1993. С. 364.

⁴ Там же. С. 363.

⁵ *Пономарев Е.* Россия, растворенная в вечности. Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции // Вопросы литературы. 2004. №1; *Болдырева Е. М.* Автобиографический метатекст И. А. Бунина в контексте русского и западноевропейского модернизма: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Ярославль, 2007.

⁶ *Котельников В. А.* Ветхозаветность у Бунина // Христианство и русская литература XX века. Сб. II. СПб., 1996.

⁷ Ильин И. А. О тьме и просветлении. М., 1991. С. 78.

⁸ *Марullo Т. Г.* Рассказ Бунина «Братья»: апология буддизма // И. А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения И. А. Бунина. М., 1995.

⁹ *Мэн Сю-юнь.* Символика природы в поэзии Бунина // И. А. Бунин и русская литература XX века. ...

¹⁰ *Кустов О.* Паладины. http://zhurnal.lib.ru/k/kustow_o/glava_3_bunin.shtml

¹¹ *Ильин И. А.* О тьме и просветлении. С. 78.

<...> окопался на до-символистских позициях»¹². Однако это замечание относится лишь к поэзии Бунина, Л. Выготский¹³ и А. Жолковский¹⁴ убедительно показали, что в лучших своих новеллах Бунин использовал достижения модернизма. Их наблюдения относятся преимущественно к зрелому периоду его творчества. А начинал Иван Алексеевич в традициях натуральной (гоголевской) школы (рассказ «Танька» и др.), на рубеже XIX–XX вв. проявил себя как ярко выраженный романтик. В этом плане программным является рассказ Бунина «Над городом» (1900): «И однажды, поднявшись на верхнюю ступеньку, вдруг увидел я на колоколе барельефный лик строгого и прекрасного Ангела Великого Совета и прочитал сильное и краткое веление: „*Благовестуй земле радость велию*“ (курсив мой. – К. М.) <...>¹⁵.

Однако обилие катаклизмов, пережитых Буниным (первая русская революция, мировая война, вторая и третья революции, Гражданская война), предопределили его холодную объективность, беспощадное бичевание национальных пороков. Бунин вновь приближается к натурализму – только на сей раз французскому. Ознакомившись с трудами Чезаре Ламброзо, он приходит к биологической концепции личности. В этом плане показателен рассказ «Безумный художник». В начале рассказа художник собирается создать полную света картину, изображающую «рождение нового человека». Однако в итоге его работы появляется нечто противоположное: «На картоне же, сплошь расцвеченном, чудовищно громоздилось то, что покорило его воображение в полной противоположности его страстным мечтам. Дикое, черно-синее небо до зенита пылило пожарами, кровавым пламенем дымных разрушающихся храмов, дворцов и жилищ. Дыбы, эшафоты и виселицы с давленниками чернели на огненном фоне. Над всей картиной, над всем этим миром огня и дыма, величаво, демонически высился огромный крест с распятым на нем, окровавленным страдальцем, широко и покорно раскинувшим длани по перекладинам креста. Смерть, в доспехах и зубчатой короне, оскалив свою гробную челюсть, с разбегу подавившись вперед, глубоко всадила под сердце распятого железный трезубец»¹⁶.

¹² Ходасевич В. О поэзии Бунина. <http://khodasevich.ouc.ru/o-poezii-bynina.html>

¹³ Выготский Л. С. «Легкое дыхание» // Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1968.

¹⁴ Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы. М., 1994.

¹⁵ Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. II. М., 1988. С. 180.

¹⁶ Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. IV. М., 1988. С. 205.

Попытки определить жанровую природу романа «Жизнь Арсеньева» так же разновекторны и порой противоречивы, как и оценки мировоззрения Бунина: автобиографический роман, модернистская биография, роман в стиле импрессионизма, углубление реализма, феноменологический роман, антироман, житийная биография, сплав феноменологического романа и житийной биографии.

Автобиографической назвали «Жизнь Арсеньева» современники автора Б. Зайцев и А. Бахрах (секретарь Бунина). Этого определения в дальнейшем старались избегать, учитывая энергичные возражения писателя. Известный буниновед О. Сливацкая выделила три уровня перцепции в романе: юного Арсеньева, зрелого Арсеньева и автора, охарактеризовав роман как «модернизированную автобиографию»¹⁷. Критики, декларирующие импрессионизм Бунина в романе, как правило цитируют один и тот же отрывок: «На Московской я заходил в извозчицью чайную, сидел в ее говоре, тесноте и парном тепле, смотрел на мясистые, алые лица, на рыжие бороды, на ржавый шелушащийся поднос, на котором стояли передо мной два белых чайника с мокрыми веревочками, привязанными к их крышечкам и ручкам... Наблюдение народного быта? Ошибаетесь – только вот этого подноса, этой мокрой веревочки!»¹⁸

При этом опускается контекст XI главы книги пятой. В 1932 г., когда Бунин во Франции продолжал работу над романом, в СССР появилось определение «социалистического реализма» как основного метода советской литературы. Бунин передает дух господствовавшей там критики: «Писать! Вот о крышах, о калошах, о спинах надо писать, а вовсе не затем, чтобы *„бороться с произволом и насилием, защищать угнетенных и обездоленных, давать яркие типы, рисовать широкие картины общественности, современности, ее настроений и течений“*»¹⁹ (курсив мой).

Таким образом, «импрессионизм Бунина» – это средство противопоставить себя соцреализму и так называемому критическому реализму.

Значимой вехой в изучении романа стал фундаментальный труд Ю. В. Мальцева «Иван Бунин. 1870–1953». Исследователь отметил, что «Жизнь Арсеньева» – «это не воспоминание о жизни, а воссоздание своего восприятия жизни и переживание этого восприятия <...>. Жизнь са-

¹⁷ Сливацкая О. В. Космос и душа человека (О психологизме позднего Бунина) // Сливацкая О. В. Царственная свобода: О творчестве И. А. Бунина. Воронеж, 1995. С. 26.

¹⁸ Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. V. М., 1988. С. 201.

¹⁹ Там же. С. 200.

ма по себе как таковая вне ее апперцепции и переживания не существует, объект и субъект слиты неразрывно в одном едином контексте <...>». Следовательно, по Мальцеву, мы имеем дело с первым в русской литературе «феноменологическим романом»²⁰. Е. Пономарев и Е. Болдырева назвали бунинский роман «житийной биографией». Одна из последних работ на эту тему – диссертация А. Смоленцева «Роман И.А. Бунина „Жизнь Арсеньева“: „контексты понимания“ и символика образов». Стремясь создать собственную концепцию, Смоленцев попытался объединить подходы Мальцева и Болдыревой, охарактеризовав «Жизнь Арсеньева» как сплав феноменологического романа с житийной биографией. Мы рассмотрим в данной статье главные аргументы Смоленцева, однако изначально следует подчеркнуть, что на терминологическом уровне его определение абсурдно: житийный жанр не может быть феноменологическим, так как в житийном жанре герой называет себя великим грешником, а автор доказывает его святость: субъект и объект никак не могут быть слиты воедино.

Поскольку «Жизнь Арсеньева» объявляется «житийным жанром», каждый поступок Арсеньева (даже не самый благовидный) рассматривается едва ли не как свершение библейского масштаба. Так, например, А. Смоленцев обещает вскрыть символическое пространство бунинского романа и узловым эпизодом провозглашает убийство девятилетним героем грача. По Смоленцеву, убийство грача символизирует победу над смертью: «В символическом пространстве художественного мира „Жизни Арсеньева“: творчество (мир творчества) – это то „оружие“ („Кинжал“), которым может быть побеждена смерть („Грач“), – Творчество – это Бессмертие»²¹.

Согласиться с данным выводом Смоленцева означает променять литературоведение на черную магию. Помимо этого, «птичку жалко» – и не только нам, но и Бунину, который, по словам В. Н. Муромцевой-Буниной, до конца жизни раскаивался в этом поступке. Кроме того, убийство в мире Бунина, как правило, вопиет о возмездии и уж точно не приносит «победу над смертью», «Бессмертие».

Чтобы доказать неотделимость «Жизни Арсеньева» от житийного жанра, А. Смоленцев утверждает, что бунинскому роману «не просто не чужды „проблемы борьбы с инстинктом“, но что в „Жизни Арсеньева“

²⁰ Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870–1953. Франкфурт-на-Майне; М., 1994. С. 320.

²¹ Смоленцев А. И. Роман И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: «контексты понимания» и символика образов. Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012. С. 122.

противостояние инстинкта и Духа – является основным конфликтом произведения и разрешается со всей очевидной авторской трактовкой, безоговорочной *победой Духа над инстинктом*²². Изменившая супругу Тонька и Арсеньев молоды и красивы, однако их связь порою сопровождается вспышками ненависти. «Потом то любила, то нет, – временами бывала не только равнодушна, холодна, но даже враждебна, – и эти постоянные смены чувств, всегда непонятные, неожиданные, совершенно изнурили меня. Я порой тяжко ненавидел ее, а вместе с тем даже и тогда одна мысль о ее серебряных сережках, о том нежном и милом, еще очень юном, что было в ее губах, в овале нижней части лица и в опущенных узких глазах, одно воспоминание о грубом запахе ее волос, смешанном с запахом платка, приводило меня в трепет»²³. Основываясь на этом эпизоде, А. Смоленцев приходит к выводу, что в описании половой страсти, инстинкта Бунин «следует святоотеческой традиции», в частности Феофану Затворнику. Однако в дневниках, письмах Бунина в конце 1920-х – начале 1930-х гг. (время работы над романом «Жизнь Арсеньева») нет ни одного упоминания о чтении церковной литературы. Феофана Затворника Бунин за свою долгую жизнь не упоминает ни разу. Другое дело – русские классики (Толстой, Чехов, Тургенев, Гоголь), сохранились десятки свидетельств того, что Бунин их регулярно перечитывал. На мой взгляд, истоки непростых отношений между Тонькой и Арсеньевым лежат в романе «Отцы и дети» (который Бунин, несмотря на свое неоднозначное отношение к Тургеневу, всегда высоко ценил). В XVIII главе Одинцова увлечена Базаровым и романтическим вечером просит его остаться с ней. Базаров объясняется в любви, однако терпит неудачу:

«– Нет? – Базаров стоял к ней спиной. – Так знайте же, что я люблю вас, глупо, безумно... Вот чего вы добились.

Одинцова протянула вперед обе руки, а Базаров уперся лбом в стекло окна. Он задышался; все тело его видимо трепетало. Но это было не трепетание юношеской робости, не сладкий ужас первого признания овладел им: это страсть в нем билась, сильная и *тяжелая – страсть, похотливая на злобу* (курсив мой.– К. М.) и, быть может, сродни ей... Одинцовой стало и страшно и жалко его. <...>

Она не тотчас освободилась из его объятий; но мгновенье спустя она уже стояла далеко в углу и глядела оттуда на Базарова. Он рванулся к ней...

²² Там же. С.53.

²³ Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. V. С. 124.

– Вы меня не поняли, – прошептала она с торопливым испугом. Каза-лось, шагни он еще раз, она бы вскрикнула... Базаров закусил губы и вышел»²⁴.

Базаров отвергает религию, культуру, поэзию, музыку, да и в целом искусство – все то, что облагораживает инстинкт. В результате «тяжелая страсть», что-то «похожее на злобу» в его взгляде отталкивает от него Одинцову. Арсеньев и Тонька чуть ли не на десяток лет моложе Базарова, они еще не успели проникнуться скепсисом, но их связь, эгоистическая и бездуховная, также задыхается в тисках чувственности.

Тема очищенного эроса в романе «Жизнь Арсеньева» затронута на самом деле лишь однажды. В заключительной пятой части уже после «бегства» Лики Арсеньев находит в ее спальне икону Богоматери. В его размышлениях у иконы проглядывается довольно-таки прозрачная аллюзия к «Мадонне» Пушкина, точнее, контаминация (поскольку пушкинский мотив обыгрывается, а не повторяется): «Потом была другая ночь. Тот же скудный свет свечи в неподвижном молчании спальни. За черными окнами ровно кипит в темноте ночной дождь глухой осени. Я лежу и смотрю в передний угол – в его треугольнике висит старая икона, на которую она молилась перед сном: старая, точно литая доска, с лицевой стороны крашенная киноварью, и на этом лаково-красном поле образ Богоматери в золотом одеянии, строгой и скорбной, – большие, черные, запредельные глаза в темном ободке. Страшный ободок! И страшное, кощунственное соединение в мыслях: Богоматерь – и она, этот образ – и все то женское, что разбросала она тут в безумной торопливости бегства»²⁵.

А. Смоленцев (посвятивший пушкинским мотивам в творчестве Бунина отдельный параграф своей диссертации), как и его предшественники, по непонятным причинам не заметил этой контаминации. Быть может, если бы заметил, то не стал бы выносить в свои тезисы утверждение о том, что в романе Бунина эрос очищается верой.

Бунинский текст однозначно показывает, что «очищения эроса» не происходит, и Пушкин, его гармоническая личность остается недостижимым идеалом, Арсеньев приближается к нему в конце романа лишь отчасти (через пустыню одиночества). В целом в «Жизни Арсеньева» нет чудесных преображений, назидательных заключений. Не потому ли так осторожен Ю. Мальцев, полагавший: «Невозможно выразить философские и эстетические взгляды Бунина (заключенные в этом „романе“, как

²⁴ *Тургенев И. С.* Записки охотника. Отцы и дети. М., 1981. С.2 23.

²⁵ *Бунин И. А.* Собр. соч.: В 6 т. Т. V. С. 143.

впрочем, и в других его произведениях) в рациональных категориях. Едва мы пытаемся сделать это, <...> как сразу все опускается на порядок ниже и теряет ту иррациональную и невыразимую логически глубину, которая составляет магическую тайну этой книги»²⁶.

Для того чтобы выразить, необходимо, во-первых, избавиться от схоластических штампов, которыми «грешат» наши учебные пособия. Таких, как этот: «Мы должны преклонить голову перед Буниным за то, что он сохранил человеческое достоинство истинного русского писателя до последних дней своей нележкой и многострадальной жизни»²⁷. Впрочем, знания о многострадальной жизни могли бы быть полезными для понимания того, как взгляд Арсеньева после грубого натурализма ранней молодости обретает умудренность символистского мировидения. Двадцатилетний герой не переносит «полицейского <...> толстой спины в шинели <...> икр в блестящих крепко выпуклых голенищах»²⁸, хотя смотрит на него сзади и ничего не знает о нем. Нечто аналогичное наблюдал А. Бахрах в жизни Бунина, который считал, что может по малейшим деталям, по «чуть взбухшей вене»²⁹ на икре женщины определить характер наблюдаемого человека. И хотя критики в один голос с самого начала своих трудов говорят о выдающейся творческой натуре Арсеньева, последний в начале романа далеко не Моцарт. Его нетерпимость и ограниченность, постоянное подавление с его стороны творческой свободы Лики, его непобежденный гедонизм и любовь к женской натуре в самых различных проявлениях отталкивают от него главную героиню, что становится началом душевного переворота. Жизнь превращается в пустыню, а Лика становится символом потерянного рая, первой, невинной любви. Для героя Лика – что-то очень дорогое и все-таки не святыня, ради которой он забудет все прочие радости. Это нам подсказывают и мысли Арсеньева около иконы. Пушкиным Арсеньев не стал, Лика не стала Мадонной. Полноценного символизма в «Жизни Арсеньева» нет: в отличие от Андрея Белого у Бунина нет сознательной установки на символизм, и его роман нельзя назвать символистским. Однако роман «Жизнь Арсеньева» символичен в той мере, в какой всегда символично подлинное искусство: в нем показано, как юный Арсеньев от сентимен-

²⁶ Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870–1953. С. 320.

²⁷ Климова Г. П. Творчество И. А. Бунина и М. М. Пришвина в контексте христианской культуры. Дисс. ... докт. филол. наук. С. 367.

²⁸ Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. V. С. 187.

²⁹ Бахрах А. Бунин в халате // Бахрах А. Бунин в халате и другие портреты. М., 2005. С. 121.

тализма и натурализма (начинает он свое творчество, как и писатели «гоголевской» школы, с описания уличного шарманщика) «взрослеет» до символистски умудренного восприятия жизни. Каждый период в жизни Арсеньева имеет свой стиль, свой язык, неотделимый от жизненной позиции. В своем взрослении Арсеньев проходит вековой путь русской литературы. При этом приближение к символизму означает возвращение к Пушкину, горячо любимому с детства, а некоторые литературные направления и жанры осмыслены Буниным иронически. Осмелюсь заметить, что в этом и заключается подлинный «символический круг» пространства романа.

По мнению современных литературоведов (М.Г.Меркулова и др.), синтетизм является главным отличительным признаком русской прозы конца XX – начала XXI в. Несмотря на кажущуюся фрагментарность мира в бунинском романе, хронологически разные «куски» мира отнюдь не случайны, они объединены синтезом, лучи от разных этапов в жизни героя тянутся в финале романа к одной точке.

Признанный советский литературовед В.Лакшин в 1980-е гг. вопрошал: «Искусство Бунина неподражаемо, но не идут ли от него генетические тупички?»³⁰ Следует признать, что Лакшин отчасти прав. От творчества Бунина действительно отходят тупики... для соцреализма. Однако для литературы конца XX и начала XXI в. роман Бунина является прорывом, предвозвестником нового синтетизма³¹.

Список литературы

- Бахрах А.* Бунин в халате // Бахрах А. Бунин в халате и другие портреты. М., 2005.
- Болдырева Е. М.* Автобиографический метатекст И. А. Бунина в контексте русского и западноевропейского модернизма: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Ярославль, 2007.
- Бунин И. А.* Собр. соч.: В 6 т. Т. II, IV, V. М., 1988.
- Выготский Л. С.* «Легкое дыхание» // Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1968.
- Жолковский А. К.* Блуждающие сны и другие работы. М., 1994.

³⁰ Лакшин В. Я. Чехов и Бунин – последняя встреча // Лакшин В. Я. Пять великих имен. М., 1988. С. 499.

³¹ Автор статьи выражает благодарность президенту РА Сержу Саргсяну за открытие в Ереване виртуального зала РГБ, даровавшее возможность ознакомления с новейшими российскими диссертациями.

- Ильин И. А.* О тьме и просветлении. М., 1991.
- Климова Г. П.* Творчество И. А. Бунина и М. М. Пришвина в контексте христианской культуры: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1993.
- Котельников В. А.* Ветхозаветность у Бунина // Христианство и русская литература XX века. Сб. II. СПб., 1996.
- Кустов О.* Паладины. http://zhurnal.lib.ru/k/kustow_o/glava_3_bunin.shtml 17.08.2007
- Лакшин В. Я.* Чехов и Бунин – последняя встреча // Лакшин В. Я. Пять великих имен. М., 1988.
- Липин Б.* Бунину все время не везет. http://lipin21.narod.ru/rec_01.html 10.11 2011
- Мальцев Ю.* Иван Бунин. 1870–1953. Франкфурт-на-Майне; М., 1994.
- Марулло Т. Г.* Рассказ Бунина «Братья»: апология буддизма // И. А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения И. А. Бунина. М., 1995.
- Мэн Сю-юнь.* Символика природы в поэзии Бунина // И. А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения И. А. Бунина. М., 1995.
- Плешков В. В.* Концепция человека в творчестве И. А. Бунина: Дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 1997.
- Пономарев Е.* Россия, растворенная в вечности. Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции // Вопросы литературы. 2004. №1.
- Сливицкая О. В.* Космос и душа человека (О психологизме позднего Бунина) // Сливицкая О. В. Царственная свободы: О творчестве И. А. Бунина. Воронеж, 1995.
- Смоленцев А. И.* Роман И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: «контексты понимания» и символика образов: Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012.
- Тургенев И. С.* Записки охотника. Отцы и дети. М., 1981.
- Ходасевич В.* О поэзии Бунина. <http://khodasevich.ouc.ru/o-poezii-bynina.html>

Сведения об авторе: Мартиросян Константин Генрикович, кандидат филол. наук, старший преподаватель кафедры мировой литературы и культуры Ереванского государственного университета языков и социальных наук им. В.Я.Брюсова. E-mail: konsta78@mail.ru

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Александровская Е.Б., Лосева Н.В., Читахова Л.Л., Манакина О.Е., Брагина Т.В. Учебник французского языка «Le français.ru». М.: Нестор Академик, 2006; 2007; 2009; 2014.

Потребность в новых учебниках французского языка, предназначенных для русских студентов, сегодня очень велика. Это связано с тем, что многие из классических учебников, которые с большим успехом использовались на протяжении нескольких десятилетий, сегодня стали восприниматься как архаичные. Время не стоит на месте, и очевидно, что ни один учебник, как бы хорош он ни был, не может служить вечно. Теряют актуальность вопросы, вокруг которых строятся материалы учебника, меняется характер задач, с которыми студенту необходимо научиться справляться, наконец, изменениям подвергается и сам язык. Помимо этого, по мере развития методики преподавания иностранных языков, требования, предъявляемые к учебникам, становятся все более высокими.

На российский рынок попадает сейчас большое количество учебников и пособий по французскому языку, составленных французскими авторами. Эти учебники и пособия, вне всяких сомнений, представляют огромную ценность, прежде всего потому, что они содержат аутентичные материалы, образцы живой современной французской речи. Все большее число преподавателей вузов начинает использовать их в своей работе; в этом легко убедиться, если посмотреть вузовские программы по французскому языку, многие из которых доступны сегодня в Интернете. Однако в то же время легко заметить, что все эти материалы используются по большей части наряду или, скорее, в дополнение к учебникам французского языка, написанным российскими методистами. Последние явно обладают рядом черт, принципиально важных для российского преподавателя и студента.

Первой из таких черт является скрупулезная работа с языковым материалом. Именно этот материал представляется отечественным методистам той основой, без которой невозможно какое-либо движение в области изучения иностранного языка и невозможно развитие речевых умений. Действительно, нельзя не согласиться, что крайне трудно до-

биться успеха в аудировании, чтении, говорении или письме, не овладев, хотя бы в каком-то объеме, фонетикой, грамматикой и лексикой изучаемого языка. Об этом, в частности, пишут авторы «Le français.ru» в предисловии к своему учебнику¹.

Немаловажным для российских студентов и преподавателей оказывается и то обстоятельство, что отечественные учебники французского языка во многих отношениях «опираются» на русский язык. Это происходит как при объяснении нового материала (объяснения часто даются по-русски и основываются на сопоставительном методе преподавания языков), так и при отработке правил (студентам предлагается значительное количество упражнений на перевод, в особенности с русского языка на французский). Хотелось бы отметить, что сегодня все большее количество методистов (как отечественных, так и зарубежных) говорит о преимуществах использования в процессе обучения родного языка учащихся. Такой точки зрения придерживаются даже некоторые из представителей коммуникативного подхода, традиционно ставившего во главу угла использование на занятиях исключительно изучаемого языка. Эти методисты признают, что использование родного языка учащихся при объяснениях зачастую позволяет сэкономить массу времени и дает уверенность в том, что студенты поняли новое явление или новую лексическую единицу верно. Использование сопоставительного метода помогает, с их точки зрения, предостеречь учащихся от интерференционных ошибок. Среди рекомендованных подобными методистами упражнений мы находим, в числе прочего, и ряд переводных заданий².

Наконец, третьей причиной, определяющей популярность российских учебников французского языка, предстает лучшая осведомленность отечественных методистов в отношении трудностей, с которыми сталкивается русскоговорящий студент. Очевидно, что, представляя себе сходства и различия между двумя языками, легче оценить, какие темы будут усваиваться быстро, а какие, напротив, требуют более детального освоения.

Все упомянутые свойства отечественных учебников французского языка присущи и учебно-методическому комплексу «Le français.ru» Е.Б. Александровской, Н.В. Лосевой, Л.Л. Читаховой и О.Е. Манакиной и

¹ Александровская Е.Б., Лосева Н.В., Читахова Л.Л. *Le français.ru*. А1. М., 2006. С. 3–4.

² См., например: *Ur P. A Course in English Language Teaching*. Cambridge University Press, 2012. P. 6, 66, 80, 83, 164.

Т.В.Брагиной. Однако данный УМК не просто следует традициям российской методики преподавания иностранных языков, в целом ряде аспектов он выгодно отличается от других русских учебников французского языка.

Прежде всего, хотелось бы сказать несколько слов о вводном курсе «Le français.ru», составляющем книгу А1, и даже не обо всем вводном курсе, а о той его части, которая посвящена обучению фонетике и правилам чтения. Отметим сразу, что во многих российских учебниках фонетический курс только намечен пунктиром или, наоборот, составляет отдельную вводную главу, которую студент должен освоить сразу, целиком, прежде чем перейти к основной части учебника. И тот, и другой способ представляются невыигрышными и чрезвычайно затрудняют первые шаги студента, изучающего французский язык «с нуля». Между тем освоение французской орфоэпии и без того часто бывает сопряжено для учащихся с большими сложностями, просто в силу объективных причин и обилия правил, которые необходимо запомнить. Поэтому крайне важным становится построение вводного фонетического курса, которое максимально облегчало бы восприятие и запоминание. Думается, что авторам первой части «Le français.ru» (А1) удалось найти ту форму подачи данного материала и тот формат упражнений, которые являются оптимальными во многих отношениях.

Во-первых, в упомянутом учебнике правила произношения и чтения вводятся постепенно, на протяжении всей первой части, включающей 50 уроков. Каждое правило излагается по-русски и сопровождается упражнением на отработку, состоящим из отдельных французских слов. После того как все правила урока освоены, студентам предлагаются более сложные задания, где они должны прочитать слова, опираясь на знание уже не одного правила, а их комбинации. Сплошь и рядом в этих упражнениях задействованы и правила из предыдущих уроков, что обеспечивает постоянное повторение пройденного материала. (Заметим также, что повторению отводится особое место в последних уроках учебника, не предполагающих освоения новых правил.) Таким образом достигается большая простота подачи материала и четкость структуры вводного фонетического курса, столь важная на начальном этапе обучения. При этом одновременно с обучением фонетике происходит и обучение другим аспектам языка, что способствует повышению мотивации студентов и лучшему запоминанию всех изучаемых явлений, поскольку легче за один урок освоить небольшой объем фонетики, грамматики и лексики,

нежели большой объем информации, касающейся какого-то одного из этих аспектов.

Чрезвычайно удачным представляется и выбор правил произношения и чтения, предложенных для изучения. Очень часто приходится сталкиваться с переусложненными учебными пособиями, содержащими избыточное количество информации, с которым начинающему студенту невозможно бывает справиться. Авторы «Le français.ru. A1» сумели, с нашей точки зрения, включить в свой фонетический курс все то, без чего нельзя обойтись, и при этом не включить ничего лишнего.

Среди прочих преимуществ данного курса хотелось бы отметить то обстоятельство, что задания на чтение зачастую содержат французские слова, о значении которых легко догадаться, сопоставив их с русскими словами того же корня (таковы, например, *pirate*, *prince* или *bracelet*). Этот малозначимый на первый взгляд факт в действительности крайне важен, поскольку область неизвестного для начинающего студента еще очень велика и любой «проблеск смысла», а в особенности найденный самостоятельно, способен очень существенно повысить его интерес к изучаемому языку.

Одним словом, указанный фонетический курс был, несомненно, составлен с опорой на многолетний опыт преподавания французского языка и твердое представление о конкретной учебной ситуации. Это позволяет с большим успехом использовать его для самых различных студенческих аудиторий, как в составе данного учебного комплекта, так и изолированно, в сочетании с другими учебниками или пособиями.

Другим аспектом изучения языка, представленным в УМК «Le français.ru» более выигрышно, нежели в других отечественных учебниках французского языка, является, с нашей точки зрения, обучение грамматике. Здесь мы имеем в виду уже не только первую книгу, но и все прочие части многоуровневого учебного комплекта. Обучение грамматике на протяжении всего УМК характеризуется последовательностью изложения материала, которая не просто позволяет студенту сформировать системное представление о грамматическом строе французского языка, но и дает ему возможность освоить изучаемые явления активно. Это достигается за счет строгой дозированной новизны материала, когда большие темы (такие, как *passé composé*, личные местоимения, прямой или косвенный вопрос) вводятся не сразу целиком, а постепенно (авторы УМК справедливо указывают на то, что дробность представления не против-

речит системности видения материала³). Кроме того, «Le français.ru» отличаются логически выстроенные, чрезвычайно детальные и доступные грамматические объяснения, характеризующиеся отточенностью формулировок. Они сопровождаются большим количеством упражнений различных типов (на подстановку, трансформацию, перевод и т. д.), расположенных от простого к сложному и позволяющих постепенно овладеть всеми сторонами изучаемого явления. Крайне удачным представляется и решение строить эти упражнения на основе уже изученной ранее лексики и лишь в завершающей части урока вводить в них новый словарь. Наконец, чрезвычайно важным преимуществом грамматического курса «Le français.ru» видится также сочетание двух взаимодополняющих принципов в подаче материала: доминирующим на протяжении всех частей УМК является традиционный принцип «от формы к содержанию», но на заключительном этапе обучения, соответствующем уровням В2–С1, применяется и другой принцип, заимствованный из коммуникативной методики, – «от содержания к форме». Такой подход выглядит абсолютно обоснованным и отчасти новаторским, поскольку до сих пор авторы отечественных учебников французского языка использовали в своей работе лишь первый принцип.

Совокупность всех перечисленных черт грамматического сегмента «Le français.ru» приводит к тому, что в плане преподавания грамматики данный учебник действительно становится «самодостаточным», как это и было задумано авторами⁴, т. е. у преподавателя, работающего по нему, не возникает необходимости прибегать к использованию каких-либо дополнительных грамматических пособий.

Значительная часть «Le français.ru» посвящена также работе над лексическим материалом. Этот материал, подобно фонетике и грамматике, представлен авторами УМК в системе. Основной принцип организации лексического материала в учебнике – тематический. Он намечается уже на начальном уровне (А1) (хотя и не соблюдается еще на этом этапе в полной мере в силу ограничений, связанных с определенной последовательностью введения звуков и правил чтения) и проходит красной нитью через все книги УМК, вплоть до уровня В2–С1. Этот принцип представляется нам очень важным, поскольку лексическая тема урока является тем стержнем, вокруг которого, помимо собственно работы над языко-

³ Александровская Е. Б., Лосева Н. В., Манакина О. Е. *Le français.ru*. В1. Кн. 1. М., 2009. С. 5.

⁴ Александровская Е. Б., Лосева Н. В., Читахова Л. Л. *Le français.ru*. А1. С. 6.

вым материалом, могут быть организованы задания на развитие речевых умений (аудирования, чтения, говорения и письма).

Итак, почти все уроки УМК содержат раздел под названием «Enrichir son vocabulaire», где собраны слова и выражения по определенной теме, предназначенные для активного освоения. Наличие этого раздела существенно облегчает работу преподавателя, избавляя его от необходимости в каждом случае решать, какие лексические единицы должны быть отобраны для наиболее тщательного изучения, и от необходимости проверять, какие из них уже были освоены ранее. Думается также, что, вопреки распространенному мнению (согласно которому на продвинутом этапе студент в состоянии самостоятельно решать, какие выражения из предложенных в учебнике текстов выбрать), подобный тематический словарь совершенно необходим любому учащемуся независимо от его уровня, хотя бы потому, что учащиеся не могут представить себе программу изучаемого языка во всей ее целостности, а значит, не могут и определить задач каждого конкретного этапа.

Авторы «Le français.ru» включают в каждый урок ряд упражнений на отработку новых слов и выражений (главным образом это упражнения подстановочного и переводного характера), однако работа над лексическим материалом этим не ограничивается. Каждый урок УМК содержит также задания на чтение, которые строятся вокруг лексической темы урока. При этом количество текстов, предложенных для чтения в рамках одного урока, постепенно возрастает: так, на уровне А1 оно равно одному, на уровне А2 – двум, а на уровне В1 – уже трем-четырем. Это позволяет жестко ограничить материал, который необходимо освоить, в начале обучения и предоставить преподавателю и студенту большую свободу в дальнейшем. Характер работы с текстами по мере продвижения вперед также меняется. Если задания из книги А1 по преимуществу имеют целью помочь студенту выучить текст наизусть, то на уровне А2 акценты смещаются в сторону пересказа, а начиная с уровня В1 учебник предоставляет также гораздо более широкие возможности для организации дискуссий и свободной речи студентов. Это происходит, в частности, за счет того, что тексты, объединенные в одном уроке, затрагивают разные аспекты одной и той же темы. Например, пятый урок книги В1, посвященный теме «Семья», включает в себя три текста. Первый из них, относящийся к рубрике «Point de départ», рассказывает о проблемах, связанных с несовпадениями в мировоззрении разных поколений, и о трудно-

стях, с которыми часто сталкиваются сегодня люди пожилого возраста⁵. Второй текст, представленный в разделе «S'informer», посвящен проблемам молодежи и сложностям, которые последняя сплошь и рядом испытывает на пути обретения самостоятельности⁶. Наконец, автор третьего текста, помещенного в рубрике «Lire et discuter», набрасывает портрет современного подростка и предлагает нам задуматься о его качествах⁷. Подобное разнообразие текстовых материалов УМК «Le français.ru» позволяет узнать о проблемах современного общества, а также обсудить их. Многие тексты сопровождаются вопросами, отвечая на которые студент должен высказать свое собственное мнение по той или иной проблеме. Таким образом осуществляется плавный переход от чтения к говорению (или письму). Заключительная часть каждого урока на уровне B1 содержит также раздел «S'exprimer», где учащимся предлагается прослушать аудиозапись, касающуюся все той же лексической темы урока, и ответить на вопросы, сначала передавая содержание услышанного, а затем выражая свое собственное отношение к проблеме. Соответственно, задания на аудирование тоже оказываются в тесной связи с прочими материалами урока и тоже могут служить отправной точкой для организации дискуссий или письменных заданий (добавим в скобках, что обучению письму посвящен, помимо этого, особый раздел в конце каждого урока книг A2 и B1 – «Travailler sur un projet»). На продвинутом этапе изучения языка – B2–C1 – количество заданий, имеющих целью совершенствование различных речевых умений, существенно возрастает; в дополнение ко всем перечисленным появляются также задания, предполагающие просмотр видеоматериалов. В связи с этим названия разделов, образующих урок, меняются, но общая логика построения урока остается неизменной: его смысловым центром по-прежнему является определенная лексическая тема.

Тем не менее нужно отметить, что тематический подход – ведущий, но не единственный принцип организации лексики в УМК «Le français.ru». На всех уровнях, кроме начального (A1), он дополняется сопоставительным принципом, который лег в основу раздела «Dire correctement». Этот раздел присутствует в каждом уроке и содержит короткие комментарии, касающиеся употребления сложных для русскоговорящих студентов

⁵ Александровская Е. Б., Лосева Н. В., Манакина О. Е. Le français.ru. B1. Кн. 1. С. 142.

⁶ Там же. С. 151.

⁷ Там же. С. 154–156.

слов и выражений. По возможности авторы УМК старались соотнести эти комментарии с лексической темой урока. Например, в уроке 13 из книги А2 подобные комментарии соотнесены с темой «Жилье», они включают сопоставление таких слов, как французское «*étage*» и русское «этаж», анализ французских синонимов «*pièce*», «*salle*» и «*chambre*» и их русских эквивалентов, объяснение употребления различных французских предлогов, выражающих пространственные отношения, в их сопоставлении с русскими аналогами⁸. Каждое правило из раздела «*Dire correctement*» сопровождается серией упражнений на отработку изученного материала. Что же касается всего раздела в целом, то, вне всякого сомнения, он представляет очень большую ценность, так как позволяет избежать ошибок, возникающих вследствие различий между двумя языками.

Наконец, в завершение разговора о лексической части «*Le français.ru*» хотелось бы сказать несколько слов о характере отобранных авторами лексических тем. Как нам представляется, авторы УМК совершенно справедливо предлагают начинать с освоения бытовых тем, таких, как жилье, город, еда, одежда или здоровье (уровни А2–В1), и лишь затем переходить к изучению тем, касающихся интеллектуальной сферы или общественной жизни (литература, кино, живопись, история, философия, глобальные проблемы XXI в., уровни В2–С1). В среде преподавателей иностранного языка часто приходится слышать пренебрежительные отзывы о подобном порядке представления материала, поскольку бытовые темы часто воспринимаются как «низкие» и недостойные изучения в вузе. Однако хотелось бы возразить, что для студента, не владеющего «низким» материалом, освоение «высоких материй» может оказаться весьма проблематичным: так, например, для того чтобы увидеть сокровища Лувра, нужно прежде всего быть в состоянии купить туда билет.

В ткань «*Le français.ru*» также искусно вплетены уроки, имеющие особую страноведческую направленность и посвященные таким темам, как география Франции, ее история, философия и общественное устройство, история становления французского языка. Однако авторы УМК стремились к тому, чтобы и другие уроки, не имеющие этой особой направленности, могли служить источником достоверной информации о стране. Они ставили цель создать современный учебник, т.е. такой, который отражал бы сегодняшнее состояние французского языка и современ-

⁸ Александровская Е. Б., Лосева Н. В., Читахова Л. Л. *Le français.ru. А2*. М., 2007. С. 261–264.

ные реалии жизни французского общества⁹. Для достижения этой цели был очень значительно сдвинут временной пласт, к которому должен был относиться текстовый материал учебника. Если при создании учебников предыдущего поколения «современными» считались чуть ли не все тексты, написанные в XX в., то авторы «Le français.ru» отбирают лишь материал конца XX – начала XXI в. Вместе с тем они говорят о своем стремлении избежать «сиюминутности», т.е. текстов, быстро теряющих актуальность¹⁰, и «слов-однодневок»¹¹. Подобное решение представляется очень дальновидным, так как оно может являться залогом долгой жизни учебника. Хотелось бы также обратить внимание на изменения, внесенные авторами УМК в традиционную формулировку некоторых фонетических и грамматических правил. (Так, например, в учебнике снимается оппозиция между [a] *передним* и [ɑ] *задним*, между *носовыми* [ɛ̃] и [œ̃], а глаголы типа *céder* предлагается писать с *è* в *futur simple* и *conditionnel présent*.) Если изменения словоупотребления обыкновенно в большей степени лежат на поверхности и отмечаются при издании нового учебника, то фонетические и грамматические правила редко подвергаются корректировке и зачастую «перекочевывают» в новый учебник неизменными. Иными словами, в данном случае мы действительно имеем дело с современным как в лингвистическом, так и в экстралингвистическом отношении учебником французского языка.

В заключение хочется сказать, что «Le français.ru» – это учебно-методический комплект, составленный с большой заботой и о студенте, и о преподавателе. Об этом свидетельствует уже и одно только число компонентов данного УМК. Помимо учебника, для каждого уровня составлены тетрадь с дополнительными упражнениями, книга преподавателя, где мы находим подробные методические указания и ключи к упражнениям, диски с аудио- и видеоматериалами. Кроме того, фундаментальность и четкость структуры УМК обуславливают простоту его использования, а обилие предлагаемого материала позволяет выбрать то, что подходит для конкретной учебной ситуации. Немаловажен и тот факт, что «Le français.ru» превосходит всех своих «предшественников» по количеству частей, соответствующих различным уровням владения иностранным языком (от A1 до C1), это учебник, обеспечивающий последовательность обуче-

9 Александровская Е. Б., Лосева Н. В., Читахова Л. Л. Le français.ru. A1. С. 6.

10 Александровская Е. Б., Лосева Н. В., Читахова Л. Л. Le français.ru. B2–C1. Кн. 1. М., 2014. С. 6.

11 Александровская Е. Б., Лосева Н. В., Читахова Л. Л. Le français.ru. A1. С. 5.

ния на протяжении нескольких лет или даже на протяжении всего времени изучения французского языка в вузе. Это свойство, представляющее огромную ценность уже и само по себе, приобретает особое значение, когда внешние условия преподавания заданы неблагоприятно, например в ситуации частой смены преподавателя. Существенно и то, что по данному учебнику удобно работать как с сильными студентами, так и с теми, кому иностранный язык дается труднее. Одним словом, не вызывает сомнений, что «Le français.ru» заполнил очень большую лауну, давно уже существовавшую в сфере преподавания французского языка как иностранного в России.

А. С. Рыбакова

Сведения об авторе: Рыбакова Анна Сергеевна, старший преподаватель кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: annaryb@mail.ru

Н.В. Гоголь как художественный и культурно-исторический феномен / Зденек Пехал, Олег Зырянов и др. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2015. 202с.

Коллективная монография, содержащая работы о различных аспектах творчества Н.В. Гоголя, представляет собой успешный совместный проект сотрудников Уральского федерального университета (Россия) и кафедры славистики университета им. Палацкого в Оломоуце (Чехия). Кроме того, в нем участвовали филологи из Москвы, Перми и Кирова (Россия), из Донецкого национального университета (Украина), известные чешские русисты из университетов в Брно и Градец Кралове и их немецкие коллеги из университета Грайфсвальде. Данный проект завершает серию юбилейных изданий материалов научных конференций гоголевского года (2009)¹ и базируется на докладах специальной литературоведческой секции о творчестве Гоголя в рамках Оломоуцких дней русистики (4–6 сентября 2013 г.).

Разделяя широко распространенный на Западе тезис о загадочности феномена Гоголя в русской литературе, исследователи плодотворно разрабатывают ключевые проблемы творчества писателя, в частности идею о философско-антропологической направленности и амбивалентности гоголевской этики. Так, *О. Зырянов* (Россия), затрагивая проблему «негативной» антропологии Гоголя, приходит к выводу, что как религиозный романтик он, несомненно, двигался в сторону реализма – к «реализму в высшем смысле» (в духе реализма Достоевского); далее от чистой эстетики – к сугубо религиозной проблематике и от ветхозаветных мотивов – к идеям милости и любви, т. е. ценностям Нового Завета. Этот «архаический комплекс» Гоголя – духовно-религиозные тенденции – позволяет автору статьи очертить границы его художественного эксперимента, находящиеся между архаикой и авангардом. Об особенностях театральной эстетики в произведениях писателя, когда, по словам Мейерхольда, «надо играть не то, что написано, а другое», пишет в

¹ Наиболее значимые из них: Феномен Гоголя. СПб., 2011; Гоголь как герменевтическая проблема. Екатеринбург, 2009; и др.

статье «Диегезис гоголевского текста: механизм текстопорождения» *Л. Калягина* (Россия). Театральность мышления, по ее мнению, распространяется и на пьесы, и на прозу Гоголя, когда, избегая жизнеподобия, он все же создает картины жизни, апеллируя к эмоционально-ценностной сфере бытия, вызывая негативные чувства в читателе по отношению к описываемой жизненной ситуации, используя «две реальности» – сон и явь, ассоциативный ряд, причем сам автор настаивает на сотворчестве читателя.

Чешский исследователь Гоголя *И. Постпишл* поставил нелегкую задачу – обозначить автохтонные и аллохтонные корни его творчества, которые находятся на перекрестке восточнославянской, центральноевропейской и общеевропейской традиций. Ученый пришел к выводу, что русская литература, преодолевая посредством препост-эффекта, т. е. путем несовершенного усвоения классической западноевропейской поэтики прозы, схемы классического реализма и романа бальзаковского типа, предвосхищала поэтику модернизма и даже нередко предваряла поэтологические и текстуальные принципы постмодернизма, – тезис, который выглядит в статье достаточно обоснованным и убедительным.

В статье *О. Кравченко* (Украина) о культурологической миссии Гоголя в оценке А. Белого, т. е. о вхождении гоголевской традиции в литературу XX в., весьма подробно и объективно оцениваются взгляды этого литературоведа-символиста на заданную Гоголем и его поэтикой художественную планку, отмечены его верховенство среди «титанов реализма» и его трагическая гибель как первопроходца на пути преодоления «душевности» во имя духа. Тонкий анализ исследовательницы объясняет и смысл заявленной А. Белым триады «Гоголь – Достоевский – Толстой», где показана онтологическая суть творчества этих писателей, что подтверждает факт их востребованности культурой модернизма.

Во втором разделе монографии рассматриваются актуальные проблемы, связанные с категорией художественного пространства в произведениях Гоголя. Так, чешский ученый *З. Пехал* подробно исследует бинарные оппозиции эстетики Гоголя в сфере пространства, связанные с типами повествования (сказ и пересказ), такие, как дух и плоть, жизнь и смерть, возвышенное и низкое, комическое и трагическое, великое и малое и др. По мнению исследователя, гоголевский текст создает иллюзию, что он является пересказом, в границах которого оппозиции пространства первоисточника приобретают единство, тогда как в сказе отражается персональная точка зрения повествователя. Эти выводы, безусловно,

вносят свой вклад в копилку современного понимания и дальнейшего изучения творчества Гоголя.

О символике образа города в статье «Гоголь открывает город» пишет *Ю. Манн* (Россия). Он анализирует романтические грани в изображении города и образа художника Пискарева в петербургской повести «Невский проспект», а также аллегорическое начало в изображении как внутреннего мира человека, так и образа его души в комедии «Ревизор», обозначившей движение уже к реалистическому стилю, однако на «фундаменте, заложенном романтизмом» (с. 87). Его статья, динамичная по форме, будит читательский интерес, а выводы глубоко обоснованы и убедительны.

В работе чешского филолога из Брно *Й. Догнала* «Пространство в повести „Шинель“ и его ценностная трактовка» рассматриваются пространственные отношения «внизу (вниз)» и «наверху (вверх)», связанные с местонахождением героя и его передвижением по открытому и закрытому пространству в соответствии с сюжетом произведения. Эти характеристики в замаскированном виде «рассеяны» по всему тексту. Эпилог повести, по замечанию исследователя, – это попытка сбалансировать одностороннее изображение А. А. Башмачкина в главном сюжете, где он является пассивным антигероем замкнутого пространства. Однако, на наш взгляд, в конце повести герой все-таки его нарушает: он идет в «лучшую часть города», где проживает чиновник, пригласивший его на именины, затем пытается добиться справедливости в кабинете «значительного лица», при этом даже нарушив субординацию, в результате чего в конце концов и погибает.

О пространстве страха и страхе пространства и его психологическом измерении в произведениях Гоголя подробно и доказательно пишет исследователь *В. Поздеев* (Россия). Так, по его мнению, в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» эстетика страха тесно связана с фольклором, а в «Миргороде» страшное, скрытое «под всем веселящимся», носит уже типично гоголевский характер; страх же героя «Вия» явно приближен к экзистенциальному ощущению этого состояния. Виртуальный страх перед открытым пространством Невского проспекта очевиден в «Петербургских повестях», его враждебность также ощущают петербуржцы в «Шинели», а социально обусловленный страх таится в замкнутом пространстве комнат бедняков; наконец, в «Записках сумасшедшего» онтологический страх героя переходит в его горькую жалобу на боль и одиночество в мире. Таким образом, автором статьи в полной мере продемонстрированы разнообразные оттенки психологии страха у Гого-

лы в их эволюции, художественные открытия которого в дальнейшем были развиты и продолжены другими писателями, в частности Ф. М. Достоевским, В. В. Набоковым и др.

В третьем разделе коллективной монографии представлены опыты анализа и интерпретации отдельно взятых произведений Гоголя, иногда рассмотренных в связи с проблемами русской литературы. Так, *А. В. Злочевская* (Россия) обращается к теме самозванства в комедии Гоголя «Ревизор» и трагедии Пушкина «Борис Годунов», в центре которых, по словам исследовательницы, «миражная интрига», обуславливающая падение не только самозванцев (Хлестакова и Г. Отрепьева), но и самих властителей: царя Бориса и Городничего, нечистая совесть которых заставила их поддаться панике и в результате сдать свои позиции. При этом идею неизбежного возмездия воплощают, по ее тонкому замечанию, «немые» финалы этих произведений: у Пушкина – «народ безмолвствует», а у Гоголя – в страхе перед приездом настоящего ревизора, т. е. «совестью» или «Страшным судом», герои по воле автора застывают на сцене. Анализ заданной в работе темы отличается свежестью интерпретации, глубоким проникновением в текст произведения и убедительностью.

Символика имен и фамилий в поэме Гоголя «Мертвые души» детально рассматривается в статье *Ю. Кондаковой* (Россия) «Синдром Коробочки»: действительно, фамилия не только создает образ хозяйки, но и порождает облик окружающих ее предметов. Так, дом Коробочки по своему описанию очень напоминает сломанную музыкальную шкатулку, как и пространство шкатулки Чичикова символизирует его душу; ономастика имен этих героев, полученных ими при крещении, – Павел и Анастасия, – по замечанию исследовательницы, намекает на возможность их возрождения.

Две работы этого раздела, принадлежащие перу *У. Екуч* (Германия) и *Л. Житковой* (Россия), своей проблематикой связаны с нашумевшей в свое время книгой Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». У. Екуч сосредоточивает внимание на дискуссии между Гоголем и Жуковским о святости искусства и священности слова. В статье приводятся точки зрения этих писателей на задачу искусства – создание прекрасного – и на связь его с религией; при этом одновременно подчеркивается разница между их взглядами: если Жуковский ограничивается эстетическими и сакральными аспектами, то Гоголь как поздний романтик, отошедший от европейского романтизма, гораздо естественней вписывается в национальное мышление XIX в.

В статье Л. Житковой детально анализируется восприятие поэмы Гоголя «Мертвые души» и его книги «Выбранные места...» современниками (В. Белинским, Аксаковыми, А.В. Дружининым, Ап. Григорьевым, Н. Чернышевским) и более поздними исследователями (В.С. Соловьевым, Д.С. Мережковским и др.). Так, Белинский действительно угадал масштаб писателя, обратив особое внимание на полноту его мысли о жизни и человеке, однако, полемизируя с К.С. Аксаковым по поводу эпичности содержания поэмы «Мертвые души», говорит о ее призрачности (тезис, который в дальнейшем успешно развил в своей работе «Гоголь и черт» Мережковский). Вместе с тем Белинский предложил целый ряд идей и концепций для освоения этой поэмы.

Автор статьи четко отделяет позицию семьи Аксаковых от общего осуждения книги Гоголя «Выбранные места...» и очень к месту приводит цитату из работы Дружинина о «чистосердечном» непреднамеренном непонимании гоголевского таланта его современниками. А.С. Аксаков воспринял «Выбранные места...» не как книгу «заблуждений», но как документ, «позволяющий проникнуть в тайну творческого и духовного пути писателя» (с.152). Как справедливо отмечает исследовательница, в восприятии А.В. Дружинина и Ап. Григорьева религия становится «органической почвой» гоголевских произведений, сферой жизни духа, где обретаются идеал и гармония. Н. Чернышевский, напротив, рассматривал религиозность лишь как форму идеологии; не признавая творческого кризиса Гоголя, он так и не смог признать религиозность как глубокую основу его «художественного универсума» (с.155).

Проследив эволюцию критической мысли о творчестве Гоголя до В.С. Соловьева – специалиста по творчеству Достоевского, представителя религиозно-христианской культуры, – Л. Житкова справедливо отмечает верховенство Гоголя, впервые в русской литературе поставившего насущный вопрос «о трагизме религиозного отпадения человечества» (с.156).

Вдумчивый многоаспектный анализ различных точек зрения выдающихся русских критиков Гоголя и его неоднозначных идеологических взглядов позволяет автору статьи сделать глубокие и во многом справедливые выводы о природе гоголевского гения, а также о вкладе отечественной критики XIX и XX вв. в мировую «гоголиану».

Последний раздел монографии охватывает весьма актуальную проблему – это гоголевская традиция в русской литературе. О современном ее прочтении повествует чешский ученый *О. Рихтерек*, рассматривая

креативное восприятие роли художественной детали и смеха у Гоголя, связанных с семантикой подтекста его самобытной фантастики, сыгравшей важную роль в дальнейшем развитии русской литературы, в частности в художественном наследии Достоевского и Чехова. В чешской культуре эти писатели, по замечанию О. Рихтерека, воспринимаются как главные наследники гоголевской традиции, что особенно сказывается в переводческой практике. Гоголевские открытия семантической и стилистической силы детали, фантастики, смеха, словесной игры и подтекста, по его мнению, не только являются отличительными признаками русской литературы, но также способствуют созданию особого статуса мировой литературы в жизни общества.

О гоголевских мотивах в современной русской драматургии пишет в своем актуальном исследовании *М. Палушова* (Чехия), анализируя пьесы драматургов наших дней: Н. Коляды, О. Богаева, Н. Садур – по мотивам гоголевских произведений и их театральную постановку уже в современном прочтении и актуальной трактовке, что также характеризует сценическую традицию последних лет.

Тонкими наблюдениями пронизана статья *У. Маргграфф* (Германия) о постмодернистской трансформации гоголевских каламбуров в романе Т. Толстой «Жысь». Завуалированность гоголевского «следа», в отличие от пушкинского и чеховского, в этом романе высвечивается, по ее мнению, выразительностью стиля (с. 175) – с помощью звукописи и ритмической организации, парцелляции и анафоричности построения, изобилия каламбуров, построенных на звуковом соответствии, на абсурде, который стал неотъемлемой частью модернизма XX в.

В статье *М. Абашиевой* (Россия) анализируется поэма «Мертвые души» как источник гоголевских мотивов в прозе 2000-х гг., в частности в плутовском романе «Блудо и МУДО» (2007) А. Иванова, который имеет с ней явную сюжетную связь. Поэтика романа Иванова, по мнению исследовательницы, соприродна гоголевской: это гротескный реализм с чертами агиографии, жанровой формой плутовского романа с элементами рыцарского и мистического; автор использует гоголевскую модель, травестируя, но не осмеивая ее.

Таким образом, рецензируемое издание свидетельствует о широте научных интересов современных исследователей творчества Гоголя в России и за рубежом, их солидном научном потенциале. Очевидно, актуальность проблематики указанных исследований, а также глубокое погружение их авторов в творческую лабораторию Н. В. Гоголя, что весьма

положительно сказалось как на изучении его традиций в литературе XIX–XX вв., так и на разнообразии современных подходов и к его творческому наследию, и к критическому наследию о нем.

Т. Н. Белова

Сведения об авторе: Белова Татьяна Николаевна, кандидат филол. наук, старший научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире» филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: tnbelova@yandex.ru

Еремин В.Н. 100 великих литературных героев. М.: Вече, 2015. 320 с. (Популярная коллекция «100 великих»).

Россия, как известно, перестала читать. Хоть бы массовой литературы потребляла побольше. В 2000 г. М.Л. Гаспаров заметил: «Массовая культура – это все-таки лучше, чем массовое бескультурье»¹. Но всякую литературу, в том числе классическую, надо объяснять. Через четыре года тот же выдающийся ученый заявил, что «насушенная потребность в научно-популярной литературе виднее с каждым днем. Масса информации вокруг нас растет, школа с нею уже не справляется, и все большую часть ее берут на себя научно-популярные книги»². Важно, однако, чтобы их авторы и издатели хотя бы стремились к объективности. Идеологизированные книги, как правило, далеки от научности. Вот издательство «Вече» выпускает «популярную коллекцию „100 великих“» с весьма определенными установками: антидемократическими, антиинтеллигентскими, однозначно антизападными (хотя существование *веча* в Киевской Руси было одним из раннедемократических признаков, сблизивших ее с Западной Европой), ура-патриотическими, т.е. требующими восхваления России как за хорошее, так и за плохое³, нередко религиозными и вместе с тем коммунистическими⁴ вплоть до оголтело сталинистских⁵.

¹ Гаспаров М.Л. Филология как нравственность. Статьи, интервью, заметки. М., 2012. С. 7.

² Там же. С. 187.

³ По сути, это национализм – «детская болезнь в истории народа» (Там же. С. 121).

⁴ Еще в начале 1990-х гг. П.Л. Вайль обратил внимание на то, что теперь вместо «Слава КПСС!» звучит «Христос воскрес!» – даже не заметили, что это в рифму (Вайль П. Смерть героя // Знамя. 1992. № 11. С. 224).

⁵ Например, в книге Д.О. Чуракова «СССР при Брежневе. Правда великой эпохи» (2015) – на обложке подзаголовок напечатан даже в виде «Вся правда о великой эпохе» – к Брежневу и его окружению предьявляется (для «объективности») ряд претензий, но главными отрицательными персонажами выступают Хрущев, Андропов и Горбачев заодно с Ельциным, а главным положительным – Сталин. Апологетическими книгами о «вожде народов» завалены ларьки, обслуживающие книжные распродажи.

Книга В.Н.Еремина на первый взгляд безрелигиозна: ее открывает статья о самом раннем сохранившемся эпосе «Гильгамеш», герой которого не смог добиться бессмертия для себя – «не телесная оболочка, а память потомков даруют (так.– С.К.) смертному вечность. Таков и есть единственный верный ответ на вопрос о смерти и бессмертии человека» (с. 6). Но здесь просто не затрагивается вопрос о бессмертии души, а дальше практически весь Запад обвиняется в вероотступничестве. Дон Кихот (второй части романа о нем) – «главный положительный герой мировой литературы» (с. 128), с чем, пожалуй, еще можно согласиться, и «идеальный герой евангельского типа», появившийся «в годы вопиющего разложения европейского христианского общества, на закате эпохи пап-меценатов, скомпрометировавших римскую курию во всемирном масштабе <...> и спровоцировавших Реформацию, которая, в свою очередь, не только залила континент потоками крови, но и положила начало процветающим ныне всеобщим атеизму, индивидуализму и нигилизму» (с. 127). Виноваты в этом как папство и Реформация⁶, так и литература, причем не одна лишь ренессансная, пусть она и была гениальной: «<...> Рабле входит в то малое число гениальных мыслителей, кто изначально обосновал идеологию индивидуализма, безверия и атеизма под личиной

⁶ Самый плодовитый из современных беллетристов (см.: *Чупринин С.* Русская литература сегодня. Малая литературная энциклопедия. М., 2012. С. 137) А.А.Бушков в своих «исторических» изысканиях ничего не имеет против католицизма, но протестантизм резко осуждает как действительно заливший кровью Европу и не только. Для протестанта нет свободы воли, «еще до рождения человека вся его жизнь, равно как и судьба, железно predeterminedены Творцом». Значит, «если человек богат, богатство само по себе, автоматически делает его праведником. Если человек беден, он не заслуживает ни капли жалости, сочувствия, помощи – так ему „на роду написано“. <...> Ну, а всевозможные „дикие туземцы“ обречены на то, чтобы быть покорными слугами „белого праведника“, одушевленными вещами – в силу того, что у белого есть божьей волею мушкет и кираса, а у голого негра ничего подобного нет...» (*Бушков А.* Россия, которой не было – 3. Миражи и призраки. М., 2004. С. 114–115). Идеализировать протестантизм действительно не стоит, но не стоит и ставить вопрос внеисторично. «Когда усложнение общественной жизни потребовало большей дифференциации труда, почва для религиозного тоталитаризма исчезла, наступила реформационная и ренессансная секуляризация культуры. <...> Марксизм унаследовал традиции религиозного тоталитаризма, а русская обстановка его применения – традиции государственного тоталитаризма. Так сложилась советская культура. Этому соответствовала реанимация рабовладельческих и крепостнических отношений в нашем режиме – насильственное упрощение общественной жизни» (*Гаспаров М.Л.* Философия как нравственность. С. 124–125).

гуманизма и самоценности человеческой личности, преклонения перед беспредельными возможностями науки и воспитания, свободы человека и общества в целом от чьей бы то ни было власти и фикции подчиненности властей свободному обществу и т.д. Таким образом, французское „Гаргантюа и Пантагрюэль“ является произведением идеологическим, стоящим в одном ряду с итальянской „Божественной комедией“ Данте, немецким „Фаустом“ Гете и английским „Гамлетом“ Шекспира, и демонстрирует нам подлинную духовную сущность западноевропейской цивилизации» (с. 164)⁷. У Гете отрицательным героем оказывается не только Фауст (ну зачем ему нужно все больше и больше познавать?), но и несчастный Вертер: «<...> в названии романа автор использовал библейские мотивы, фактически сопоставив эротические страдания Вертера с вселенскими спасительными страданиями Иисуса Христа, поскольку оба якобы являются носителями любви к людям. Это немислимое для верующего человека сопоставление вполне характерно для общества атеистического мракобесия, каковой являлась Европа XVIII–XIX вв.» (с. 145–146). «Благочестивое» перечеркивание высших достижений мировой литературы – уже, стало быть, не мракобесие.

Отрицая национальное своеобразие восточнославянских народов («Никогда Бульба не был ни украинцем, ни белорусом, ни великороссом. Он был русским казаком, и этим сказано все. Никогда Гоголь не был украинским, белорусским или великоросским писателем. Он был русским писателем и иным быть не мог!!!», с. 234), В.Н.Еремин вместе с тем противопоставляет себя националистам и развенчивает немало персонажей отечественной классики, часто вместе с писателями, создавшими их. Конечно же, Чацкого («болтуна и лоботряса», с. 222), Онегина, Печорина, Базарова, по сути, в одном ряду с Чичиковым, Фомой Опискиным и Иудушкой Головлевым (в возможность предсмертного просветления которого не верит, споря со Щедриным⁸). Среди исторических лиц

⁷ Автор, видимо, не читал Бахтина, доказывавшего, что народная культура средневековья и Ренессанса, усвоенная Рабле, не противостояла официальной церковной культуре, а чередовалась с ней, прежде всего в качестве карнавальной «разрядки».

⁸ Более убедителен представитель откровенно религиозного литературоведения И.А.Есаулов: «Внезапное „пробуждение совести“ у героя (сама неожиданность которого проистекает именно из-за отсутствия „промежуточного“ состояния между Иудушкой Головлевым и Порфирием Владимировичем Головлевым) совершается в духе *православного* представления о человеке» (Есаулов И.А. Русская классика: новое понимание. СПб., 2013. С. 205).

достается П. П. (с. 223) – а не П. Я. – Чаадаеву и декабристам. Без всяких доказательств о «Евгении Онегине» сказано: «В восьмой главе Пушкин открыто (хотя только для посвященных, среди которых, однако, был и Николай I) связал Онегина с декабристами» (с. 229). А дворянскую революцию, оказывается, разоблачил еще раньше, во сне Татьяны, «где ветряная мельница – символ революции – сидит за одним столом с якобы чудовищами, а на самом деле – с русскими императорами, начиная с Петра I, ибо Пушкин последовательно перечислил придворные прозвища венценосцев и лиц их ближайшего окружения. Интересно, что в хижину Татьяну притащил Медведь – прозвище Николая I <...>. Татьяну можно рассматривать как народ-жертву, которому Медведь пытается открыть глаза на истину» (с. 227–228). Впрочем, царей и их окружение В. Н. Еремин тоже осуждает, особенно в статье о «Левше» Лескова: они паразитируют на патриотизме народа, «который не бесконечен и в конце концов вынужден искать выход в поиске более разумных властителей» (с. 277). Ленин и Сталин здесь не называются и все же, безусловно, подразумеваются. Признается, что «возрастала оппозиционность Александра Сергеевича российской власти, но не монархии, а конкретно династии Романовых, которую Пушкин справедливо полагал главной виновницей европеизации России, что влекло страну к национальной катастрофе и делало революцию, подобную Великой буржуазной во Франции, неизбежной» (с. 230).

Правда, В. Н. Еремин упоминает о горькой судьбе Харлампия Ермакова (прототипа Григория Мелехова), расстрелянного в 1927 г., но ради разоблачения «высших слоев», которые ввергли народ «в пучину кровавых войн». Шолоховский «Тихий Дон» оценивается очень высоко, но за счет принижения «Войны и мира» *графа* Толстого. «Так, Григорий Мелехов советского гражданина, в прошлом мещанина Шолохова, подлинный казак, живущий полнокровной, страстной человеческой жизнью, стал антитезой Платону Каратаеву, в образе которого аристократ Лев Толстой попытался воплотить собственные абстрактные представления о русском народе и о том, каковым он должен быть, но никогда на самом деле не был. Аксинью же можно рассматривать куда более пронзительной (в отличие от Мелехова – Каратаева) народной антитезой офранцуженной графинечке Наташе Ростовой» (с. 295). В статье о романе Г. Гарсиа Маркеса «Осень патриарха» автор книги готов «с известной долей оговорок утверждать, что прототипом президента стал Иосиф Виссарионович Сталин» («а его подручного Хосе Игнасио Саенс де Ла Бара – Лаврентий

Павлович Берия»)), но только «в представлении западных демократий» (с.138). Завершает книгу очерк «Незнайка», где о детской повести всерьез говорится: «Ответом советским интеллигентам-нищанцам стал „Незнайка на Луне“, произведение <...> сатирическое, только сатира эта была направлена не против капиталистического мира, а против пресмыкавшихся перед ним отечественных словоблудов. Более того, „Незнайка на Луне“ – это жестокая, справедливая и неопровержимая сатира гениального предка-прозорливца на современную Россию и на все то, что творилось и творится в ней весь постсоветский период» (с.313–314). Выходит, далеко наивному Л.Н.Толстому до гениального прозорливца Н.Н.Носова. А кто такие пресмыкавшиеся нищанцы? Оказывается, шестидесятники. Они «сформулировали основные идеи диссидентского движения прозападного толка, которые впоследствии были использованы нашей внутренней криминальной бюрократией для опорочивания идей социализма, развала СССР и реставрации капитализма в пользу этой самой бюрократии» (с.313). Идеи социализма сами по себе, конечно, хороши, да слишком много в реальной советской истории им противоречило, а экономика так и не пожелала подчиниться идеям.

Совсем по-советски В.Н.Еремин в статье «Мегрэ» клеймит буржуазный правопорядок: «<...> в мире капитала закон, каким бы справедливым он ни казался на бумаге, на деле чаще оказывается безнравственным по своей сути. Не может быть равенства между богатым и бедным, а следовательно, не должно быть равной их ответственности перед законом» (с.213). Это отчасти справедливо, для такого вывода дают основания романы Ж.Сименона, создавшего, конечно, не «направление», а новую жанровую разновидность – «социально-психологический детектив» (с.211). Но не лучше же совсем без законов или с ленинско-сталинским беззаконием.

В.Н.Еремин, конечно, не марксист, для него не важно деление общества на конкретно-исторические социально-экономические классы. В статье «Жюльен Сорель» он абсолютизирует «закон Сореля», открытый Стендалем: «<...> с преодолением сословности по рождению общество неизбежно переходит к сословности по богатству. <...> Что бы ни происходило, в мире людей неизменно сохраняются два сословия – сословие властителей и сословие рабов» (с.178). Маркс таким пессимистом не был. Благородно выставить себя защитником «рабов», но, похоже, Еремин не верит в их способность выйти из своего «сословия» и не хочет, чтобы они постарались стать побогаче.

Сочинитель книги прежде всего морализирует, подражая позднему Гоголю. Он целиком принимает «Развязку „Ревизора“» с ее отказом от социальной трактовки комедии – будто это действительно только аллегория скверного душевного состояния автора; не соглашается признать в «Селе Степанчикове и его обитателях» элементы пародии на Гоголя-моралиста и интерпретирует образ Опискина в духе «Развязки „Ревизора“»: «Бесспорно, единственным прототипом Фомы Фомича Опискина является сам Федор Михайлович Достоевский! Та темная, мрачная часть Достоевского, которую он осознал в себе на каторге <...>» (с. 249) и, видимо, не преодолел в своих великих романах. Тут моралист вдруг солидаризируется с критиком-нигилистом: «Не зря Писарев заметил, что именно Соня, даже не зная его, подтолкнула Раскольникову на убийство. Все будет списано на нищету, несчастье и плачущих голодных детей, все будет оправдано верой в Бога! <...> Убийца гораздо менее преступен перед Богом и людьми, чем падшая девка, ибо Раскольников загубил всего две души, а Мармеладова – сотни, если не тысячи» (с. 255). Конечно, такая же «девка» – Настасья Филипповна в «Идиоте». Теперь главный герой – мужчина еще хуже, и насколько хуже! Нельзя было писателю сблизать человека со Христом. Князь Мышкин – не богочеловек, а человекобог, т.е. бес (бесом называл Еремин и гоголевского Чичикова; ну и родство!). «Достоевский первым привел в мир идеально „доброго“ и „справедливого“ беса – беса искушения прощением, то есть интеллигентского беса. <...> Гораздо позже, обретаясь в мире порушенных мышкинской цивилизацией мозгов, М. А. Булгаков окончательно поставил сатану на место Бога, изобразив его в „Мастере и Маргарите“ единственным справедливым и всевластным вершителем суда над грешниками» (с. 258). Такое вот сближение. Совершенно не учитывается то, что биографически для Булгакова, и не его одного, был лучше «сатана» Сталин, чем «мелкие бесы» из числа «пролетарской» писательской братии: у кого была власть, тот действительно мог их поставить на место, да и уничтожить. И в романе все-таки «свет» – в ведении Иешуа, а не Воланда, мастер же с Маргаритой, обязанные последнему, заслужили только «покой».

Понятно, что В. Н. Еремин бичует и Манон Леско, и Кармен, и Эмму Бовари, и прочих развратниц и развратников. Конечно, автор «порнографического» романа «Лолита» оценивается довольно пренебрежительно. Но содержание художественных произведений и позицию автора нельзя сводить к сюжету и поведению тех или иных персонажей. Надо бы, например, иметь в виду, что почти всегда в мировой литературе показыва-

ется взаимная любовь (часто несчастная, претерпевающая тяжелые испытания, даже с трагическим финалом, но взаимная), а выдающихся романов о безответной любви всего четыре: «История кавалера де Грие и Манон Леско» аббата Прево (В. Н. Еремин приводит полное название, но не понимает, что главный герой – он, а не она, и все гнет свою мораль: «Именно с Манон Леско начинается интеллектуальное оправдание зла демагогическим словом и мыслью», с.168), «Страдания юного Вертера» Гете, «Евгений Онегин» Пушкина и «Лолита» Набокова. И все они отнюдь не ограничиваются показом личных отношений между мужчиной и женщиной. Говоря об «Истории кавалера де Грие...», сам Еремин скрепя сердце признает, что она «считается чуть ли не первым психологическим произведением мировой литературы» (с.171). И «Лолита» в этом ряду – далеко не последнее по художественному качеству⁹.

Отбор «великих героев» (почему они великие, если среди них едва ли не преобладают резко отрицательные?) в книге В. Н. Еремина произволен и никак не мотивирован. В первом разделе – «Литература древнего мира» – кроме Гильгамеша представлены лишь персонажи греко-римской античности, не всегда самые видные (Медея, Одиссей, Тримальхион, Антигона, Филемон и Бавкида), нет ни китайцев, ни индийцев; во втором разделе – «Литература народов Азии» – всего два персонажа, Шахерезада и Ходжа Насреддин, оба фольклорные, а не собственно литературные. Зачем разоблачительно европейской культуры, особенно английской и французской, зарываться в Азию? Вот английской литературе посвящено 19 статей, французской – 20, а итальянской да испанской хватило и по две («Беатриче» и «Турандот», «Дон Жуан» и «Дон Кихот»), датской или норвежской – по одной («Дюймовочка» и «Пер Гюнт»). Отечественную литературу патриот вниманием не обошел, 20 статей (но каких!) посвятил русской литературе и 10 – отдельно советской, причем не

⁹ «Глубокая психологическая метаморфоза <...> с героем „Лолиты“ В. Набокова – чудо, возникающее из *чудовищного*. С самого начала чудовищное в герое – его извращенное эротическое вождление – соединяется у Гумберта с чем-то иным – с утонченным чувством красоты, „наследием поэтов“, выраженным разветвленной сетью литературных реминисценций и ассоциаций – с Кагуллом, Шекспиром, „Жан-Жаком“ (Руссо.– Л. К.), Достоевским и др. В „Лолите“ автор дает своего рода „развязку мифа“ (по его собственному слову)» (Колобаева Л. А. От А. Блока до И. Бродского. О русской литературе XX века. М., 2015. С. 15). Духе Гумберта («когда он потерял Лолиту) открывается *чудо чистой любви*. И это „чудо“ становится для читателя психологически непреложным и несомненным» (Там же. С. 16). Конечно, только для непредвзятого читателя.

всегда содержание соответствует названию статьи («Полиграф Полиграфович Шариков» – разоблачение эгоистичных врачей-интеллигентов, «Незнайка» – тоже в основном не о главном персонаже повестей Носова). Так нередко и в других разделах. Например, «Д’Артаньян и мушкетеры» – по преимуществу о прототипах и о том, как работал над своими (своими ли?) произведениями А. Дюма, «Беатриче» и «Дюймовочка» – о биографических истоках образов, созданных Данте и Андерсеном, «Джейн Эйр» – просто биографии всего семейства Бронте.

Разбираться в мировой литературе взялся далеко не эрудит. Добросовестностью он тоже не отличается. «Айвенго» назвал «Легендой о доблестном рыцаре Айвенго» (с. 49), перепутав роман Вальтера Скотта и советский фильм «Баллада о» том самом «добрлестном рыцаре». В статье «Козьма Прутков» «Пробирная палатка» дважды именуется «палатой» (с. 262), Шура Балаганов стал Пашей (с. 293), доктор Борменталь – Броменталем (с. 297), наверно, как использующий бром, В.П. Боткин получил инициалы В.И. (с. 312), Твардовского в 1954 г. будто бы сняли с поста главного редактора «Нового мира» за поэму «Теркин на том свете» (с. 305), а не за публикацию ряда статей четырех критиков, направленных против официозной лакировочной литературы. В статье «Тимур» сочинитель запутался в хронологии, сообщив, что, когда А. Гайдар в 1925 г. женился, у его жены, по некоторым источникам, уже был сын, родившийся в 1926 г. (с. 299). Нелепость объясняется далее: сообщается, что по другим источникам Тимур родился через год и был «законным ребенком писателя» (с. 300).

Как ни странно, в книге иногда верно говорится, что нового привнес тот или иной писатель в литературу (это необязательно поощряется). Например, Берроуз, автор Тарзана, «писал чисто развлекательные книги, чем и закладывал основы масскультуры – культуры пустопорожней развлекаловки. <...> Именно трудами Берроуза окончательно оформилось целое направление фантастической беллетристики – приключенческое» (с. 39, 40). Или в статье о герое Агаты Кристи: «До „Восточного экспресса“ преступник в обязательном порядке должен был действовать в одиночку, а здесь их оказалось сразу несколько. Зато Эркюль Пуаро остался неизменным гением дедукции и умозаключений» (с. 105). Даже о высокой классике В.Н. Еремин может произвольно сказать нечто небезосновательное, направленное против модернизирующих интерпретаций (хотя сам до них большой охотник), например в статье «Гамлет»: «<...> гениальность Шекспира-драматурга <...> заключается в том, что он ни-

когда преднамеренно и не создавал конкретные человеческие образы. Шекспир лишь набрасывал канву сюжета, в которую вводил мертвые манекены-контуры с набором риторических и характерных фраз и монологов. <...> Сколько бы мы ни обсуждали какую-то постановку „Гамлета“, на самом деле мы будем обсуждать понимание режиссером и исполнителем главной роли философии Монтеня в свете понимания ее именно (и только) нами» (с. 54). Об этом не столь вызывающе говорил и настоящий ученый: «Каждая эпоха предлагала свое толкование „Гамлета“, каждая вычитывала в нем ответы на свои собственные проблемы, даже не задумываясь о том, как это понимал Шекспир»¹⁰.

Но в целом перед нами – отнюдь не «научно-популярное издание» (с. 320), как сказано в выходных данных, а антинаучно-популистское. Да сочинитель и пробалтывается (буквально!) в статье о героине Б. Брехта: «<...> мамаша Кураж – символ ничтожного мятущегося человечка в исторических обстоятельствах, созданных властителями своего века по их жадности и гордыне. А человечку и надо-то немного – выжить. Он и выживает, как умеет. За то и подлежит беспощадному суду сторонних болтунов из иных времен, вроде нас с вами» (с. 154). Под «вами» все-таки подразумеваются единомышленники (если тут можно говорить о мысли) В. Н. Еремина, количество которых постоянно увеличивается не без влияния многочисленных подобных книжек.

С. И. Кормилов

Сведения об авторе: Кормилов Сергей Иванович, доктор филол. наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: profkormilov@mail.ru

¹⁰ *Гаспаров М.Л.* Филология как нравственность. С. 140. Было даже порезче: «<...> Шекспир не вкладывал в „Гамлета“ и сотой доли того, что вкладываем мы» (*Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. М., 2000. С. 85).

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МИР ГЛАЗАМИ ДУШИ, ДУША ГЛАЗАМИ МИРА»

15–17 октября 2015 г. в Варшаве в Библиотеке Варшавского университета прошла международная научная конференция «Мир глазами души, душа глазами мира. Антропологические и языковые образы души в межкультурной перспективе» («Świat oczyma duszy, dusza w oczach świata. Antropologiczno-językowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej»), организованная Институтом славистики Польской академии наук, Институтом востоковедения Варшавского университета и Фондом славистики. В конференции приняло участие более 80 ученых, среди которых были исследователи из Польши, а также из России, Беларуси, Украины, Франции, Словакии, Литвы и Чехии, специалисты в области социологии, культуры, истории, психологии, языкознания и литературы. Были заслушаны доклады исследователей из Университета в Гданьске, Ягеллонского университета, Педагогического университета им. Комиссии народного образования в Кракове, Католического университета Иоанна Павла II в Люблине, Университета им. Марии Кюри-Скłodовской в Люблине, Опольского университета, Университета им. Адама Мицкевича в Познани, Силезского университета в Катовице, Университета в Торуни, Варшавского университета, Вроцлавского университета, Академии им. Яна Длугоша в Ченстохове, Поморской академии в Слупске, из институтов Польской академии наук: Института археологии и этнологии, Института польского языка, Института развития села и сельского хозяйства, а также из Института славистики ПАН. В конференции приняли участие выдающиеся ученые из-за границы. Были представлены крупные исследовательские центры Восточной и Западной Европы: Институт славяноведения Российской академии наук, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российский государственный гуманитарный университет, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Карлов университет в Праге, Парижский университет, Киевский национальный университет им. Тараса

Шевченко, Вильнюсский университет, Университет Константина Философа в Нитре, Даугавпилсский университет, Белорусский государственный университет в Минске и др.

За три дня было прочитано 78 докладов. Каждый день проходили два пленарных заседания, а также работали параллельно четыре секции. Докладчики уделяли внимание разным аспектам проявления души и ее восприятия как в традиционных религиях, так и в литературных произведениях, во фразеологизмах и паремиях. Участники конференции пытались ответить на вопрос о восприятии мира «сквозь призму души», уделяли внимание описанию чувств, учитывали роль интуиции и психики, пытались провести границу между миром материальным, воспринимаемым органами чувств, и духовным, который кажется уникальным и неповторимым, подчеркивали трансцендентную перспективу обрядов и духовных практик. Внимание уделялось и восприятию души миром – не только сквозь призму философии, но также неврологии. Важной темой оказалась концептуализация души в языке, а также в изобразительном искусстве и литературе.

Конференцию открыло пленарное заседание, в рамках которого выступили два докладчика. *С. М. Толстая* предприняла попытку обобщить и систематизировать мифологические представления о переселении душ (в других людей, в животных, растения, стихии и др.), отраженные в фольклоре и поверьях разных славянских традиций («Метемпсихоз в славянских народных представлениях»). *А. Марыняк* обратила внимание на то, что хотя душа не является предметом анализа неврологии, ее атрибуты, а также сфера духовности человека все чаще вызывают интерес исследователей («*Cień duszy w neuronaukach?*» – «Тень души в невронауках?»).

Дальнейшая работа конференции 15 октября проходила по четырем секциям, в рамках которых было прочитано 24 доклада. Выступающие уделяли внимание различным аспектам души, характеризуя ее с перспективы разных научных дисциплин, начиная с этимологии и этнологии и вплоть до изобразительного искусства литературоведения и философии. *М. Якубович* в докладе «*Fizyczny i duchowy aspekt duszy w świetle etymologii jej nazwy*» («Физический и духовный аспекты души в перспективе этимологии ее названия») на основе этимологического анализа предприняла попытку выявить духовные и физические компоненты, составляющие концепт ДУША. *О. В. Белова* на материалах, записанных в ходе экспедиций в различные регионы России и Белоруссии (2011–2015 гг.), проанализировала рассказы о вещих снах и видениях, а также некоторые

элементы обрядности, отражающие традиционные народные поверья и дающие возможность реконструировать механизмы заимствования верований в результате контактов славянской и еврейской культур («Восточнославянские и еврейские народные рассказы о явлении души [к проблеме взаимодействия фольклорных традиций]»). *А. Б. Мороз* на материале полевых записей 1990–2010-х гг., сделанных в Архангельской области, рассказал о представлениях о странствованиях души покойника и о ее взаимодействии с живыми («Путешествия души на этом и том свете. Современная севернорусская традиция»). *Л. Яновец* предметом своего сообщения избрал концептуализацию души в чешских фольклорных текстах. *Д. Айдачич* в докладе «Сербские фразеологизмы с лексемой *душа* в сопоставлении с другими славянскими языками» заметил, что в сербских фраземах душа указывает на промежуточное состояние между жизнью и смертью, между материальным и духовным. О душе в тюркских фразеологизмах и пословицах рассказала *К. Б. Станек* «*Obraz duszy we frazeologizmach i przysłowiach tureckich*» («Образ души в тюркских фразеологизмах и паремиях»). *В. Высочанский* проанализировал отношения между *душой* и *телом* на основе разных источников, в частности, корпуса польского языка «*Wyrazy dusza i ciało. Kolokacyjność słów i kontekstowa aktualizacja znaczenia DUSZA*» («Слова *душа* и *тело*. Коллокации слов и контекстная актуализация значения ДУША»).

Одна из проходивших 15 октября секций была посвящена душе в изобразительном искусстве. *Л. Мороз-Гжеляк* в докладе «*Kształt duszy w sztukach plastycznych. Między sferą sacrum a profanum*» («Форма души в изобразительном искусстве. Между сферой *sacrum* и *profanum*») рассказала об изображениях души в католическом и православном религиозном искусстве. *Б. Пуриц-Стемняк* сосредоточилась на изображениях души на созданном в XV в. триптихе «Страшный суд» Ганса Мемлинга («*Troska o zabezpieczenie duszy w ołtarzu Sąd ostateczny* Hansa Memlinga»). *У. Лер* проследила многообразие форм проявления и функционирования души, которая вопреки теориям, отрицающим ее существование, является культурным символом и семантическим десигнатом вечной жизни («*Dusza – kulturowy klucz do nieśmiertelności*» – «Душа – культурный ключ к бессмертию»). *К. Дата* проследила восприятие понятия *душа* в произведениях Я. Кохановского. О восприятии души в литературных произведениях говорили также *Л. Бановская* (на материале польской поэзии эпохи романтизма), *Л. Пушак* (в произведениях В. Пидмогильного) и *Й. Сколик* (в сочинениях Д. Конрада).

Во второй день конференции, 16 октября, заседания проходили параллельно в четырех секциях, прошли также два пленарных заседания, было прочитано 26 докладов. В каждой секции выделялось несколько тематических блоков. Докладчики уделяли внимание понятию души в культурах Азии (*Й. Юревич, К. Ратайчик, М. Новаковская, А. Стацки*), в духовных произведениях (*А. Новицкая-Струская, И. Борковский*), анализировали поверья о демонах (*М.М. Валенцова*, доклад «Мультипликация души: славянские поверья о полудемонах»), рассказывали об изображениях души вурдалака в художественной литературе (*К. Арчишевская*, доклад «Postmodernistyczna koncepcja duszy wampira (na podstawie powieści Wiktora Pielewina)» – «Постмодернистская концепция души вурдалака [на основе романа Виктора Пелевина]»). Внимание уделялось также изображениям души в поэзии (*Е. Янчук* в докладе «Душа в восприятии Марины Цветаевой», *Л. Багинская, Г. Ружанская*), в частности в произведениях современной польской поэзии (*Д. Филар* в докладе «Językowa narracja o „wędrującej duszy marzyciela“ i jej realizacji w wybranych tekstach polskiej poezji współczesnej» – «Языковой нарратив о странствующей душе мечтателя и ее воплощения в избранных текстах современной польской поэзии», *К. Стемпель-Ганчарчик* в докладе «„[A] nasze dusze smutne mają pyski, leżą na dywanie. wyją. nie dają żyć“ (J. Mansztajn „O duszy“). Dusza w najnowszej poezji polskiej» – «Й. Манштайн „О душе“. Душа в новейшей польской поэзии»).

Интерес аудитории вызвали доклады, использующие в качестве исследуемого материала фразеологию славянских языков: «ДУША в кругу других „органов чувств“ (на материале фразеологии славянских языков)» *Е.Л. Березович*, «Нарративы о покойниках и народная фразеология о душе в традиционной культуре староверов Латгалии» *Е. Короловой*. *Е.Л. Березович* на материале различных славянских языков и диалектов проанализировала фразеологизмы, имеющие значение чувств и включающие в свой состав слово *душа* и названия других частей тела; обратила внимание на зависимость между характером желаний и чувств и названиями тех частей тела, которым приписывается способность их испытывать. Интерес вызвали также выступления, посвященные образу души в чешском и словацком языках. *И. Ванькова* в докладе «Чешская картина души. Контексты, концептуализации, реконцептуализации» не только вывела профили понятия *душа*, но также показала народное понимание души и его отражение в произведениях чешской литературы XIX в. и поэзии XX в. *Н. Корина* в докладе «Душа и сердце в русских и словацких текстах

по данным сопоставительного лингвокогнитивного анализа» на основе текстов национальных корпусов русского и словацкого языков проанализировала концепты душа и сердце в обоих языках.

В последний день конференции, 17 октября, было заслушано 26 докладов. Прошли два пленарных заседания, работали параллельно четыре секции. Обширным был блок, посвященный восприятию и изображениям души в культурах Азии и Африки (*Д. Бжозовская, Э. Сиверская*), а также в иудаизме (*Р. Марцинковский, А. Пентек*). Несколько докладов было посвящено лингвистическому анализу концепта. *О. Е. Фролова* («О русской душевности») уделила внимание семантике прилагательного *душевный* и наречия *душевно*. *О. Макаровская* («Концепты DUSZA и ДУША в польских и русских паремиях») рассказала о специфике и культурном подобию концептов *dusza* и *душа* на материале польских и русских паремий. *М. Скаб* сосредоточилась на диахроническом анализе концепта *душа* (материал охватывал тексты с XI по XXI вв.) в украинском языке в сравнении с польским и русским языками («Koncept DUSZA w języku ukraińskim na tle innych języków» – «Концепт ДУША в украинском языке на фоне других языков»). *Г. Кабакова* предложила проанализировать, что является душой животных, растений и артефактов с точки зрения славянских и романских языков и диалектов, и попытаться ответить на вопрос, как эта душа соотносится с другими центральными понятиями в восприятии человека – *духом* и *сердцем* («Душа вещей и зверей»). *И. Буркацка* уделила внимание словообразовательным возможностям слова *душа* («Słowotwórczy obraz duszy» – «Словообразовательный образ души»). *В. Шулевская* сосредоточилась на анализе польских и славянских антропонимов, мотивированных словом *душа* («Dusza w słowiańskiej antropimii» – «Душа в славянской антропонимии»).

В последний день конференции внимание уделялось также религиозному восприятию души. *А. А. Кожина* рассказала о триаде «дух – душа – дыхание» в творениях Кирилла Туровского, относящей епископа к сторонникам представления о трехчастности человеческой природы. *А. Б. Лукарская* уделила внимание противопоставлению души и тела в духовных текстах XVII и XVIII вв. («„Ten nasz dom – ciało...“ O barokowych wojnach duszy z ciałem na podstawie wybranych przekazów piśmiennictwa religijnego XVII i XVIII wieku» – «„Этот наш дом – тело...“ О барочных войнах души с телом на основе избранных текстов духовной литературы XVII и XVIII вв.»). *Й. Панасюк* предметом своего выступления сделала образ души в рукописях и старопечатных монастырских книгах XVII–

XVIII вв. *И. Мытник* рассказала о религиозном аспекте души в восприятии св. Магдалины-Софии Бара.

Докладчики обращали внимание также на литературные представления души. *А. Подставка* проанализировала соотношение души и тела в пьесах Я. Каспровича («*Dusza i ciało w dramaturgii Jana Kasprowicza*» – «Душа и тело в драматических произведениях Я. Каспровича»), а *М. Липская* внимание уделила пьесе «Диббук» С. Ан-ского.

Докладчики, выступившие на конференции, рассуждали о различных проявлениях и аспектах души, пытались определить ее истину с точки зрения разных научных дисциплин, и, хотя за три дня им не удалось ответить на все затронутые вопросы, можно надеяться, что варшавская встреча стала импульсом для того, чтобы в очередной раз погрузиться в рассуждения об отношениях между материальным (физическим) и духовным (непознаваемым, трансцендентным). Выступления сопровождались оживленными, а иногда бурными дискуссиями, что свидетельствует об актуальности и остроте темы прошедшей конференции.

Э. Масловская, Д. Пазио-Влазловская

Сведения об авторах:

Масловская Эва (Masłowska Ewa), доктор гуманитарных наук, научный сотрудник Института славистики Польской академии наук. E-mail: ejmaslowska@gmail.com

Пазио-Влазловская Дорота (Pazio-Wlazłowska Dorota), кандидат гуманитарных наук, научный сотрудник Института славистики Польской академии наук. E-mail: d.pazio@ispan.waw.pl

ПАМЯТИ...

ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА НИКОЛАЕВА (1933–2015)

21 октября 2015 года скончалась Татьяна Михайловна Николаева – выдающийся российский лингвист, член-корреспондент РАН, иностранный член Геттингенской Академии наук, главный редактор журнала «Вопросы языкознания».

Т. М. Николаева закончила отделение русского языка и литературы филологического факультета МГУ. С 1960 г. она работала в Институте славяноведения РАН, в котором с 1990 по 2012 г. заведовала отделом типологии и сравнительного языкознания. Здесь проявились ее способности дальновидного и умного руководителя. Т. М. Николаева принимала активное участие в жизни научного сообщества. Она организовывала научные конференции, подготовила к изданию коллективные труды: «Из работ Московского семиотического круга» (1978), «Славянские языковые и этноязыковые системы в контакте с неславянским окружением» (2002), «Имя: семантическая аура» (2007), «Семантика имени» (2010). Татьяна Михайловна вносила в жизнь деятельное добро. Ее мудрость состояла в том, что она видела людей крупно – восхищалась достоинствами и была снисходительна к слабостям. Едва ли не превыше всего Т. М. Николаева ставила полноценное человеческое общение.

Татьяна Михайловна была удивительно ярким человеком. Яркой была ее красота, ее острый, насмешливый ум, ее научные прозрения, ее выступления на конференциях, ее реплики в дискуссиях. Татьяна Михайловна любила жизнь и видела назначение человека в творчестве и в созидании. Ее собственное научное творчество оказалось на редкость плодотворным – одиннадцать научных монографий и сотни интереснейших статей. Научное наследие Т. М. Николаевой проникнуто устремленностью к новому. Новое – это машинный перевод и вклад в коллективную монографию «Опыт описания русского языка в его письменной форме» (1965); это просодия и интонация в славянских и балканских языках («Интонация сложного предложения в славянских языках», 1969; «Фразовая интонация славянских языков», 1977; «Просодия Балкан», 1986); это мир ча-

стиц («Функции частиц в высказывании», 1985; «Непарадигматическая лингвистика: история «блуждающих частиц», 2008); это лингвистика текста и грамматика текста, поэтика и семиотика.

Научные интересы Т.М. Николаевой все время расширялись и вели к выбору новых тем и новых ракурсов рассмотрения. Так счастливо совпало, что это были одновременно и выборы времени. Кажется, нет отечественных работ по лингвистике текста, в которых не упоминалась бы вступительная статья Т.М. Николаевой к подготовленному ею изданию «Лингвистика текста» («Новое в зарубежной лингвистике», 1978); не приводилось бы принадлежащее Т.М. Николаевой определение текста из статьи в Лингвистическом энциклопедическом словаре»; нет исследований русских частиц без отсылок к ее монографии.

Татьяна Михайловна любила науку и тех, кто ей предан. Достаточно обратиться к ее книгам, посвященным «Слову о полку Игореве» («„Слово о полку Игореве“: лингвистика текста и поэтика», 1997; «„Слово о полку Игореве“ и пушкинские тексты», 1997) или к «Непарадигматической лингвистике», чтобы услышать голоса ученых, в разное время и в разных точках земли увлекшихся той же проблемой и теми же вопросами, что вставали перед ней и требовали решения и разгадки. Ее научный язык менялся от строго структуралистского до все более простого и раскованного, но неизменной оставалась личная ответственность – за проведенный эксперимент, за интерпретацию, за основную гипотезу, порой неожиданную и парадоксальную. В монографиях «О чем на самом деле написал Пруст?» и «О чем рассказывают нам тексты?» увлекательные научные интриги выстраиваются в пространстве языка и литературы, языка и мифологии, языка и философии, истории, психологии, семиотики. Открытое и распахнутое, гуманитарное знание манит множеством путей и непреложностью открытий...

...Почти не может быть, ведь ты была всегда – так, по-ахматовски, восприняли уход Татьяны Михайловны многие и многие близкие ей люди. И как нашел я друга в поколении, Читателя найду в потомстве я, – строки Е. Баратынского исполнены достоинства и надежды. В будущих читателях Т.М. Николаева найдет таких же увлеченных и заинтересованных собеседников, какой была она сама.

О. Г. Ревзина

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«Вестник Московского Университета.
Серия 9. Филология» в 2015 году

СТАТЬИ

<i>Архангельская А. В.</i> Проблема зачина, или Когда историю пишут писатели (к вопросу о начале «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина)	6	71
<i>Бархударова Е. Л.</i> Основы сопоставления фонетических систем изучаемого и родного языков в контексте обучения произношению.	3	139
<i>Белавина Е. М.</i> Весь этот шум, Или некоторые аспекты фоностилистики современной французской поэзии	6	87
<i>Бутенина Е. М.</i> Транскультурный поэтический миф в романе Джона Краули «Переводчик»	4	104
<i>Виноградов И. А.</i> «С Гомером долго ты беседовал один...» К истории интерпретации пушкинского стихотворения	5	59
<i>Воропаев В. А.</i> Знакомство Гоголя с Лермонтовым	5	71
<i>Всеволодова М. В.</i> Язык: норма и узус (подходы к системе языка)	6	35

<i>Гаверилова В. И.</i> Залоговая характеристика возвратных глаголов с характеризующе-качественным значением.	5	42
<i>Граценков П. В., Ермолаева М. Б.</i> О двойственной природе тюркских конвербов	2	42
<i>Злочевская А. В.</i> Образ автора и нарративная структура романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»	2	57
<i>Ивинский Д. П.</i> Книги Пророков и русская литература. 1. Книга пророка Даниила: заметки к теме	1	34
<i>Катаев В. Б.</i> Чехов современный	5	76
<i>Кислова Е. И.</i> Польский язык в российских семинариях XVIII в.: из истории культурно-языковых контактов	3	155
<i>Ковтун Е. Н.</i> Научная фантастика и фэнтези – конкуренция и диалог в новой России	4	53
<i>Колобаева Л. А.</i> И. Бродский: работа с античным мифом	2	67
<i>Кукушкина О. В.</i> Закономерности выбора суффиксов имперфективации в современном русском языке.	5	7
<i>Машкова А. Г.</i> Слово о Людовите Штуре (200 лет со дня рождения и 160 лет с дня смерти)	6	80
<i>Николенкова Н. В.</i> Поприще vs Верста в церковнославянском тексте XVII в.	6	58
<i>Оболенская Ю. Л.</i> Федерико Гарсиа Лорка в переводах Марины Ивановны Цветаевой	5	99
<i>Панова Г. И.</i> О стратификации выражения морфологических значений в структуре словоформ русского глагола	1	62

<i>Пентковская Т. В.</i> Евангелие от Матфея в составе перевода бесед старца Силуана: к вопросу об источниках комментируемого текста	2	7
<i>Петрухина Е. В., Чжухонг Ли.</i> Модальность глагольных форм будущего времени в русском языке	4	72
<i>Разлогова Е. Э.</i> К вопросу о передаче лексических параллелизмов в переводе	5	23
<i>Ревзина О. Г.</i> Язык писателя и литературный язык в концепции В. В. Виноградова	6	7
<i>Ремнёва М. Л., Николенкова Н. В.</i> Двойственное число в церковнославянских текстах переходного жанрового характера (конец XVI – XVII век).	1	50
<i>Савельев В. С.</i> Древнерусские «общие места» (на примере «Повести временных лет» и древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия)	4	87
<i>Савельева М. С.</i> «Чортова дюжина». К вопросу о творчестве Федора Сологуба и истоках романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».	3	171
<i>Сергеев А. В.</i> Георг Брандес и «литература прорыва»	5	86
<i>Сидорова М. Ю.</i> Коммуникативно-функциональная грамматика и традиционные синтаксические объекты (придаточное определительное с союзным словом «который»)	6	24
<i>Сорокина В. В.</i> Русскоязычная проза Азербайджана начала XXI в. Литературные связи и художественные особенности	2	84
<i>Уржа А. В.</i> Функциональные спутники настоящего исторического в русских переводах нарративных текстов.	1	76

- Хализев В.Е., Холиков А.А.* Парадоксы и «плодотворные крайности» русского формализма (методология / мировоззрение) **1** 7
- Цисун Е. (КНР).* Нумерические элементы в составе терминов в китайском языке в сопоставлении с русским **1** 95

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

- Балашова А.Ф.* Рассказы о «священной войне» в XXI в.: образы, сюжеты, мотивы **3** 73
- Кормилов С.И.* Белое пятно в истории Великой Отечественной войны: литературная критика **3** 9
- Моисеева В.Г.* Слова «великие» и «простые» о Великой Отечественной войне: к вопросу об эволюции русской «военной» прозы второй половины XX века **3** 58
- Руденко М.С.* Образ Великой Отечественной войны в публицистике 1941–1945 гг. **3** 45

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Л. ПАСТЕРНАКА

- Мальцева О.А.* Религиозная символика в пейзажных стихотворениях цикла Б. Пастернака «Елене» **1** 115
- Романова И.В.* Устойчивые лексические комбинации в стихотворениях Б.Л. Пастернака о войне **1** 106
- Руденко М.С.* Антроподицея Бориса Пастернака (размышления над текстом «Доктора Живаго») **1** 123

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

С. А. ЕСЕНИНА

- Машкова А. Г.* Сергей Есенин в славянском мире **4** 39
- Николаев Д. Д.* Парижское «Возрождение» 1920-х гг.
о Сергее Есенине Часть первая: От Бунина к Хо-
дасевичу (1925–1926). **4** 20
- Солнцева Н. М.* Поэтическая этнология С. Есенина
(«Пугачев»). **4** 9

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

К. В. ВАСИЛЬЕВА

- Аманова Г. А.* Образы деревьев в лирике К. В. Васи-
льева и корейской классической поэзии (типоло-
гическое сопоставление) **2** 118
- Кормилов С. И.* Экспериментальные сонеты Констан-
тина Васильева **2** 108
- Левагина С. Н.* «Смогу ль отдать земле – земное...»,
или «Я этим жил...» (границы одной темы Констан-
тина Васильева в лирике Алексея Шадринова) **2** 130

К 85-ЛЕТИЮ

ВАЛЕНТИНА ЕВГЕНЬЕВИЧА ХАЛИЗЕВА

- Бочаров С. Г.* Мой друг Валентин Хализев **3** 86
- Гуревич А. М., Кормилов С. И., Мартыанова С. А., Тю-
на В. И., Федотов О. И.* Выдающийся вузовский
литературовед **3** 82
- Егоров Б. Ф.* О верхних этажах науки **3** 88

- Кормилов С. И., Мартыанова С. А.* В. Е. Хализев как историк литературы. **3** 115
- Никандрова О. В., Холиков А. А.* Научное творчество В. Е. Хализева: философский аспект **3** 99
- Темиршина О. Р.* Крупнейший вклад в теорию литературы. Шесть изданий одного учебника **3** 90

ПАМЯТИ

ВАЛЕНТИНА АЛЕКСАНДРОВИЧА НЕДЗВЕЦКОГО

- Из откликов на смерть В. А. Недзвецкого **1** 140
- Кормилов С. И.* Ушел большой человек **1** 133
- Недзвецкий В. А.* Н. И. Либан о русском классическом романе **1** 150

ДИСКУССИИ

- Кормилов С. И.* Тринадцать побед с потерями. О двухтомном пособии для поступающих в вузы «Русская литература XIX–XX веков» (к выходу 13-го издания) **5** 110

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Архипова М. А.* Типология англоязычных терминов уголовного права **2** 165
- Бораганова К. К.* Гендерные стереотипы кумыков по данным кумыкской фразеологии. **4** 175
- Величко А. В.* Фразеологизированные предложения в публицистическом коммуникативном контексте **2** 176

<i>Воропаев В.А.</i> Оптинский адресат Н. В. Гоголя	4	116
<i>Гусева С.С.</i> Обозначения лица в тексте как элементы единой номинативной парадигмы (на примере текстов А. П. Чехова)	1	187
<i>Дубкова М.В.</i> Геобиография: к определению жанра	2	198
<i>Дуринова Г.В.</i> Когнитивные методы в исторической семантике	6	124
<i>Дурягин П.В.</i> Реализация «сочетаний с непроизносимыми согласными» на стыках слов в современном русском литературном языке	1	197
<i>Зубков К.Ю.</i> «Антинигилистический роман» как полемический конструкт радикальной критики	4	122
<i>Караваева П. Ю.</i> Особенности грамматической нормы употребления претеритальных форм в Послании Преподобного Нила Сорского: четыре редакции одного творения	2	145
<i>Карцева З.И.</i> Музыка в мотивной структуре прозы Э.Дворяновой	1	161
<i>Кассель А.В.</i> «Petersburg» Макса Бартеля и «Петербург» Осипа Мандельштама	4	141
<i>Кобелева Е.В.</i> Языковая репрезентация образа бизнесмена-магната в романе Ф.С. Фицджеральда «Последний магнат»	4	194
<i>Кузьмина М.Д.</i> Театральность поведения как форма житнетворчества: образ отца А. И. Герцена в «Былом и думах»	5	143
<i>Кукушкина О.В., Варламов А.А.</i> Язык Пушкина: лексикографические этюды	6	110

<i>Литневская Е. И., Литневская О. А.</i> К определению текстообразующих признаков когезии и когерентности	6	116
<i>Маглий А. Д.</i> От «малых историй» к метанарративам: романы о художнике «Роман» В. Сорокина, «Преподаватель симметрии» А. Битова, «Лавр» Е. Водолазкина и «Маша Регина» В. Левенталья как модификации романа творения	3	238
<i>Маглий А. Д.</i> Жанровое своеобразие романа Е. Водолазкина «Лавр»	1	177
<i>Мальцева О. А.</i> Амбивалентная символика в начальных стихотворениях цикла Б. Пастернака «Нескучный сад»	6	168
<i>Манькова А. О.</i> Ориентальное в программных манифестах русских символистов	1	170
<i>Мареева Ю. А.</i> Семантика и функционирование русских наречий в зеркале новогреческого языка	2	138
<i>Мартirosян К. Г. (Армения).</i> Синтетизм в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева»	6	179
<i>Новикова М. В.</i> К вопросу о значении настоящего исторического совершенного вида в севернорусских былинах	4	209
<i>Петренко А. Е.</i> Оценочные прилагательные в старофранцузском языке (на материале романа «Вильгельм Английский»).	6	156
<i>Плотникова А. И.</i> Выбор окончания родительного падежа единственного числа существительными мужского рода в истории русского языка	6	134
<i>Руеангдам Ангсана (Таиланд).</i> Наименования предметов и реалий повседневной жизни по отношению к времени в современном русском языке	6	146

<i>Русанова С.В.</i> Промемория в региональном делопроизводстве XVIII в.: функциональная направленность и жанровая специфика	2	153
<i>Сапронова В.М.</i> Функционально-семантические особенности шведских неопределенных местоимений	3	178
<i>Скляднева П.А.</i> Методы анализа ритма в художественной прозе	3	217
<i>Столярова В.В.</i> Пространственные предлоги и наречия в русском языке: семантические различия	1	208
<i>Тарасова К.П.</i> Выкрики уличных торговцев как вид рекламы	4	183
<i>Улитова А.С.</i> О зависимости положения притяжательных местоимений от одушевленности определяемого существительного в русской деловой письменности XVII в.	3	202
<i>Успенский П.Ф.</i> «Люди в пейзаже» Бенедикта Лившица: литературная традиция в футуристическом стихотворении	2	186
<i>Федорцова А.Ю.</i> Поэтика сновидения в жизнеописании Плутарха (на материале жизнеописания Демосфена)	5	135
<i>Фисун Р.С.</i> О диахроническом аспекте корреляции <i>теперь</i> ~ <i>сейчас</i>	5	160
<i>Хукаленко Ю.С.</i> О языковом облике биологического научного текста: нейтральный, техноцентрический и биометрический взгляд на объект познания и описания.	3	191

- Цай Мин (КНР)*. Сюжет о Ванюшке-ключнице в стихотворении Н. А. Некрасова «Огородник» и «Балладе» И. С. Тургенева **5** 154
- Шакар Р. (Турция)*. К изучению словообразовательных средств выражения семантической категории одушевленности-неодушевленности в современном русском языке **5** 171
- Шульц С. А.* В. Г. Распутин и Л. Н. Толстой («Последний срок» и «Смерть Ивана Ильича»). **4** 163

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Белова Т. Н.* Н. В. Гоголь как художественный и культурно-исторический феномен / Зденек Пехал, Олег Зырянов и др. Olomouc, 2015. 202 с. **6** 199
- Изотов А. А.* Beliaevski M. Čeština UNCENSORED. Praha: Powerprint, 2015. 216 s. **4** 223
- Изотов А. И.* Hebal-Jeziarska M. (Ed.) Praktyczny przewodnik po korpusach języków słowiańskich. Warszawa: Wydział polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2014 **2** 215
- Кормилов С. И.* Еремин В. Н. 100 великих литературных героев. М.: Вече, 2015. 320 с. (Популярная коллекция «100 великих»). **6** 206
- Кормилов С. И.* Тверьянович К. Ю. Русский стих 1735–1810-х годов. Метрика и строфика. Антология. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 320 с. **5** 189
- Потапова Р. К.* Кривонос А. Т. Философия языка. М.; Нью-Йорк: Азбуковник, 2012. 787 с. **4** 219
- Рыбакова А. С.* Александровская Е. Б., Лосева Н. В., Читахова Л. Л., Манакина О. Е., Брагина Т. В. Учеб-

ник французского языка «Le français. ru». М.: Нестор Академик, 2006; 2007; 2009; 2014	6	189
<i>Рыбина П. Ю.</i> Гальцова Е. Д. Сюрреализм и театр: К вопросу о театральной эстетике французского сюрреализма. М.: РГГУ, 2012	2	211
<i>Сидорова М. Ю.</i> Кислова Е. И. Учебно-методическое пособие для студентов механико-математического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова «Русский язык и культура речи»	5	198
<i>Усачева А. В.</i> Марта Петреу. Ионеску в стране отцов. Бухарест, 2012	1	219
<i>Холиков А. А.</i> Судьбы курсив – курсив литературы. К юбилею профессора Нэлли Михайловны Щедриной: Междунар. сб. науч. тр. / Сост. В. А. Скрипкина, Н. М. Щедрина. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 472 с.	5	185
<i>Шедловская А. Ю.</i> Недзвецкий В. А. Шестнадцать шедевров русской литературы. М.: Изд-во Моск. унта, 2014	3	252

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Анцыферова О. Ю.</i> Великие книги и школы критического прочтения	4	230
<i>Архангельская А. В., Ярко А. Н.</i> «Ломоносовские чтения» в Филиале МГУ в г. Севастополе	2	224
<i>Беликов А. Е.</i> День науки на филологическом факультете – 2015	4	248
<i>Воропаев В. А.</i> Научная конференция «Император Николай I и русская литература» на филологическом факультете МГУ	3	265

<i>Ивинский Д. П.</i> Конференция «История литературы в системе современных гуманитарных дисциплин»	1	233
<i>Изотов А. И.</i> Актуальные проблемы лингвистики и лингвокультурологии: XII Международная конференция в Московском педагогическом государственном университете.	3	268
<i>Илюшин А. А.</i> Конференция «Русский стих: вопросы поэтики и версификации (к 280-летию выхода книги В. К. Тредиаковского „Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний“»)»	2	221
<i>Кондратьев Б. С.</i> Всероссийская научная конференция «Литературное общество „Арзамас“: история и современность»	3	260
<i>Масловская Э., Пазио-Влазловская Д. (Польша)</i> Международная научная конференция «Мир глазами души, душа глазами мира»	6	215
<i>Новицкас Л. А., Першкина А. Н., Федотов А. С.</i> IV Международная конференция молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс» (МГУ, 19–20 марта 2015 г.)	4	238
<i>Онипенко Н. К.</i> Хроника XLVI Виноградовских чтений	2	217
<i>Соколова О. В., Тарасова М. А.</i> Международная научная конференция «Язык и языки поэзии. К 80-летию Г. Айги».	2	227
<i>Сорочан А. Ю., Степанова Э. С.</i> Конференция «Вечность как сюжет» в Твери	2	237
<i>Чернец Л. В. и др.</i> XI Поспеловские чтения «Герменевтика. Интерпретация. Текстология – в новом тысячелетии»	1	223

ПАМЯТИ...

- Беликов А. Е.* Олег Дмитриевич Никитинский – Helgus Nikitinski Moscuensis (14.09.1967–06(07?). 06.2015) **4** 255
- Ревзина О. Г.* Татьяна Михайловна Николаева (1933–2015) **6** 221
- Кимягарова Р. С.* Людмила Михайловна Баш (23.03. 1946–15.11.2014) **1** 238
- Янзина Э. В.* Валентина Петровна Завьялова (03.01. 1942–30.06.2015) **4** 252

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Все материалы, предлагаемые авторами для публикации, направляются на электронный адрес edit@philol.msu.ru либо представляются в редколлегию на CD (и, при желании, в распечатке); рукопись может быть также направлена на адрес редколлегии по почте.

Требования к оформлению публикаций:

– Во всех публикуемых текстах (статьях, материалах, сообщениях, обзорах, рецензиях) должны содержаться сведения об авторе по-русски и по-английски: имя, фамилия и отчество полностью, ученая степень и ученое звание (если применимо), место работы, должность, контактная информация (телефон и / или e-mail).

– Все статьи и материалы должны содержать аннотацию (3–5 предложений) и ключевые слова (3–6 слов) на русском и английском языках.

– Все примечания, включая библиографические ссылки, должны быть оформлены в виде постраничных сносок.

– Список литературы располагается в конце статьи. Порядок представления библиографических единиц алфавитный (по фамилиям авторов либо по названию сборников или периодических изданий), без нумерации. В список литературы включаются только те работы, на которые автор ссылается в тексте.

Требования к файлам:

– Формат .doc, .docx или .rtf file.

– Максимальный объем – 20000 символов, включая пробелы.

– Шрифт Times New Roman, кегль 12, полуторный интервал.

– Все дополнительные шрифты, схемы и рисунки должны быть присланы также в виде отдельных файлов.

Рецензирование:

– Все присланные материалы рецензируются членами редколлегии и – при необходимости – приглашенными специалистами в соответствующей области.

– По решению редколлегии рукопись может быть принята к публикации, отклонена или возвращена автору для переработки. Решение сообщается автору в письменной форме в течение двух месяцев после сдачи рукописи.

– Если отзыв о рукописи положительный, автору высылаются замечания и рекомендации рецензентов, и после того, как будут сделаны все необходимые исправления, текст утверждается к печати в текущем номере журнала.

Плата за публикацию с авторов не взимается.